

Р. С. КОРХМАЗЯН

**ТУРЕЦКО -
ГЕРМАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ЕРЕВАН

В работе рассматривается один из важнейших аспектов внешней политики Турции периода второй мировой войны—ее политико-дипломатические отношения с Германией.

Развитие германо-турецких отношений освещается на фоне общего комплекса дипломатических связей страны и военно-политической ситуации.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ. Ս. ԿՈՐԽՄԱԶՅԱՆ

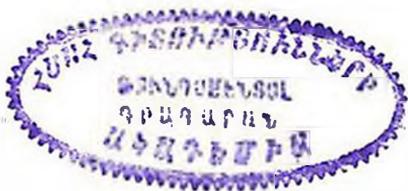
ԹՈՒՐԲ—ԳԵՐՄԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ԵՐԿՐՈՐԳԻ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ
ՏԱՐԻՆԵՐԻՆ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. С. КОРХМАЗЯН

ТУРЕЦКО—ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Р
—
П
—
4705047

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1977

9 (М) 72

К 69

Отв. редактор
Г. Л. РОЗАНОВ

К 10601 30—76
703(02)—77

© Издательство АН Армянской ССР. 1977.

Введение

Дипломатическая история кануна и периода второй мировой войны постоянно находится в центре внимания историков разных стран. Различные аспекты взаимоотношений как между странами, вошедшими накануне войны в ту или другую империалистическую группировку, так и их взаимоотношения с Советским Союзом стали важнейшим объектом исторических исследований. Значительное внимание уделяется и отношениям великих держав с малыми странами, исследуются позиции и политика не участвовавших в войне государств. Однако проблемы внешней политики Турции не нашли достаточного освещения в советской исторической литературе. Между тем внешняя политика Турции военных лет представляет несомненный интерес, и прежде всего ее отношения с Германией, оказавшие большое, во многом решающее влияние на позицию и политику страны. Развитие отношений между Германией и Турцией имело известное влияние и на политику некоторых, прежде всего балканских, стран.

История турецко-германских отношений заслуживает пристального изучения не столько с целью выявления агрессивности и авантюристичности политики гитлеровской Германии, общая внешнеполитическая концепция которой широко известна, сколько для того, чтобы проследить особенности политического курса одного из официально нейтральных в этой войне государств.

Исключительно важное стратегическое и военно-политическое значение Турции сделало ее накануне и в годы второй мировой войны объектом большой политической активности крупнейших империалистических держав. Со своей стороны, Турция преследовала во

внешней политике собственные цели. Последнему обстоятельству при исследовании взаимоотношений Турции с великими державами часто не уделяется должного внимания, что низводит Турцию до положения полуколониальной страны. Тем самым косвенно отвергается возможность проведения ею вполне самостоятельной политики, а непоследовательность турецкого политического курса объясняется усилившимся в данный момент давлением того или иного блока—стран оси или антигитлеровской коалиции. Между тем в зигзагах политики турецкого правительства, чутко реагировавшего на любое изменение в соотношении сил и постоянно корректировавшего внешнеполитический курс страны в соответствии с развитием военной и международной ситуации, имелась определенная логика, обусловленная в первую очередь националистическими, классовыми, антисоветскими целями турецких правящих кругов.

Последствия политического курса турецкого правительства военных лет хорошо известны: в годы холодной войны, развязанной реакционными империалистическими кругами Запада, Турция активно включилась в нее, стала членом агрессивного североатлантического блока, что поставило ее в сложное, экономически зависимое и политически бесперспективное положение союзника США и других империалистических держав.

Однако буржуазная историография упорно подчеркивает выгодность политического курса Турции для нее самой и для союзников, замалчивает и камуфлирует неблагоприятные стороны турецкой политики, пытается возложить на Советский Союз ответственность за тот антисоветский курс, который проводила Турция в годы второй мировой войны.

Эти обстоятельства ставят перед историками-марксистами настоятельную задачу детального исследования турецкой внешней политики, в частности турецко-германских отношений, являвшихся одним из главных аспектов внешней политики Турции, ибо здесь с наибольшей отчетливостью проявились принципы внешнеполитического курса турецких правящих кругов. Кроме того, интерпретация взаимоотношений Турции и Германии нуждается в некоторой корректировке в связи с

публикацией большого количества новых документов.

Научно-методологической основой настоящей работы послужили теоретические труды классиков марксизма-ленинизма, программные документы ЦК КПСС и международного коммунистического движения.

Исключительное значение для правильного освещения всего комплекса международных отношений в период второй мировой войны и его частных проблем имеют документы конференций в Тегеране, Ялте, Потсдаме,¹ переписка глав правительств СССР, США и Великобритании во время Великой Отечественной войны,² сборники документов по внешней политике Советского Союза³ и сборник «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны»,⁴ где впервые опубликованы записи бесед замнаркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина с членами турецкого правительства во время его визита в Анкару в конце апреля—начале мая 1939 г. и записи бесед наркома иностранных дел СССР с турецким послом в Советском Союзе.

Основным источником изучения турецко-германских отношений явились опубликованные документы архивов Германии, Англии, Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и других стран, материалы советской и зарубежной прессы.

В Турции материалы архивов не издаются, и в настоящем историке раскрывают лишь официальными правительственными сообщениями и сборниками речей турецких государственных деятелей.⁵

¹ «Тегеран, Ялта, Потсдам», Сб. документов, М., 1971.

² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1—2, М., 1957.

³ «Внешняя политика СССР», т. IV (1935—июнь 1941 г.), М., 1946; «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I—III, М., 1944—1947.

⁴ «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.), М., 1971.

⁵ Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri (1919—1937), İkinci Baskı, I—III, Ankara, 1959—1961; İnönü'nün Söylev ve Demeçleri, İstanbul, 1946; Milli Şef'in Söylev, Demeç ve Mesajları, İstanbul, 1945.

Большое количество ценных документов содержится в тринадцати томах серии «Д» (1937—1941 гг.) и двух опубликованных на сегодняшний день томах серии «Е» (декабрь 1941—август 1942 гг.) капитального издания материалов архива внешней политики Германии.⁶ Здесь представлены переписка германского посла со своим министерством, документы германо-турецких политических и экономических переговоров, тексты договоров, материалы отдела экономической политики германского МИДа, переписка Гитлера и президента Иненю и другие интересные материалы.

Некоторые из упомянутых документов были ранее опубликованы в СССР вместе с рядом документов 1941—1943 гг., не представленных в других изданиях.⁷

Многие обстоятельства, имеющие принципиальное значение для понимания германо-турецких отношений, были выяснены в ходе Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками. Среди материалов этого процесса, изданных в 42 томах,⁸ есть документы, непосредственно освещающие некоторые аспекты германской политики относительно Турции, в том числе материалы, раскрывающие сущность деятельности и политическое лицо посла фашистской Германии в Анкаре Франца фон Папена.

Позиция турецкого правительства относительно Советского Союза и некоторые принципы турецкого политического курса в целом в начале войны вырисовываются из документов, опубликованных Германией летом 1940 г.⁹ Речь идет о трофейных документах англо-

⁶ Documents on German Foreign Policy 1918—1945, Ser. D: 1937—1945, vol. V-XIII, London-Washington, 1953—1964 (Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Ser. D: 1937—1945); Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Ser. E: 1941—1945, Bd. 1—2, Göttingen, 1969—1972 (далее — DGFП и ADAP).

⁷ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. 2, Германская политика в Турции (1941—1943), Госполитиздат, 1946.

⁸ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vol. I—XIII, Nuremberg, 1947—1951.

⁹ Die Geheimakten des französischen Generalstabes (Auswärtiges Amt 1939/1941, No. 6), Berlin, 1941.

франко-турецких штабных переговоров весны 1940 г. Не довольствуясь содержащимися в документах красноречивыми свидетельствами антисоветской направленности политики как западных держав, так и Турции, гитлеровцы при публикации, добиваясь максимального эффекта, исказили отдельные места. Но фальсификация, в которой Турция обвинила правительство рейха, не затрагивала сущности преданных гласности документов. Это подтверждают, судя по комментариям, и недавно опубликованные материалы английских архивов, относящиеся к весне 1940 г.

Двухтомное издание записей бесед Гитлера, Риббентрона и других руководителей рейха с государственными деятелями и дипломатами различных стран¹⁰ содержит значительное количество ранее не публиковавшихся документов. Привлекают внимание как записи бесед Гитлера с турецким послом Гереде, так и обсуждение позиции Турции с Хорти и Антонеску. Однако стенограммы требуют к себе очень критического подхода.¹¹

Материалы о германских военно-стратегических планах относительно Турции и Ближнего Востока— директивы, стратегические и военно-политические разработки, проекты и т. д.—содержатся в военном дневнике верховного главнокомандования,¹² который велся в ставке Гитлера. И хотя в этом море сведений материалы, относящиеся к рассматриваемой теме, занимают очень небольшое место, по своему значению они нередко

¹⁰ Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über die Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, Bd. 1: 1939—1941; Bd. 2: 1942—1944, Frankfurt/Main, 1957—1970.

¹¹ Подробнее об этой и ряде других документальных публикаций см.: В. И. Дашинцев, Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. I, М., 1973, стр. 13—26.

¹² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht, 1940—1945, Bd. 1—IV, Frankfurt/Main, 1961—1965 (далее—КТВ ОКВ). Все 52 директивы Гитлера с дополнениями к ним, особыми распоряжениями, изменениями и приказами Гитлера от 1941—1945 годов вышли отдельным изданием: W. Hubatsch (Hrsg.), Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945, Frankfurt/Main, 1962.

являются уникальными. В качестве примера можно привести план оккупации Турции, разработавшийся в 1944 году.

Важнейший источник такого же плана—дневник начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера.¹³ Так как дневник предназначался для служебного пользования, т. е. представляет собой заметки для памяти, то приведенные в нем факты обладают большой степенью достоверности.

Большое значение имеют тексты сохранившейся части протокольных записей совещаний в ставке Гитлера по политическим и стратегическим проблемам¹⁴ и стенограммы высказываний Гитлера о политических целях и замыслах Германии во время бесед с доверенными лицами.¹⁵

Материалы германских архивов дополняются публикациями особенно тщательно и тенденциозно подобранных документов английских¹⁶ и американских архивов.¹⁷ Используются также некоторые другие советские и зарубежные публикации документов.¹⁸

¹³ Generaloberst F. Halder, Kriegstagebuch, Bd. I—III, Stuttgart, 1962—1964 (Генерал-полковник Ф. Гальдер, Военный дневник, т. I—III, М., 1968—1971).

¹⁴ Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945, Stuttgart, 1962.

¹⁵ Hitler's Secret Conversation 1941—1944. With an introductory essay on the mind of Adolf Hitler by H. R. Trevor-Roper. N. Y., 1953; H. Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942. Bonn, 1951; The Testament of Adolf Hitler. The Hitler—Borman Documents. February—April 1945, London, 1961.

¹⁶ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third series, vol. IV—X, London, 1951—1961 (далее—DBFP).

¹⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939—1943. Washington, 1955—1964 (далее—FR).

¹⁸ «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», Госполитиздат, 1952; «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, т. II, Архив Дирксена, М., 1948; «Венгрия и вторая мировая война». Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны, М., 1962; «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР, М., 1967; Д. И. Дашинцев, Банкротство стратегии герман-

Наряду с огромным документальным материалом историки располагают мемуарами и дневниками многих ведущих государственных, политических и военных деятелей различных стран.

Среди немногочисленной турецкой мемуарной литературы, относящейся к данной теме,¹⁹ выделяются воспоминания известного писателя, общественного деятеля и дипломата Якуба Кадри Караосманоглу,²⁰ критически оценившего деятельность дипломатии западных держав и мюнхенскую политику Англии и Франции с ее далеко идущими антисоветскими целями.

Большое количество мемуаров и дневников издано в ФРГ.²¹ Попытки авторов сгладить некоторые стороны агрессивной внешней политики фашистской Германии и тем самым оправдать свою собственную деятельность делаются на основе откровенного антисоветизма. При этом мемуаристы из ФРГ искажают факты не только при изложении событий по памяти, но и в вопросах широко известных, стремясь максимально фальсифицировать историю международных отношений и внешнюю политику Советского Союза.

Из этой серии следует отметить воспоминания Риббентропа²² и Вейцзекера,²³ поскольку они непосредствен-

ского фашизма, т. 1—2, М., 1973; *Allianz Hitler—Horthy—Mussolini (Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1933—1944))*, Budapest, 1966; *Nazi-Soviet Relations 1939—1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office*, Washington, 1948; *Dokumente der Deutschen Politik. Reihe: das Reich Adolf Hitlers*, Bd. 9, Berlin, 1944; *Documents on American Foreign Relations*, vol. 1—VII (1939—1945), Boston, 1940—1946; *Documents on International Affairs, 1939—1946*, vol. 1—2, London, 1951—1954.

¹⁹ *T. R. Aras, Görüşlerim*, Istanbul, 1945; *A. E. Yalman, Turkey in my Time*, University of Oklahoma Press: Norman, 1957.

²⁰ *Якуб Кадри Караосманоглу, Дипломат поневоле. Воспоминания и наблюдения*, М., 1966.

²¹ Военная мемуарная литература ФРГ практически не касается вопросов международных отношений.

²² *J. von Ribbentrop, Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen*, Leonl am Starnberger See, 1953.

²³ *E. von Welzsäcker, Erinnerungen*, München-Tübingen, 1950

но занимались германской политикой относительно Турции. Однако оба автора практически не касаются области взаимоотношений Германии и Турции. Значительно отличаются от мемуаров министра иностранных дел воспоминания бывшего канцлера, позднее посла в Турции в течение всех военных лет Франца фон Папена,²⁴ который всячески стремится отмежеваться от деятельности фашистского правительства Германии.²⁵

Исключительная осведомленность Папена о всех аспектах внешней политики Германии не уступала осведомленности Риббентропа, фактическим конкурентом которого он являлся. Прикрываясь своим известным конфликтом с Риббентропом, Папен пытается доказать, что якобы сделал все возможное, чтобы предотвратить распространение войны на Ближний Восток и удержать Германию от агрессии против Турции.²⁶ Папен извращает сущность своей деятельности на поприще ведущего дипломата третьего рейха, которая должна была привести Турцию к потере политической независимости.

Мемуары личного переводчика Гитлера Пауля Шмидта,²⁷ присутствовавшего на многих беседах Гитлера, в том числе на встречах фюрера с турецкими послами Гереле и Арпагом, выдержаны в духе трудов гитле-

²⁴ *F. von Papen, Memoirs, London, 1952.*

²⁵ В этом смысле его мемуары продолжают и развивают основную концепцию, выдвинутую Папеном и его защитником Кубушкой перед Нюрнбергским судом («Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах, т. 5 (Допросы подсудимых и речи адвокатов), М., 1960, стр. 838).

²⁶ *F. von Papen, op. cit.* См., например, главу XXVI «Дуэль за Турцию», стр. 470—484. В действительности Папен расходился с МИДом Германии лишь в вопросе о средствах достижения внешнеполитических целей рейха. Так, Папен считал недопустимым создание дополнительных фронтов на Балканах и Ближнем Востоке и предполагал добиваться присоединения Турции к оси политико-дипломатическими средствами, подкрепленными, конечно, запугиванием военной мощью Германии.

²⁷ *P. Schmidt, Statist auf diplomatischer Bühne. 1923—1945, Bonn, 1954.*

ровских дипломатов. Кроме того, значение этих мемуаров для нашей работы ограничено и другими обстоятельствами. Назначив послом в Берлине известного своими симпатиями к фашистской Германии Герере, президент Иненю свел его деятельность к простому представительству. Практически почти ни одна из проблем взаимоотношений с Германией не разрешалась по каналу МИД Турции—турецкий посол в Берлине—МИД Германии. Турецкий президент лично занимался вопросами внешней политики страны,²⁸ причем деятельность его в этой области далеко не ограничивалась контролем работы турецкого МИДа.²⁹ Соответственно, развитие взаимоотношений между странами шло по каналу: президент и МИД Турции—германский посол в Анкаре—МИД Германии, а чаще—лично министр Риббентроп. Этот вариант устраивал и нацистов: не случайно же они послали в Турцию одного из своих опытейших дипломатов. В результате Шмидт и другие мемуаристы, причастные к дипломатической службе, располагали очень незначительным материалом в области германо-турецких отношений. К тому же они не ставили себе целью подробное изложение даже этих сведений.

Интересные сведения содержатся в дневниках и воспоминаниях других деятелей третьего рейха, фашистской Италии и стран-сателлитов.³⁰

В распоряжении историков имеются интересные воспоминания Эльяса Базны и книга атташе германско-

²⁸ Это обстоятельство отмечалось еще в 1941 году (*H. Hartmann, Die auswärtige Politik der Türkei 1923—1940*, Zürich, 1941, S. 44).

²⁹ *Ed. Weisband, Turkish Foreign Policy 1943—1945. Small state diplomacy and Great Power politics*, Princeton University Press, 1973, p. 35.

³⁰ *Al. Cretzianu, The Lost Opportunity*, London (1957); *G. Ciano, The Ciano Diaries (1939—1943)*, N. Y., 1946; *H. von Dirksen, Moskau—Tokio—London. Erinnerungen und Betrachtungen zur 20 Jahren deutscher Aussenpolitik. 1919—1939*, Stuttgart, 1949; *G. Gafencu, Last Days of Europa*, N. Y., 1948; *U. von Hassel, Diaries. 1938—1944*, N. Y., 1949; *A. Rosenberg, Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs (1934/1935 und 1939/1940)*, München, 1956.

го посольства в Турции и сотрудника разведки Л. Мойзиша.³¹

Руководитель германской политической разведки В. Шелленберг, видимо, не без оснований предполагал, что операция содействовала турецкая служба безопасности, стремившаяся, по его мнению, предостеречь Германию и подтолкнуть ее к компромиссу с западными державами.³² Так или иначе, но определенные круги в Турции были очень заинтересованы в сепаратном мире между западными державами и рейхом, который, по их мнению, в то время единственно и мог привести к осуществлению вынашиваемых ими сокровенных желаний— к предотвращению появления советских войск в Юго-Восточной Европе.

В обширной английской и американской мемуарной литературе, отчасти затрагивающей рассматриваемую проблему, первое место, несомненно, принадлежит ше-

³¹ Э. Базна, Я был Цицероном; Л. Мойзиш, Операция «Цицерон», в кн.: «Операция Цицерон», М., 1965.

Как сам Базна, так и Мойзиш утверждают, что Цицерон был германским агентом. Однако ряд обстоятельств делает возможным предположение, что именно английское правительство, скорее всего не без помощи турецкой секретной службы, организовало «утечку» информации из своего посольства. Заметим, что информация прежде всего должна была попасть в руки Папена, известного своими связями с Канарисом. Если учесть, что операция по времени совпадала с подготовкой генеральского заговора против Гитлера, то прослеживается прочная логическая связь между событиями в Анкаре и Берлине. Следует принять во внимание, что англичане, стремившиеся не допустить появления советских войск в Юго-Восточной Европе, не имели более безопасного способа проинформировать оппозицию в Германии о предстоящем развитии событий и дать ей понять, что необходимо поторопиться с переворотом. То обстоятельство, что и гитлеровская клика узнает о планах союзников, вряд ли могло служить достаточным противовесом изложенным выше соображениям—исход войны был уже predetermined.

³² W. Schellenberg, The Schellenberg Memoirs. A Record of Nazi Secret Service, 1956, p. 396—397, см. также J. Glasneck, Die Türkei in deutsch-anglo-amerikanischen Spannungsfeld, in: J. Glasneck, I. Kirchelsen, Türkei und Afghanistan—Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg, Berlin, 1968, S. 143—144.

ститомному труду английского премьер-министра Черчилля.³³

Не вдаваясь в анализ мемуаров У. Черчилля, широко комментировавшихся в советской исторической литературе, следует отметить, однако, очень большую тенденциозность автора. В области англо-турецких отношений и позиции Турции его рассуждения сводятся к положительной оценке деятельности турецкого правительства. Черчилль не вспоминает о том раздражении и возмущении, которое нередко в годы войны вызывала у него политика Турции. Такая интерпретация объясняется тем, что антисоветская направленность турецкой политики в годы второй мировой войны в целом вполне устраивала лично премьера Англии и членов его кабинета. Особенно с 1943 г., так как должна была служить основой лелеемого Черчиллем «балканского варианта» второго фронта, более антисоветского, нежели антигерманского по своей сути.

Мемуары английского посла в Турции сэра Хью Нэтчбэлл-Хьюджессена³⁴ полностью соответствуют официальной английской точке зрения на позицию Турции, отличаясь от нее разве что еще более высокой оценкой деятельности турецкого правительства.

Ограниченность фактического материала, точнее—осторожность в привлечении новых, неопубликованных данных, которыми, безусловно, располагал посол, сдержанность даже при изложении тех бесед с турецкими государственными деятелями, которые описывает Нэтчбэлл-Хьюджессен, значительно снижает ценность его книги.

Следует отметить, что американская мемуарная литература³⁵ уделяет политике Турции в тот период

³³ *W. Churchill*, *The Second World War*, vol. I—VI: „The Gathering Storm“, L., 1948; „Their Finest Hour“, L., 1949; „The Grand Alliance“, L., 1950; „The Hinge of Fate“, L., 1950; „Closing the Ring“, L., 1951; „Triumph and Tragedy“, L., 1953.

³⁴ *H. Knatchbull-Hugessen*, *Diplomat in Peace and War*, L., 1949.

³⁵ *J. F. Byrnes*, *Speaking Frankly*, N. Y., 1947; *C. Hull*, *Memoirs*, vol. II, N. Y., 1947; *E. R. Stettinius*, *Roosevelt and the Russians: The Jalta Conference*, N. Y., 1949; *P. Шервуд*, *Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца*, т. 1—2, М., 1958.

очень ограниченное внимание. Причина, вероятно, в том, что взаимоотношения с Турцией для Соединенных Штатов, в отличие от Великобритании, играли в годы войны второстепенную роль. Во всяком случае, как свидетельствуют документы, нередко активизация политики США относительно Турции вызывалась просьбами Англии оказать ей содействие.

* * *

Большой и важный вклад в исследование международных отношений кануна и периода второй мировой войны внесли историки Советского Союза. Политика и дипломатия как западных держав, так и стран оси и балканских стран, различные аспекты истории Турции и Германии и другие смежные проблемы подробно и разносторонне рассмотрены в монографиях, статьях и коллективных исследованиях Л. Б. Валева, Д. И. Вдовиченко, Б. М. Данцига, Л. Н. Иванова, И. Ф. Ивашина, Н. Н. Иноземцева, В. Л. Израэляна, Л. Н. Кутакова, Н. И. Лебедева, П. П. Моисеева, Д. М. Проэктора, А. М. Некрича, Ю. Н. Розалиева, Г. Л. Розанова, В. А. Рыжикова, Н. Д. Смирновой, П. К. Тарасова, В. Г. Трухановского, И. М. Файнгара, И. Н. Чемпалова, А. М. Шамсутдинова и др.,³⁶ а также в коллективных многотомных трудах.³⁷ Эти исследования позволяют рассматривать взаимоотношения Турции и Германии в тесной связи с другими проблемами внешней политики Турции на общем фоне развития международной обстановки в канун и в период второй мировой войны.

Большое значение для изучаемой проблемы имеют работы А. Ф. Миллера,³⁸ в которых вскрыты и определе-

³⁶ См. библиографию.

³⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. I—VI, М., 1960—1965; История второй мировой войны 1939—1945, т. 1—3, М., 1973—1974; История дипломатии, т. 3, М., 1965; т. IV, М., 1975; История международных отношений и внешней политики СССР, т. 2, М., 1962.

³⁸ А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, М., 1948; А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, М., 1948; А. Ф. Миллер,

ны как общие тенденции развития, так и принципы турецкой внешней политики накануне и в годы войны.

Привлекает внимание коллективный труд «Новейшая история Турции»,³⁹ где вопросам внешней политики страны уделено значительное место. Исследование написано на большом документальном материале.

Работы советских историков, непосредственно рассматривающие данную тему, представлены очень ограниченным числом. Книга И. Васильева «О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне»⁴⁰ посвящена характеристике турецкой позиции, ее антисоветской направленности. Небольшая по объему книга В. М. Алексеева и М. А. Керимова «Внешняя политика Турции»⁴¹ охватывает значительный период, и вопросам позиции Турции в годы второй мировой войны отведено ограниченное место.

Многие аспекты внешней политики Турции рассматриваемого периода освещены в исследованиях историков Болгарии и ГДР,⁴² написанных с широким привлечением, наряду с опубликованными, неопубликов-

Турция и проблема проливов, М., 1947; А. Ф. Миллер. Пути развития Турции, «Коммунист», 1959, № 3.

³⁹ Новейшая история Турции, М., 1968.

⁴⁰ И. Васильев, О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне, Госполитиздат, 1951.

⁴¹ В. М. Алексеев, М. А. Керимов, Внешняя политика Турции, М., 1961.

⁴² Л. Живкова, Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг. М., 1975; Дж. Хаков, Политиката на Турция в Арабския изток 1940—1970, София, 1972; J. Glasneck, Die Türkei im deutsch-anglo-amerikanischen Spannungsfeld, in: J. Glasneck, I. Kirchelsen, Türkei und Afghanistan—Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg, Berlin, 1968 (далее J. Glasneck, I); J. Glasneck, Die imperialistischen Grossmächte und die Türkei am Vorabend und während des zweiten Weltkrieges, Halle (Saale), 1964 (канд. дисс.), (далее—J. Glasneck, II); J. Glasneck, Deutsch-faschistische Propaganda in der Türkei: Methoden der deutsch-faschistischen Propagandatätigkeit in der Türkei vor und während des zweiten Weltkrieges, Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg, 12/1966.

ванных материалов болгарских, немецких и др. архивов. И. Гласнеком подробно рассмотрены экономические связи Германии и Турции, документально подтверждена приверженность турецкого государственного руководства идеям пантюркизма, освещены и политико-дипломатические отношения между странами.

В турецкой исторической литературе, относящейся к изучаемой проблеме,⁴³ преобладают пропагандистские, не исследовательские работы. Как правило, они лишены научного аппарата и невелики по объему. Скучный фактический материал, широко известный и не представляющий познавательного интереса, сопровождается обширными комментариями, единственная цель которых доказать положительную для антигитлеровской коалиции роль Турции в период второй мировой войны. Отсутствие материалов из турецких архивов, очень ограниченное использование западных документальных публикаций является характернейшей чертой турецкой историографии данной проблемы. Источниковедческую базу составляют, в сущности, лишь опубликованные заявления турецкого правительства, выступления и мемуары западных, в основном английских, государственных деятелей.

Другая отличительная черта турецкой историографии—ее апологетичность, отсутствие критического подхода к деятельности турецкого правительства при настойчивом стремлении оправдать очевидную антисоветскую направленность внешней политики Турции⁴⁴.

⁴³ С. *Açkalin*, Turkey's International Relations, „International Affairs“, vol. XXIII, No. 4 (October 1947); F. H. *Armaoglu*, İkinci Dünya Harbinde Türkiye, „Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi“, vol. XIII, No. 2(1958); A. J. *Feridun*, Turkey's Active Neutrality, „Free Europe“, September 11, 1942; A. *Halil*, Atatürkçü dış politika ve NATO ve Türkiye, İstanbul, 1968; A. *Kılıç*, Turkey and the World, Washington, 1959; Y. T. *Kurat*, İkinci dünya savaşında Türk-Alman ticaretindeki iktisadi siyaset, „Belleten“, cilt. XXV, № 97, Ankara, 1961.

⁴⁴ Подробно об освещении турецкой историографией советско-турецких отношений, см.: Н. Ф. Սահակյան, Սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմության հակադրական լուսարանումը ժամա-

Концепции ведущего турецкого специалиста по проблемам международных отношений А. Ш. Эсмера не только не составляют исключения, но скорее задают тон. Его книги и статьи⁴⁵ очень далеки от объективного исследования событий. Особенность работ Эсмера—сознательное предельное упрощение автором политических ситуаций, приводящее внешне к схематичности, а по существу—к извращению действительного смысла событий. Характерно и почти полное игнорирование области герmano-турецких отношений, что уже само по себе является фактом весьма красноречивым. Это же обстоятельство лишает работы Эсмера даже минимальной достоверности.

На общем фоне турецкой исторической литературы работа Т. Атаёва⁴⁶ выделяется привлечением значительного количества документальных публикаций. Стремясь к объективности в оценке политики и позиции Советского Союза, автор тем не менее настойчиво оправдывает деятельность своего правительства.

В отличие от работ турецких авторов, исследование западногерманского историка Л. Крекера⁴⁷ целиком основано на опубликованных и неопубликованных материалах германских архивов, привлечены и документы западных стран. Как Якобсен и Хильгрубер,⁴⁸ Крекер выступает с критикой Гитлера и других деятелей фашистской Германии, в том числе Риббентропа и Папена.

Նախախիչ թուրք պատմագրության մեջ, Երևան, 1964. (Р. Г. Саакян, Антинаучное освещение истории советско-турецких отношений в современной турецкой историографии, Ереван, 1964, на арм. яз.).

⁴⁵ A. Ş. Esmer, Siyasi Tarih (1919—1939), Ankara, 1953; A. Ş. Esmer, Türk Diplomasisi (1920—1955), Yeni Türkiye, İstanbul, 1959; A. Ş. Esmer, The Straits: Crux of World Politics, „Foreign Affairs“, January, 1947; „Ulus“, 17. V. 1965.

⁴⁶ T. Ataöv, Turkish Foreign Policy, 1939—1945, Ankara, 1965.

⁴⁷ L. Krecker, Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg, Frankfurt/Main, 1964.

⁴⁸ A. Hillgruber, Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940—1941, Frankfurt/Main, 1965; A. Hillgruber, Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, Wiesbaden, 1951; H.-A. Jacobsen, 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1961.

При этом занятая им позиция является откровенно антисоветской. Крекер фальсифицирует политику СССР, что отражается на освещении германо-турецких отношений, во многих случаях делая невозможным объективный анализ взаимоотношений между этими странами. К тому же отрицательное отношение Крекера к политическому руководству Германии приводит его к необоснованному упрощению политики рейха. Вопреки действительности, создается впечатление, что в области германо-турецких отношений Турция была стороной, постоянно извлекавшей максимальные выгоды, и, как правило, без значительных осложнений и особого риска для себя.

Английская и американская историческая литература в большинстве своем ограничивается констатацией позиции Турции в пределах какого-то отдельного периода войны, либо затрагивает область германо-турецких отношений в общем комплексе внешнеполитических проблем.⁴⁹ Большинство работ написаны с откровенно антисоветских позиций.

Не останавливаясь на особенностях этих исследований, следует, однако, отметить единодушие авторов в принципиальной оценке позиции и роли Турции во второй мировой войне, хотя точки зрения исследователей по частным вопросам иногда и расходятся.

В опубликованных на сегодняшний день томах 30-томной английской официальной истории второй мировой войны внешней политике уделяется ограниченное место. Практически внешнеполитическим проблемам посвящен только труд Вудворта,⁵⁰ хотя некоторые воп-

⁴⁹ *G. Kirk*, *The Middle East in the War* (Survey of International Affairs (1939—1946)), London, 1953; *G. Lewis*, *Turkey*, L., 1965; *G. Lenczowski*, *The Middle East in World Affairs*, New York, 1957. *The War and the Neutrals*, Ed. by *A. Toynbee* and *V. Toynbee* (Survey of I. A.), London, 1956; *The Eve of War 1939*, Ed. by *A. Toynbee* and *V. Toynbee* (Survey of I. A.), London, 1958; *E. Vere-Hodge*, *Turkish Foreign Policy 1918—1950*, London, 1951. *Ed. Weisband*, *Turkish Foreign Policy 1943—1945*. Small state diplomacy and Great Power politics. Princeton University Press, 1973.

⁵⁰ *E. L. Woodward*, *British Foreign Policy in the Second World War*, L., 1962; vol. 2, L., 1971.

росы нашли свое освещение в шеститомной «Большой стратегии» Дж. Батлера, Дж. Гуайера, М. Говарда и Дж. Эрмана⁵¹ и в вызывающем большой интерес исследовании Меддикота «Экономическая блокада»⁵². Однако взаимоотношения Турции и Германии в названных исследованиях не нашли своего освещения.

Сопоставляя, анализируя и обобщая обширный фактический материал, критически оценивая сложившиеся в исторической литературе концепции, автор настоящего исследования видел свою задачу в том, чтобы возможно подробнее проследить развитие политико-дипломатических отношений Турции с Германией и осветить основные тенденции и особенности внешнеполитического курса турецких правящих кругов в период второй мировой войны.

⁵¹ *J. R. M. Butler*, *Grand Strategy*. September 1939—June 1941, L., 1957; *J. R. M. Butler*, *J. M. A. Gwyer*, *Grand Strategy*. June 1941—August 1942, L., 1961; *M. Howard*, *Grand Strategy*. August 1942—September 1943, L., 1972; *J. Erman*, *Grand Strategy*. August 1943—September 1944, L., 1956; *J. Erman*, *Grand Strategy*. October 1944—August, 1945, L., 1958.

⁵² *W. N. Medlicott*, *The Economic Blockade*, vol. I-II, L., 1952—1959.

Глава I

Турецко-германские отношения в начальный период второй мировой войны

Основной линией внешней политики Турции до середины тридцатых годов было стремление упрочить международное положение страны, придерживаясь в целом принципиального курса, направленного на обеспечение завоеванной национальной независимости. Об этом свидетельствуют успешно развивавшиеся советско-турецкие политические, экономические и культурные отношения, присоединение Турции к пакту Бриана—Келлога и к Московскому протоколу о досрочном введении этого пакта в силу, к Лондонской конвенции об определении агрессора, ряду других договоров, имевших целью сохранение мира. В то же время проявлялась и тенденция к отходу от независимого внешнеполитического курса. К началу второй мировой войны Турция подписала пакт Балканской Антанты и Саадабадский пакт, вошла в орбиту средиземноморской политики Англии, а потом и общеимпериалистической политики «невмешательства», приведшей к мюнхенскому сговору. Эти сдвиги во внешней политике Турции, продиктованные отходом упрочившей свое экономическое и политическое положение турецкой национальной буржуазии от национальных интересов страны, с одной стороны, и активизация ближневосточной политики фашистской Германии—с другой, оказали сильное воздействие на развитие турецко-германских отношений.

Состояние этих отношений с момента прихода Гитлера к власти и до начала 1939 г. характеризуется

прежде всего постепенным расширением экономических связей между обеими странами. Инициатива исходила от Германии, испытывавшей, как известно, недостаток в сырье для военной промышленности и поэтому заинтересованной в турецком сырьевом рынке. Гитлеровская Германия привлекла к себе Турцию материальными выгодами, которые получала от торговых операций с Германией определенная часть турецкой буржуазии. Сыграли свою роль и всякого рода пропагандистские средства, применяемые Германией. В частности, постоянно подчеркивалось уважение к роли Кемала Ататюрка.¹ Вместе с тем настойчиво утверждалось, что Германия в своей внешней политике стремится только к мирному пересмотру условий Версальского договора. Последнее ассоциировалось у части правящих кругов Турции с недавней борьбой против Севрского договора и облегчало экономическое и политическое проникновение германского империализма в страну.² В этот период турецкое правительство пошло на заключение с Германией так называемых клиринговых соглашений (10 августа 1933 г. и 15 апреля 1935 г.), в результате действия которых доля Германии в экспорте Турции в 1937 г. поднялась до 55,5%, а в импорте—до 43,5%³. Германия заняла важнейшие позиции в турецкой экономике. Добиваясь положения монополиста на турецком рынке, Германия в 1936 г. закупила в Турции 75% всего экспортируемого изюма, 60% инжира, 25% орехов, 24% табака, 35% свежих фруктов и т. д. Импортируя из Турции руду, шерсть, хлопок, табак, кожу, сельскохозяйственные продукты, Германия поставляла ей промышленное оборудование, морские суда, средства воздушного транспорта, железнодорожное оборудование и т. д. Закупки машин, а также вооружения и боевой техники, проводившиеся

¹ «Völkischer Beobachter», 2. 11. 1933; См. также: Я. Караосманоглу, Дипломат поневоле, М., 1966, стр. 181; А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, М., 1948, стр. 199.

² L. Kreckler, Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg, Frankfurt/Main, 1964, S. 19.

³ Ю. И. Розашев, Особенности развития капитализма в Турции, 1923—1960, М., 1962, стр. 175.

Турцией преимущественно в Германии,⁴ влекли за собой опасность зависимости от будущих поставок из Германии запасных частей и побуждали Турцию расширять число немецких специалистов и консультантов, необходимых для ввода закупленного оборудования в эксплуатацию.

Германия уже с середины тридцатых годов своей экономической политикой в Турции преследовала далеко идущие политико-милитаристические цели.⁵ Об этом, в частности, свидетельствует деятельность германских официальных представителей в Турции, усилия которых были сосредоточены на сборе важнейших данных, необходимых для военно-стратегической подготовки войны. Донесения германского военного атташе в Турции Роде содержат обстоятельные данные о турецкой обороне (включая состояние и происхождение вооружения), точные наблюдения за осуществленными и запланированными заказами на военную технику, подробные сведения о военных перевозках через Босфор и Дарданеллы, тщательно составленные обзоры состояния турецкой военной индустрии, ее производительности и перечень еще находящихся в строительстве отраслей, данные о дислокации турецких войск и т. д.⁶

В каком бы направлении ни готовил немецкий генеральный штаб будущие военные действия, Турция неиз-

⁴ В торговых сделках относительно поставок вооружения и боевой техники ведущая роль принадлежала фирме Круппа, которая строила для Турции подводные лодки, корабли, поставляла пушки, легкую артиллерийскую технику, оптические приборы и т. д. ADAP, Ser. D: 1937—1945, Bd. 5, Dok. 5⁷⁸, Bd. 6, Dok. 782).

⁵ «Внешняя торговля в национал-социалистическом государстве в первую очередь должна быть средством внешней политики», — считали руководящие деятели фашистской Германии. (Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs (1934/1935 und 1939/1940). München, 1956, S. 158 (Anhang).

Уже в 1934 году Гитлер говорил Раушнинг: «Мы должны стать колониальной державой. На востоке мы должны распространить свое господство... до Ирана» (H. Rauschning, Gespräche mit Hitler, Zürich—N. Y., 1940, S. 116).

⁶ См. H. Tillmann, Deutschlands Araberpolitik im zweiten Weltkrieg, Berlin, 1965, S. 40—42.

менно сохраняла в них свое стратегическое значение. Так, в планируемой войне против Советского Союза важное место занимала идея создания Кавказского фронта на территории Турции с перспективой немедленной оккупации Баку. Что касается ведения военных действий против западных держав (в особенности против Англии), то немецкий военный атташе в Турции генерал-полковник Роде неоднократно отмечал: «Ирак, Палестина и в широком смысле также Сирия более чем когда-либо образуют гласис для обороны Египта Англией... Они имеют одновременно решающее значение также из-за нефтяных полей Мосула—Киркука и нефтепроводов, ведущих от них через Сирию и Палестину в Триполи и Хайфу для обеспечения нефтью англо-французского флота в Средиземноморье»⁷ и «единственными странами, которые сегодня с военной точки зрения на основании их географического и военного положения способны нанести чувствительный урон военному потенциалу Англии и Франции в Восточном Средиземноморье путем нарушения доставки нефти, а тем самым и с этой стороны действительно угрожать Индии,—являются только Турция и Иран».⁸ «Военно-политическое значение Турции в средиземноморском конфликте основывается отнюдь не только на господстве над проливами и малоазийским побережьем. Оно хотя бы в такой же степени основано на ее военно-политическом союзе с Ираном».⁹

Однако влияние Германии на Турцию в политической области продолжало оставаться относительно слабым. Турецкий генеральный штаб увеличил число немецких военных инструкторов, обучавших турецкие вооруженные силы (армию и флот) по германскому образцу, но этим пока и ограничивались связи между турецкими и германскими военными кругами.

В гораздо большей степени прогрессировали англо-турецкие политические отношения, о чем свидетельствовали «джентльменское» Средиземноморское соглашение, заключенное в декабре 1935 года, и, в особенности, позиция турецкой делегации на конференции 1936 г. в

⁷ Цит. по: *H. Tilmann*, *op. cit.*, S. 45.

⁸ *Ibid.*, S. 46.

⁹ *Ibid.*, S. 47.

Монтре.¹⁰ Основным стимулом, толкавшим Турцию к сближению с Англией, была тогда угроза итальянской агрессии (первооружение и укрепление Додеканезских островов, заявления Муссолини о том, что исторические цели Италии лежат в Азии и Африке¹¹ и т. д.).

Все более укреплявшиеся в течение следующих двух лет связи Германии и Италии явились основной причиной предпринятых турецким правительством мер к некоторому ослаблению ставших обременительными уз экономических отношений с Германией и к дальнейшему сближению с соперницами Италии на Средиземном море—Великобританией и Францией.

Турция договорилась с англичанами о строительстве укреплений в районе проливов и сооружении металлургического завода, отказавшись от услуг, предложенных фирмой Крупп¹², настояла на расторжении германотурецкого торгового договора и при заключении нового договора в конце июля 1938 г. внесла ряд изменений.¹³ Однако, укрепляя свое влияние в Турции, английская и французская дипломатия делала основную ставку на использование гитлеровской агрессии против Советского Союза и в сущности предоставляла Германии свободу действий в Турции.

В ответ на предоставленный в мае 1938 г. Англией заем в 16 млн. фунтов стерлингов (из которых 10 млн. были предназначены для закупки промышленного и транспортного оборудования, а 6 млн.—для вооружения) в октябре того же года, во время посещения Турции министром хозяйства Германии Функом, была достигнута договоренность, по которой Турция должна была получить от Германии кредит в 150 млн. марок.¹⁴

¹⁰ Подробно см. *А. Ф. Миллер*, *Очерки новейшей истории Турции*, стр. 178—180.

¹¹ См. *Б. Данциг*, *Турция*, М., 1940, стр. 124; см. также: *G. Lenczowski*, *The Middle East in World Affairs*, N. Y., 1957, p. 132.

¹² См. *И. Генин*, *Экспансия германского фашизма на Ближнем Востоке*, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2, стр. 148.

¹³ См. *А. Лавров*, *Фашистская экспансия в страны Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока*, «Большевик», 1938, № 16, стр. 81.

¹⁴ Соглашение об этом кредите было подписано 16 января 1939 г. (ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 557).

Несмотря на некоторое охлаждение отношений между странами, позиции Германии в Турции в течение всего 1938 г. были настолько сильны, что возможность участия Турции в средиземноморском конфликте на стороне западных держав германским генеральным штабом даже не рассматривалась.¹⁵

Стремясь еще больше приблизить к себе Турцию, гитлеровская Германия предполагала использовать для этого и территориальную приманку—арабские области (Северная Сирия).¹⁶ Беседы Риббентропа с генеральным секретарем Министерства иностранных дел Турции Нуманом Менеменджюглу 1 и 7 июля 1938 г. совершенно определенно были направлены на то, чтобы склонить Турцию присоединиться к политике стран оси. Не довольствуясь уверениями Менеменджюглу, что отношение Турции к Германии основывается на политике доброжелательного нейтралитета, Риббентроп заговорил о тесном сплочении всех государств, пострадавших от мирных договоров. В ответ, однако, последовало заявление: «Турция принципиально не пуждается в ревизию...»¹⁷ Турецкое правительство не считало тогда нужным устанавливать с Германией тесные политические связи. Отклонив предложение заключить договор о нейтралитете, Менеменджюглу ограничился заверениями, что Турция будет развивать особо дружественные отношения с Германией и не присоединится к антигерманской коалиции.¹⁸

Неудачей закончились и длившиеся целый год германо-турецкие переговоры о присоединении Германии к конвенции, заключенной в Монте.¹⁹ Турецкое правительство довело до сведения СССР содержание своих переговоров с Германией относительно Конвенции о проливах и приняло во внимание сделанное ей заявление, что Советский Союз не видит необходимости ни в присоединении Германии к Конвенции, ни в заключении

¹⁵ H. Tillmann, *op. cit.*, S. 47.

¹⁶ *Ibid.*, S. 44.

¹⁷ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 548.

¹⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 546, 548.

¹⁹ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 535, 536, 537, 548, 550.

двустороннего турецко-германского соглашения о проливах.²⁰ Ссылаясь на юридические обоснования, турецкое правительство отказалось заключить с Германией двустороннее соглашение и гарантировать ей равноправное участие, наряду с подписавшими Конвенцию державами, при возможной в будущем ревизии этой Конвенции. 20 января Риббентроп с раздражением заявил, что не понимает тонкостей, выдвинутых турецкой стороной, которые не могли бы задержать соглашение, если бы турецкое правительство действительно собиралось договориться с Германией.²¹

Вплоть до весны 1939 года Германия не проявляла особой настойчивости в дальнейшем развитии политических взаимоотношений между странами. Некоторое беспокойство Германия проявила в связи с заявлениями нового президента Турецкой Республики Исмета Иненю, избранного после смерти Кемаля Ататюрка, и членов только что образованного кабинета относительно дальнейшего укрепления дружественных отношений Турции с СССР²². Разъяснения турецкого МИДа, что эти заявления не соответствуют истинным целям турецкой политики, в частности заявление Сараджоглу германским дипломатам о том, что надежды Советского Союза на сближение с Турцией являются иллюзорными,²³ ослабили это беспокойство.

Экономические отношения между странами продолжали развиваться. Общая стоимость немецкого экспорта в Турцию в 1938 году достигла своего максимума— 151,4 млн. немецких марок. Турция вышла с 27 места в общем германском экспорте на 10, а турецкий импорт в Германию в 1939 году составил 122,6 млн. марок.²⁴ Конечно, Германия стремилась сбывать только те товары, производство которых не требовало импортного сырья. Его недостаток Германия сама остро ощущала и нередко затягивала экспорт товаров, необходимых ей

²⁰ История дипломатии, т. III, стр. 704.

²¹ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 558.

²² ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 560.

²³ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 559.

²⁴ *L. Krecher, op. cit.*, S. 23.

для создания военных запасов.²⁵ Кроме того, Германия поставляла и недоброкачественную продукцию, суда с большими дефектами и т. д.²⁶ Все это вызывало протесты со стороны Турции, но в целом почти не влияло на общее состояние германо-турецких экономических отношений.

Большие опасения в Турции породили претензии Германии и Италии на Балканах, так как здесь уже непосредственно затрагивались ее внешнеполитические интересы, а дальнейшее развитие событий могло угрожать и границам самой Турции. Когда весной 1939 года после захвата Германией Чехословакии, в канун подписания германо-румынского «хозяйственного» договора, подчинившего румынскую экономику контролю Германии, английское правительство обратилось к турецкому послу в Англии Арасу с вопросом относительно позиции Турции в изменившейся международной ситуации, в ответ последовало заявление о том, что прежде чем отказаться от политики нейтралитета турецкое правительство хотело бы знать, может ли Турция рассчитывать на прямую помощь Англии, если подвергнется агрессии на Средиземноморье.²⁷ Хотя последовал положительный ответ, правительство Турции сохранило неуверенность в намерении Англии противостоять дальнейшему расширению агрессии. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу не скрывал этого от английского посла Х. Нэтчбэлл-Хьюджессена.²⁸

Сомнения эти были порождены всей предшествовавшей политикой западных держав: попустительство агрессору сильно подорвало престиж Англии и Франции. Оценивая позицию западных держав, турецкий президент несколько позднее отмечал, что «первоначально они не только не противодействовали германской экспансии в Восточной Европе, но даже видели в ней одно из средств остаться в стороне от военного конфликта,

²⁵ *И. Генин*, Экспансия германского фашизма..., «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2, стр. 143.

²⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 5, Dok. 557.

²⁷ DBFP, 3 ser., vol. IV, doc. 472.

²⁸ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 119, 120, 121.

истощить Германию в столкновениях на Востоке и обеспечить себе в дальнейшем роль хозяев и арбитров, решающих судьбы Европы. Англия и Франция обманулись в своих расчетах. После захвата Германией Австрии, Чехословакии и Клайпеды и после оккупации Италией Албании малые страны, убедившись в бездействии великих западных держав, утратили всякую надежду на их помощь и готовы капитулировать перед агрессорами...»²⁹

Нападение Италии на Албанию 7 апреля 1939 года еще больше обеспокоило Турцию. Министр иностранных дел Турции Сараджоглу прямо назвал захват Чехословакии, экономический диктат над Румынией и аннексию Албании Италией факторами, угрожающими безопасности Турции.³⁰ Эти же события вызвали решение Англии и Франции (13 апреля 1939 г.) в одностороннем порядке предоставить Греции и Румынии «гарантии» независимости, а также предложить Турции аналогичную «гарантию», что должно было способствовать укреплению авторитета Англии и Франции.³¹

Готовясь примкнуть к англо-французскому блоку, турецкое правительство вместе с тем хотело избежать ответных мер со стороны Германии, не говоря уже о том, что ему предстояло преодолеть значительное сопротивление как турецкой торговой буржуазии, связанной с Германией, так и большей части офицерского корпуса.³²

²⁹ «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971. Док. 273, стр. 373. Потемкин—НКНДу, Анкара, 5 мая 1939 г.

³⁰ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 199, 551, 571; ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 496.

³¹ Подробно об английской политике «гарантий» и переговорах о присоединении Турции к англо-французскому блоку см.: Л. Живкова, указ. соч., стр. 97—145; А. М. Некрич, Политика английского правительства в Европе (октябрь 1938—сентябрь 1939), М., 1955, стр. 289—321; П. К. Тарасов, Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне второй мировой войны. Ученые записки Уральского государственного университета, № 46, серия историческая, вып. 3, Свердловск, 1966.

³² А. С. Edwards, The Impact of the War on Turkey, «Inte r-

Как Англия, так и Германия понимали, что из англо-германской борьбы за Турцию расчетливое турецкое правительство надеется извлечь определенную выгоду. Считая, что не следует полагаться только на добрую волю Турции, английский посол в Анкаре Х. Нэтчбэлл-Хьюджессен предлагал своему правительству решить, что оно может предложить Турции в обмен на ее дружбу, указывая на огромное давление, которое будет оказывать другая сторона.³³

Германия, и раньше предостерегавшая турецкое правительство, после итальянской агрессии и в связи с ней уже прямо угрожала, что «даже незначительный отход» от политики нейтралитета будет иметь «роковые последствия не только для политических, но, естественно, для экономических и других отношений между странами», так как подобный шаг будет рассматриваться как переход в лагерь противника.³⁴ Одновременно послом в Анкаре был назначен опытный политический деятель Германии Франц фон Папен, первостепенная

national Affairs», vol. XXII (1946), No. 3, p. 395. Позднее, уже после подписания англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи, английский посол в Турции Нэтчбэлл-Хьюджессен в своем докладе на совещании руководителей Министерства иностранных дел, Министерства экономической войны, Министерства информации с английскими дипломатическими представителями в странах Юго-Восточной Европы, проходившем с 8 по 15 апреля 1940 г. в Лондоне, отмечал, что в Турции имеется серьезное недовольство внешнеполитическим курсом правительства. Против возможного вмешательства в войну выступало молодое офицерство; другая часть офицерского корпуса полагала, что Турция должна вступить в войну лишь на ее заключительном этапе с тем, чтобы, воспользовавшись взаимостоением великих держав, удовлетворить свои территориальные претензии относительно арабских стран и в районе Балкан (*И. Н. Чемпалов*, *Англо-французские планы нападения на СССР с юга и политика гитлеровской Германии на Балканах* (март-май 1940 г.), *Ученые записки Уральского государственного университета*, № 46, серия историческая, вып. 3, Свердловск, 1966, стр. 103—105).

³³ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 124. Примечание 5.

³⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 226. Кроль-МИДу, 18 апреля 1939 г..

задача которого (хотя далеко не единственная)³⁵ состояла в том, чтобы не допустить никаких неблагоприятных для рейха изменений в позиции Турции.

Опасаясь преждевременной реакции Германии и сделав ей успокоительные заверения,³⁶ правительство Турции приняло меры к тому, чтобы скрыть от рейха характер переговоров с Англией³⁷. Лишь к концу апреля в Берлине утвердились в мысли, что переговоры Турции с Англией зашли много дальше, чем о том немцы были информированы турками.³⁸ Германскому послу немедленно было разъяснено, что изменения в позиции Турции вызваны агрессивной политикой Италии, дружественное же отношение к Германии осталось неизменным.³⁹ В ответ Папен сделал заверения относительно германских симпатий и подчеркнул, что, сохраняя дружбу с Германией, Турция гарантирует себя от угроз любого государства, в особенности Италии.⁴⁰

Беседы с турецкими государственными деятелями побудили Папена рекомендовать Берлину добиваться от Италии официальных заверений в адрес Турции, которые, по его мнению, были единственным шансом, способ-

³⁵ Как отмечает Л. Мойзини, «Анкара имела то преимущество перед другими городами мира, что отсюда лучше всего была видна общая картина войны. Занимая в Анкаре должность атташе немецкого посольства, я, естественно, находился в центре дипломатических интриг военного времени... Посольство в Анкаре служило для Германии окном во внешний мир, а потому должность посла в Турции была наиболее ответственной из всех, какие только могла предложить дипломатическая служба Третьего рейха. Об этом убедительно говорит назначение на должность посла бывшего канцлера Германии Франца фон Папена. Этот пост отнюдь не был sinecурой и для успеха дела требовалась внушительная политическая фигура» («Операция Цицерон», М., 1965, стр. 6).

³⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 72, Dök. 151, Dok. 226.

³⁷ H. Knatchbull-Hugessen, *Diplomat in Peace and War*, London, 1949, p. 148.

³⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 259. Вейцзекер—Папену, 25 апреля; Dok. 281, Риббентрон—Папену, 28 апреля 1939г.

³⁹ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 286.

⁴⁰ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 302.

ным предотвратить подписание англо-турецкого соглашения.⁴¹

Итальянское правительство, однако, не считало нужным делать Турции официальные заявления такого рода, аргументируя свое решение тем, что никакие заверения уже не в состоянии что-либо изменить.⁴² Все же по ходатайству Берлина министр иностранных дел Италии Чиано 3 мая через турецкого посла довел до сведения Анкары, что Италия не имеет никаких политических, экономических или территориальных претензий к Турции.⁴³ Прошло всего три дня и Папен вынужден был констатировать, что предотвратить подписание англо-турецкого соглашения не представляется возможным.⁴⁴

12 мая президент Турции в Национальном собрании и премьер-министр Англии в палате общин сделали заявление о том, что правительства Турции и Англии в случае агрессии в районе Средиземного моря «будут готовы взаимодействовать и оказать друг другу всю имеющуюся в их распоряжении помощь и поддержку».⁴⁵

Союз с западными державами, по мнению турецкого правительства, должен был укрепить позиции Турции. В свою очередь, приобретение союзника в лице Турции, которая считалась ключом ко всем английским позициям на Ближнем Востоке,⁴⁶ означало ощутимое изменение соотношения сил в этом районе в пользу Англии и Франции. Кроме того, Англия рассчитывала создать на Балканах блок государств под своим руководством и в этом плане рассматривала Турцию как ключ к балканской солидарности.⁴⁷

⁴¹ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 286.

⁴² Эту точку зрения разделяло и Министерство иностранных дел Германии (ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 286. Вейцекер—германскому послу в Италии Маккензену, 28 апреля 1939 г.; Dok 303. Маккензен—МИДу, 1 мая 1939 г.).

⁴³ G. Ciano, *The Ciano Diaries. 1939—1943*, N. Y., 1945, p. 76.

⁴⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 336. Папен—МИДу, 6 мая 1939 г.

⁴⁵ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 506.

⁴⁶ Дж. Батлер, *Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941*, М., 1959, стр. 81.

⁴⁷ DBFP, 3 ser., vol. V, doc. 144.

Заключение соглашения между Турцией и Англией опрокинуло расчеты Германии на то, что экономические интересы не позволят Турции изменить свою внешнюю политику. Перед германской дипломатией встала другая цель—если не предотвратить подписание окончательного договора Турции с западными державами, то, по крайней мере, уменьшить объем ее договорных обязательств⁴⁸.

Хотя германская политика получила достаточно ощутимый удар, реакция ее, вопреки ожидаемому, оказалась сдержанной. В политическом отношении Германия фактически ограничилась антитурецкой кампанией в прессе и укорами Риббентрона турецкому послу в Берлине Хамди Арпагу за намерение Турции принять участие в английской политике «окружения Германии».⁴⁹

Наиболее острым моментом политического противодействия со стороны Германии явилось резкое изменение позиции фашистских держав в вопросе Александреттского санджака (Хатая).⁵⁰ Длительное время Германия, провоцируя франко-турецкий конфликт, поддерживала турецкие претензии в этом районе. Теперь же германские политики неожиданно вспомнили, что санджак является арабской территорией, и начали широкую кампанию против присоединения Хатая к Турции, сопровождаемую угрозами поддержать итальянские претензии относительно Сирии, в случае отхода Турции от политики нейтралитета.⁵¹

Но надежда предотвратить подписание окончательного договора между Англией и Турцией побудила Германию воздержаться от слишком резких жестов. Со своей стороны, Папен настойчиво рекомендовал проявить в отношении Турции терпеливость и уступчивость. В меморандуме для предстоявшей 21 мая беседы Риб-

⁴⁸ См. *J. Glasneck*, op. cit. 1, S. 42-48; *L. Kreckler*, op. cit., S. 40-51; *T. Ataöv* op. cit., p. 27-29, 31-37.

⁴⁹ См. „*Völkischer Beobachter*“, май—июль 1939г. (редакционные статьи); ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 496.

⁵⁰ Подробно см.: *П. К. Тарасов*, Подготовка и заключение франко-турецкого соглашения об Александреттском санджаке, в кн.: Из новейшей истории зарубежных стран, Свердловск, 1963.

⁵¹ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 3, 59, 72, 259, 518.

бентрона с министром иностранных дел Италии Чиапо Папен советовал скрывать военные приготовления в Албании, побудить Италию уступить Турции небольшой остров Кастеллоринцо, являющийся для турок из-за близкого расположения к анатолийским берегам бельмом на глазу, и убедить ее предложить Турции договор о ненападении.⁵² Однако рекомендации Папена не были осуществлены: Италия не пожелала пойти ни на какие уступки в отношении Турции, тем более, что Гитлер с энтузиазмом отнесся к итальянскому плану превращения Албании в крепость, которая должна господствовать на Балканах. Он соглашался даже, что в средиземноморской политике стран оси решающая роль должна принадлежать Италии.⁵³

Противодействие англо-турецкому сближению Германии предполагала осуществить главным образом в экономической области, где ее позиции продолжали оставаться исключительно сильными. В начале мая Геринг с согласия Гитлера приказал задержать поставку в Турцию шести 240 мм пушек «Шкода», предназначенных для вооружения Дарданелл, о чем Турция договорилась в свое время с Чехословакией. Затем это распоряжение было распространено на всю заказанную Турцией военную технику.⁵⁴ Тогда же была молчаливо аннулирована договоренность о предоставлении Турции немецкого кредита в 150 млн. марок. Риббентроп стал уклоняться от приема турецких представителей и распорядился на срочные заявления Турции реагировать с замедлением.⁵⁵ А Папен сформулировал на аудиенции у президента Иненю ряд требований, удовлетворение которых могло бы, как он сказал, содействовать сохранению дружественных отношений между Германией и Турцией: I. Недолгосрочность проектируемого англо-турецкого договора и, соответственно, возможность отказа от него в

⁵² ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 413. Меморандум Папена, 20 мая 1939 г.

⁵³ G. Ciano, op. cit., p. 85. Запись от 21 мая 1939 г. См. также запись от 22 мая.

⁵⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 321, 435, 782; см. также Bd. 8, Dok. 391.

⁵⁵ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 483.

ближайшем будущем; 2. Решение Турции о вступлении союзнических обязательств с Англией в силу только при угрозе ее собственным интересам; 3. Отказ от любого давления на Балканские страны.⁵⁶ Эти требования Германии, будь они приняты Турцией, лишили бы англо-турецкий договор его основного содержания. Понимая это, турецкое правительство отклонило их, чему немало способствовали успешный ход переговоров с Францией относительно присоединения Хатая к Турции и начатые Англией поставки боевой техники в Турцию.

Попытки Германии повлиять на Турцию путем экономического давления окончились безрезультатно. Президент Иненю 7 июня ответил Папену, что в вопросах жизни и смерти торговые дела играют второстепенную роль.⁵⁷ Ответом на германское экономическое давление были затягивание Турцией поставок хромовой руды в Германию и угроза их полного прекращения.⁵⁸ Известно, что в канун мировой войны Германия из 30 видов стратегических материалов 23 вида импортировала,⁵⁹ потребность же в хrome она целиком покрывала за счет импорта,⁶⁰ причем первым по значению поставщиком являлась Турция, а вторым—Британская империя.⁶¹ Поэтому контрмеры турецкого правительства, а возможно, и сопровождавший их прозрачный намек Иненю, напомнившего Папену о роли задержания Англией в 1914 г. заказанных Турцией броненосцев,⁶² побудили Германию воздержаться от решительных антитурецких действий и в области экономических отношений.⁶³

Ослабив непосредственное политическое и экономическое давление на Турцию, Германия развила бурную

⁵⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 495.

⁵⁷ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 489.

⁵⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 475, 495, 558, 565.

⁵⁹ *И. Файнгар*, Очерк развития германского монополистического капитала, М., 1958, стр. 258.

⁶⁰ Там же, стр. 248.

⁶¹ Конъюнктурный бюллетень. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 7—8, стр. 29.

⁶² ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 489. 495.

⁶³ ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 782.

деятельность в столицах Балканских стран. Цель этой дипломатической активности состояла в том, чтобы с помощью Балканских государств оказать косвенное влияние на позицию Турции. «Ключ к дальнейшему соскальзыванию Турции лежит теперь отчасти в руках Балканских государств,—писал статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Вейцекер в посольство в Бухаресте 7 июня 1939 г.—Если Румыния, а также Греция и Югославия со всей ясностью заявят в Анкаре, что они ни прямо, ни в завуалированной форме не хотят быть объектом англо-турецкой сделки, то это, вероятно, произведет впечатление на Турцию и Англию».⁶⁴

Но повлиять на позицию Турции, используя Балканские страны, Германии тоже не удалось. 23 июня были подписаны два тесно связанных друг с другом, хотя формально отдельных, документа: в Анкаре—о присоединении Хатая к Турции и в Париже—декларация о взаимной помощи, которая полностью повторяла текст англо-турецкого соглашения.

Присоединение Турции к англо-французскому блоку было большим успехом английской дипломатии, поскольку не только значительно ослабило позиции оси на Балканах и Средиземноморье, но осложнило и другую важную стратегическую задачу Германии—подорвать позицию Англии в ее самой чувствительной точке—Индии, для чего предусматривался захват стратегического моста—Сирия—Палестина—подступы к Мосулу. Осуществлению этого, отмечал Папен, теперь могла помешать Турция, сражаясь на стороне Англии и дислоцируя главную часть своих войск южнее Тавра.⁶⁵

Соглашение с западными державами, в военном преимуществе которых над странами оси турецкое правительство в то время было абсолютно убеждено, казалось выгодным и для Турции, поскольку сопровождалось переговорами о заключении советско-турецкого договора,⁶⁶ параллельно намечавшемуся соглашению между

⁶⁴ Цит. по: *L. Kreckler, op. cit., S. 46; ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 488, 504.*

⁶⁵ *ADAP, Ser. D, Bd. 6, Dok. 413.*

⁶⁶ О переговорах В. П. Потемкина в Анкаре в апреле-мае 1939 года и позиции турецкого правительства см.: «СССР в борьбе за

СССР и Англией и Францией. Как свидетельствует министр иностранных дел Румынии Гафенку, во время его второго визита в Анкару Исмет Иненю верил только в одно единственное возможное нападение—со стороны оси. Президент считал, что против этой агрессии необходимо заранее гарантировать себя, организовав общее сопротивление. Он был убежден, что это сопротивление могло опереться на Советский Союз. Президент выразил уверенность в победе союзников.⁶⁷ Турецкое правительство, вероятно, рассчитывало, что заключение советско-турецкого договора создаст оптимально выгодную ситуацию: от СССР Турция получит наиболее эффективную гарантию безопасности, а соглашение между СССР, Англией и Францией облегчит турецкому правительству маневрирование между Советским Союзом и западными державами, продолжая в то же время следовать их мюнхенскому курсу на провоцирование германской агрессии против СССР. Однако, поставив советско-турецкие переговоры в зависимость от англо-франко-советских, турецкое правительство решило не дожидаться их завершения и поспешило договориться с Англией и Францией отдельно от СССР. Между тем, вскоре выяснилось, что Англия и Франция не желают заключить равноправное соглашение с Советским Союзом и создать действительную систему коллективной безопасности. Они остались верны своей антисоветской политике и поставили СССР перед необходимостью заключить с Германией договор о ненападении, чтобы не оказаться в ближайшем будущем перед фактом нападения со стороны империалистической коалиции. В этих условиях и был подписан 23 августа 1939 года советско-германский договор, разрушивший хитроумные сплетения мюнхенской политики.

Радикальное изменение международной обстановки, вызванное заключением советско-германского договора, создавало для Турции объективную возможность.

мир накануне второй мировой войны». Документы и материалы, М., 1971. Док. № 234, 246, 265, 269, 273. Также: Н. Жуковский. На дипломатическом посту, М., 1973, стр. 318—335.

⁶⁷ *G. Gafencu, Last Days of Europe*, N. Y., 1948, p. 195—196.

сохраняя дружественную позицию по отношению к СССР, не связывать себя ни с одной воюющей империалистической группировкой в разразившемся мировом конфликте. Но турецкое правительство не использовало этой возможности. Проводя избранный ранее курс, оно продолжило в прежнем направлении свои переговоры с Англией и Францией, хотя последние уже с середины лета начали затягивать заключение союзного англо-франко-турецкого договора.⁶⁸ Это было связано, по-видимому, с предпринимавшимися ими в июле и августе попытками осуществить тайный сговор с Германией, но имело, кроме того, и экономическую подоплеку. Обеспеченные сырьем и продовольствием из собственных колоний, ни Англия, ни Франция не были особенно заинтересованы в главных статьях турецкого экспорта, тогда как Турция ставила обязательным условием заключения договора обеспечение ей рынка сбыта, достаточного для предотвращения кризисного положения в экономике страны, неминуемого в случае разрыва с державами оси. Ситуация осложнялась не только номенклатурой и сезонным характером турецкого экспорта, но также тем, что турецкие сельскохозяйственные продукты были невысокого качества,⁶⁹ а это снижало возможность их реэкспорта для продажи на мировом рынке. Не менее обременительной для Англии и Франции являлась проблема поставок в Турцию промышленного оборудования и боевой техники.

Задержка в решении экономических проблем являлась для Турции столь важным вопросом, что еще 3 августа Нэтчбэлл-Хьюджессен считал нужным поторопиться свое правительство.⁷⁰ После подписания советско-гер-

⁶⁸ DBFP, 3 ser., vol. VI, doc. 526; vol. VII, doc. 217.

⁶⁹ *Y. T. Kurat*, İkinci dünya savaşında Türk-Alman ticaretindeki iktisadi siyaset, „Belleten“, Ankara, 1961, s. 97.

⁷⁰ DBFP, 3 ser., vol. VI, doc. 526. Еще во время бесед с Потемкинским турецкие государственные деятели утверждали, что «пока Англия не даст обязательства удовлетворить конкретные требования Турции... договор о взаимопомощи подписан не будет». Как заявил тогда Менеменджюглу, Турция будет требовать, чтобы «деньги были выложены на стол» («СССР в борьбе за мир...», стр. 261—

манского договора о ненападении, похоропившего надежды английского правительства на немедленный советско-германский конфликт, в Лондоне было решено спешно завершить окончательное урегулирование отношений с Турцией.⁷¹ Англия пошла на экономические уступки Турции,⁷² и 30 августа был окончательно согласован текст союзного договора.⁷³ 1 сентября Турция получила от Англии кредит в 10 млн. фунтов стерлингов, предназначенный для вооружения, согласие на поставки французской боевой техники стоимостью в 565 млн. франков и золотой заем в 5 млн. фунтов стерлингов с возмещением поставками табака.⁷⁴

Таким образом, к моменту нападения гитлеровской Германии на Польшу англо-франко-турецкий союзный договор был в сущности уже подготовлен. Официальное подписание его задерживалось лишь из-за того, что не были закончены советско-турецкие переговоры, которые велись в сентябре 1939 г. в Москве. Тем временем Германия не оставляла попыток добиться изменения позиции Турции. Основанием для этого служили успокоительные по адресу Германии заявления турецких государственных деятелей. Так, Менеменджюглу в течение лета не раз уверял германского посла, что на Балканах Турция озабочена только собственной сферой интересов и безопасностью своих границ.⁷⁵ В середине августа Папен доносил в Берлин, что в случае «решающих немецких боевых успехов в начале возможного конфликта представляется вполне вероятным, что Турция, еще не связанная письменными обязательствами, пересмотрит свою позицию, в особенности, если с нашей стороны не будут предприняты решительные меры на

262. Док. 265. Потемкин— НКВДу, 30 апреля 1939 г.). Ход англо-франко-турецких переговоров свидетельствует, что турецкое правительство не отступало от своих требований (DBFP, 3 ser., vol. VI, doc. 583; vol. VII, doc. 161, 292, 329, 337).

⁷¹ DBFP, 3 ser., vol. VII, doc. 217.

⁷² DBFP, 3 ser., vol. VII, doc. 279, 300.

⁷³ DBFP, 3 ser., vol. VII, doc. 550.

⁷⁴ DBFP, 3 ser., vol. VII, doc. 635; см. также doc. 661, 674.

⁷⁵ ADAP, 3 Ser. D, Bd. 6, Dok. 533, 558, 616.

Балканах». ⁷⁶ Гитлер тоже рассчитывал на слабость Турции. В выступлении перед генералитетом 22 августа 1939 года, характеризуюя международное положение, он, в частности, говорил, что «со смерти Ататюрка Турция управляется мелкими умами, неустойчивые слабые люди». ⁷⁷

Даже в самый канун войны, 27 августа, президент Турции заявил германскому послу, что относительно Балкан Турция признает только обязательства, вытекающие из Балканского пакта, ⁷⁸ а представитель высшего командования сообщил, что Турция только тогда примет решительные меры, если станет объектом агрессии. ⁷⁹

Со своей стороны Германия, стараясь сохранить хотя бы частично свое влияние на Турцию, продолжала высказываться за поддержание взаимных экономических связей. Ввиду истечения срока действия германо-турецкого торгового договора, Германия подтвердила свою готовность заключить новый торговый договор. Турецкое правительство, однако, сочло неприемлемыми выдвинутые условия (отказ Турции от заказанной германским фирмам боевой техники и от требования выплат по гарантиям за невыполнение контрактов, ⁸⁰ а также обязательство Турции поставлять Германии хром ⁸¹). Турецкое правительство решило воздержаться от заключения нового торгового договора. ⁸² Тем не менее Герма-

⁷⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 45. Папен—МИДУ, 13 августа 1939 г.

⁷⁷ ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 192.

⁷⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 342; см. также Bd. 8, Dok. 105.

⁷⁹ ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 448.

⁸⁰ Прежде всего это касалось фирм «Крупп» и «Шкода» (орудия), «Мессершмитт» и «Хейнкель» (самолеты). Всего Турция должна была получить по гарантиям 70 млн. марок. (ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 80, 782).

⁸¹ ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 141. Кроль—МИДУ, 20 августа 1939 г. Турция собиралась поставлять хром лишь вместе с сельскохозяйственной продукцией и в обмен на боевую технику. (У. Т. Kurat, op. cit., s. 95).

⁸² ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 247.

ния, рассчитывая, что предстоящий, как обычно, осенний кризис турецкой внешней торговли сделает Турцию более сговорчивой,⁸³ продолжала выжидать. В последних числах сентября во время вручения верительных грамот новым турецким послом в Германии Х. Герде Гитлер говорил о германо-турецких отношениях в столь дружественном тоне, как если бы никакого англо-турецкого и франко-турецкого соглашений о взаимопомощи не было и в помине, и даже заявил, что между Германией и Турцией «намечаются отличные политические и экономические отношения»⁸⁴.

Наконец, 19 октября уже в обстановке начавшейся второй мировой войны, которая первоначально развернулась как схватка империалистических держав, Турция подписала союзный договор с Англией и Францией. Это произошло вопреки широко распространенному в стране мнению о том, что у Турции нет причин становиться на чью-либо сторону.⁸⁵ Правда, турецкое правительство добилось принятия очень нежелательной для союзников статьи об отсрочке, по которой договор вступал в силу лишь по получении Турцией военных материалов и некоторых займов. По договору Турция обещала своим союзникам оказать им помощь, если они будут вовлечены в войну на Средиземном море в результате агрессии или в связи с данными ими гарантиями, и занять по меньшей мере позицию благожелательного нейтралитета в случае агрессии, не предусмотренной договором. Со своей стороны Англия и Франция должны были оказать Турции всю возможную помощь, если она подвергнется нападению со стороны европейской державы или если агрессия приведет к войне в районе Средиземного моря, в которую будет вовлечена Турция. Приложенный к договору специальный протокол № 2 оговаривал возможность отказа Турции от принятых ею обязательств.

⁸³ *Y. T. Kurat, op. cit., s. 97.*

⁸⁴ *L. Kreckler, op. cit., S. 55; ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 146.* Меморандум Вейцекера, 27 сентября 1939 г.

⁸⁵ *ADAP, Ser. D, Bd. 7, Dok. 448; E. Vere-Hodge, Turkish Foreign Policy 1918—1950, London, 1951. p. 130.*

если их выполнение могло повлечь за собой войну с Советским Союзом.⁸⁶

Иначе завершились проходившие в это же время в Москве советско-турецкие переговоры относительно двустороннего пакта о взаимопомощи. Не желая быть втянутым в начавшуюся мировую войну, СССР выдвинул два неперемennых условия. Во-первых, правительство Советского Союза настаивало на гарантиях, что Турция не пропустит в Черное море через проливы военные корабли нечерноморских держав. Во-вторых, должно было быть оговорено, что договор не может побудить СССР к действиям, способным привести его к вооруженному конфликту с Германией. Отказ Сараджоглу принять эти условия решил судьбу переговоров.⁸⁷

Подписание англо-франко-турецкого союзного договора и позиция турецкого правительства в переговорах с СССР значительно осложнили советско-турецкие отношения, хотя они и продолжали регулироваться договором о дружбе и нейтралитете 1925 года. Отмечая, что «заключение англо-франко-турецкого соглашения не затрагивает непосредственных интересов СССР», «Известия» подчеркивали, что турецкое правительство взяло на себя «такую ответственность, которая не может не сказаться на политике Турции в ближайшее время».⁸⁸ Оценка турецкой политики Советским правительством

⁸⁶ Great Britain. Treaty of Mutual Assistance between His Majesty in Respect of the United Kingdom, the President of the French Republic and the President of the Turkish Republic, Angora, October 19, 1939.

⁸⁷ «Международное положение и внешняя политика СССР». Сб. документов и материалов, М., 1939, стр. 170. Как показали эти переговоры, турецкое правительство, предложив Советскому Союзу заключить пакт о взаимопомощи применительно к району Балкан и проливов, стремилось прежде всего вовлечь СССР, проводивший политику нейтралитета, в косвенный союз с Англией и Францией. Вследствие предлагавшегося турецким правительством союзного советско-турецкого договора СССР мог оказаться втянутым в войну с Германией и Италией, не имея никаких обязательств со стороны Англии и Франции (История дипломатии, т. IV, стр. 23—24).

⁸⁸ «Известия», 21 октября 1939 г.

была дана наркомом иностранных дел В. М. Молотовым на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР. «...Правительство Турции,—отмечал Молотов в своей речи 31 октября 1939 года,—предпочло связать свою судьбу с определенной группировкой европейских держав, участвующих в войне. Оно заключило пакт взаимопомощи с Англией и Францией, уже два месяца ведущими войну против Германии. Тем самым Турция окончательно отбросила осторожную политику нейтралитета и вступила в орбиту развертывающейся европейской войны... Если Турция до известной степени теперь связала себе руки и склонилась к рискованной для нее поддержке одной из воюющих сторон, то, очевидно, турецкое правительство сознает ответственность, которую оно этим взяло на себя»⁸⁹.

Подписав союзный договор с Англией и Францией, Турция, тем не менее, продолжала делать все возможное, чтобы Германия не сочла ее позицию слишком определенной⁹⁰. С этой целью постоянно подчеркивалось, что договор с западными державами якобы даже помогает Турции оставаться вне мирового конфликта⁹¹. Президент Иненю в своей речи на заседании меджлиса 1 ноября заявил, что «пакт не направлен против какого-либо государства; он служит только миру в нашей зоне влияния», и отметил, что договор с западными державами не может препятствовать Турции поддерживать дружественные связи с другими странами⁹².

Турецкое правительство рассматривало этот договор как одностороннюю для себя выгоду, то есть лишь как обязательство Англии и Франции гарантировать

⁸⁹ «Международное положение и внешняя политика СССР», стр. 171.

⁹⁰ Выступая в меджлисе 11 сентября, премьер-министр Р. Сайдам заявил: «Мы стоим вне настоящей войны, между Германией и нами нет непосредственных политических разногласий» (*G. Jäschke. Die Türkei in den Jahren 1935—1941. Geschichtskalender, Leipzig, 1943, S. 83*).

⁹¹ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 338.

⁹² Millî Şef'in Söylev, Demeç ve Mesajları, İstanbul, 1945, s. 47—48.

безопасность Турции. Договор с западными державами не избавил Турцию от нажима со стороны фашистских агрессоров.

Свое отношение к подписанию англо-франко-турецкого договора Германия продемонстрировала дипломатическим демаршем 9 ноября 1939 года, в резкой форме поставив Турцию в известность, что усматривает в этом турецком шаге серьезный проступок относительно обязанностей неучаствующего в войне государства и сознательный выпад против рейха. Дав понять турецкому правительству, что заключение упомянутого договора расценивается ею как дипломатический акт, который не будет иметь никаких военно-политических последствий, Германия оставила за собой право принять соответствующие меры в случае иного развития событий.⁹³ Одновременно последовало новое предложение о заключении германо-турецкого экономического соглашения. Турецкое правительство ответило согласием начать экономические переговоры.⁹⁴

Дело было не только в том, что Турция хотела на всякий случай сохранить за собой возможность восстановления экономических связей с рейхом. Сам факт наличия предложений о заключении нового долгосрочного договора со стороны Германии, несмотря на сопровождавшие их условия, давал Турции определенные преимущества в экономических переговорах с Англией и Францией.⁹⁵

Западные державы были поставлены своим новым союзником в весьма сложное положение: удовлетворить широкую турецкую программу экономических требований им было нелегко. Тем не менее переговоры, которые вел Н. Менеменджиоглу в Лондоне и Париже в ноябре и декабре 1939 г., были успешно завершены. К концу 1939 года Великобритания вытеснила Германию с первого места в турецком импорте и экспорте. В общем объеме ввоза Турции в 118,2 млн. тур. фунтов и вывоза—в 127,4 млн. доля Британии составила 16,3%, а Германии—10, 4%.⁹⁶

⁹³ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 324, 338.

⁹⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 339, 366.

⁹⁵ DBFP, 3 ser., vol. VI, doc. 583; vol. VII, doc. 292, 329, 337.

⁹⁶ G. Jäschke, op. cit., S. 88.

Вопрос о поставках вооружения Турции тоже решился для нее благоприятно. Было решено предоставить ей военные материалы и вооружение, предназначавшееся ранее для поставок Польше.⁹⁷ Еще большее значение для Турции имело заключение с Англией и Францией в начале января 1940 года финансового договора, по которому ей были предоставлены долгосрочные займы. Один из них—25 млн. фунтов стерлингов предназначался для закупок вооружения. Другой заем—в 15 млн. фунтов стерлингов—Турция получила золотом. В соответствии с достигнутой 8 января 1940 года договоренностью о вступлении договора от 19 октября в силу с момента получения Турцией этого золота, уже 28 января золото было доставлено в Анкару, в Центральный банк.⁹⁸ Турция оговорила возмещение этого займа поставками табака.⁹⁹ Кроме того, она получила 3,5 млн. фунтов стерлингов для деблокажа «замороженных» клиринговых счетов.

8 января 1940 г. между западными державами и Турцией было заключено также соглашение о закупках хрома: всю добычу хромовой руды в течение двух лет и имевшийся на турецких складах хром (50 тыс. тонн) Турция обязалась поставить Англии и Франции; продажа хрома любой третьей стороне допускалась только с согласия последних.¹⁰⁰

Успешное завершение англо-франко-турецких экономических переговоров еще больше осложнило задачу Германии добиться путем экономического нажима на Турцию если не устранения, то хотя бы смягчения угрозы полного подчинения турецкого рынка интересам англо-французского блока. Еще в ноябре, наставшая на необходимость германо-турецких переговоров, отдел экономической политики германского МИДа в своей

⁹⁷ *L. Kreckler*, op. cit., S. 77.

⁹⁸ *G. Jäschke*, op. cit., S. 90.

⁹⁹ *W. N. Medlicott*, *The Economic Blockade*, vol. 1, London 1952, p. 272.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 275. При этом Англия забирала 11/15, а Франция—4/15 всего хрома. После поражения Франции ее долю стали приобретать Соединенные Штаты.

рекомендации отмечал: «Если мы не будем вести переговоры, то появится опасность, что и другие интересующие нас товары, такие, как хлопок, табак и оливковое масло, будут проданы Англии».¹⁰¹ Одновременно выражалась надежда, что переговоры прибавят силы турецким кругам, заинтересованным в торговых сношениях с Германией, и, возможно, помогут «с помощью мобилизованных для этого друзей Германии найти дорогу к хрому». И хотя МИД считал нереальными попытки заключить с Турцией экономический договор,¹⁰² проблема хрома, поставки которого Турция прекратила 19 октября 1939 года,¹⁰³ вынуждала Германию вновь и вновь возвращаться к этому вопросу.¹⁰⁴ Так, была сделана попытка путем компенсационного договора через нескольких частных владельцев рудников получить 150 тыс. тонн хрома, которая, однако, окончилась безрезультатно.¹⁰⁵

Бесперспективность германо-турецких переговоров о заключении экономического договора побудила Германию добиваться оживления торговли на основе клиринга. Уже поставленные в Турцию товары не были покрыты эквивалентным турецким экспортом. Образовалась разница в несколько миллионов тур. лир. Используя заинтересованность Турции в получении из Германии запасных частей для ранее приобретенного оборудования, а также в реализации своих оставшихся непроданными сельскохозяйственных продуктов,¹⁰⁶ немецкие представители договорились о поставках Германии оливко-

¹⁰¹ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 391. Заметка отдела экономической политики, ноябрь 1939 г.

¹⁰² ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 408.

¹⁰³ G. Jäschke, op. cit., S. 85.

¹⁰⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 516. В будущем Германия могла приобретать хромовую руду в основном в Греции, Югославии, Болгарии и Норвегии. Но эти закупки едва покрывали ее текущие потребности и не позволяли создать необходимые запасы (ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 517. Меморандум Мората, 9 января 1940 года).

¹⁰⁵ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 517.

¹⁰⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 330, 333, 391.

вого масла, шерсти, хлопка, табака, изюма и т. д.¹⁰⁷ 6 января было достигнуто германо-турецкое соглашение о поставках общей стоимостью в 5 млн. тур. лир, а тремя днями позднее—еще одно на 2 млн. Германия предоставляла в обмен запасные части для предприятий турецкой промышленности.¹⁰⁸ Будучи единственным достижением Германии в рассматриваемое время, эти соглашения, однако, представляются весьма сомнительным успехом германской политики в Турции, так как поставки по ним были невелики по объему и для ведущего войну государства состояли в основном из предметов отнюдь не первой военной необходимости. Если добавить к этому, что Турция не имела возможности заместить большую часть этих товаров ни на каком другом рынке, то успех Германии станет еще прозрачнее.¹⁰⁹

Всю первую военную зиму продолжались попытки Германии добиться урегулирования экономических отношений с Турцией, однако ей не удалось продвинуться ни на шаг. Эта задача Германии осложнилась и тем, что, испытывая острый валютный голод, она не могла позволить себе заплатить по гарантиям за невыполнение контрактов 70 млн. марок, 25 из которых подлежали выплате валютой, и потому не снимала требования об отказе турецких заказчиков (в большинстве случаев это было государство) от гарантийных прав. В какой-то момент Менеменджиоглу дал согласие воздержаться от использования гарантийных прав, но, как констатировал в конце марта отдел экономической политики, наложение арестов продолжалось и достигло 40 млн. марок.¹¹⁰ Одновременно Министерство иностранных дел отмечало, что «последние доклады германского посольства в Анкаре звучат неудовлетворительно; в частности, можно только отметить некоторую неопределенность в

¹⁰⁷ Уже тогда было очевидным отсутствие готовности со стороны Турции идти на жертвы во имя общего дела союзников (W. A. Medlicott, op. cit., vol. I, p. 275, p. 269).

¹⁰⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 512, 516.

¹⁰⁹ L. Kreckler, op. cit., S. 78—79.

¹¹⁰ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 30. Меморандум официального представителя отдела экономической политики, 30 марта 1940 г.

методах Турции вести переговоры».¹¹¹ Избегая обострения отношений и не лишая Германию надежд на благополучное завершение экономических переговоров, Турция не шла на уступки.

С приближением сроков намеченного Германией перехода в наступление против союзников Берлин стал проявлять все возрастающее беспокойство относительно будущей позиции Турции. В германском МИДе полагали, что «следует быть готовым к тому, что Турция вступит в войну на стороне наших врагов... Наши усилия должны оставаться направленными на удержание Турции от войны, даже если условия договора от 19 октября формально войдут в силу. /.../ Ясно, что лучший для нас способ добиться этого—удерживать Турцию в страхе перед Советским Союзом».¹¹² По мнению гитлеровских дипломатов, нагнетание напряженности в отношениях между Советским Союзом и Турцией должно было побудить турецкое правительство в критический момент воспользоваться протоколом № 2 англо-франко-турецкого договора и на его основании воздержаться от вступления в войну.¹¹³

Задавшись этой целью—провоцированием напряженности в советско-турецких отношениях,—гитлеровская дипломатия, как видно, не знала, что именно этим и в это же время занимаются ее военные противники, что проходившие тогда англо-франко-турецкие штабные переговоры, сопровождавшиеся визитами в Анкару представителей союзного главнокомандования, имеют не антигерманскую, а антисоветскую направленность и призваны вовлечь Турцию в войну не против оси, а про-

¹¹¹ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 30.

¹¹² ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 10. Вейцекер—Папену, 24 марта 1940 г.

¹¹³ Однако при всем своем желании добиться изменений в позиции Турции Министерство иностранных дел Германии вынуждено было сообщить Папену, что не может предоставить в его распоряжение никаких экономических средств, способных побудить Турцию к политическим уступкам, и потому рекомендовало ограничиться медленным улучшением отношений с этой страной (ADAP, Ser. D, Bd. 8, Dok. 680. Вейцекер—Папену, 17 марта 1940 г.).

тив СССР,¹¹⁴ то есть что союзники фактически решают за Германию и в ее пользу одну из ее первоочередных военно-политических задач.

Позиция Турции, занятая ею в ходе англо-франко-турецких штабных переговоров, свидетельствует о том, что турецкие правящие круги поддерживали и разделяли антисоветские планы своих союзников и даже не скрывали своей заинтересованности в военном выступлении западных держав против СССР (в связи с советско-финляндской войной). Единственно, чего хотела Турция, это—не связывать себя гласными обязательствами относительно непосредственного участия в военных действиях против Советского Союза, ссылаясь на отсутствие современного вооружения у турецкой армии и неспособность Англии восполнить этот пробел.¹¹⁵ Уклонилась она и от формального разрешения на использование англо-французскими вооруженными силами турецкой территории и воздушного пространства.¹¹⁶ Турция хотела, чтобы Англия и Франция, начав войну против СССР, «нарушили» ее суверенитет и осуществили транзит своих военно-воздушных сил, не имея на то официального согласия турецкого правительства, то есть поставили бы Турцию в положение «жертвы» чьих-то агрессивных действий. Понимая это, французский посол в Анкаре Массигли в конце марта 1940 года рекомендовал своему правительству либо поставить Турцию перед свершившимся фактом, либо сообщить ей о перелете союзнической авиации в последний момент, с тем, чтобы Анкара могла заявить Советскому правительству, что она не была своевременно информирована. Посол считал, что было бы «неплохо даже получить от турок скромный протест». «Когда события развернутся и Советы ответят военными действиями, необходимо, чтобы правительство Турции смогло доказать Великому собранию, что инициатива агрессии принадлежит Москве».¹¹⁷

¹¹⁴ Die Geheimakten des französischen Generalstabes (Auswärtiges Amt 1939/41, N. 6). Berlin, 1941. См. также: *Я. Караосманоглу*. Дипломат поневоле, стр. 138—139.

¹¹⁵ Die Geheimakten..., Dok. 20.

¹¹⁶ Die Geheimakten... Dok. 26, 28.

¹¹⁷ Die Geheimakten... Dok. 28.

Турецкое правительство, вероятно, рассчитывало, что такая позиция в случае победы Советского Союза позволит Турции выглядеть вполне благопристойно, а в противном случае ее неофициальное согласие и негласное сотрудничество не будут забыты Англией и Францией. Правящие круги Турции питали захватнические планы относительно территорий Кавказа,¹¹⁸ хотя, несомненно, очень боялись войны с Советским Союзом. Заключение Советским Союзом мирного договора с Финляндией сорвало все эти планы западных держав и Турции.

Совсем иного развития ситуации ожидало Министерство иностранных дел Германии, когда предполагало и опасалось улучшения советско-турецких отношений: «Соглашение между Турцией и Советским Союзом в данных обстоятельствах может установить связь между Советским Союзом и нашими врагами на Ближнем Востоке через Турцию...»¹¹⁹ Эти опасения усугублялись рядом других обстоятельств: отсутствием каких-либо сдвигов в германо-турецких экономических переговорах, переговорами между генеральными штабами западных держав и Турции, принятием турецким меджлисом закона о национальной обороне, муссируемыми в связи с этим дипломатией Англии и Франции слухами о скором вступлении Турции в войну, балканской деятельностью турецкой дипломатии, тесно связанной с интересами Англии и Франции в этом районе.

Весна 1940 года принесла распространение военных действий на север Европы. Немедленно Германия довела до сведения турецкого правительства, что в германских действиях в Скандинавии нет каких-либо фактов, по которым можно сделать вывод о том, что война распространится на юго-восток.¹²⁰ Заявления эти, как считала гитлеровская дипломатия, «произвели отличное впечатление» и даже «значительно успокоили волнение»¹²¹ турецких правящих кругов. Предупредительность, проявленная Германией относительно Турции,

¹¹⁸ Die Geheimakten..., Dok. 20.

¹¹⁹ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 10.

¹²⁰ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 137. Примечание 3.

¹²¹ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 137.

объяснялась тем, что в это время Муссолини сообщил Гитлеру о своем намерении в случае успешного наступления германской армии принять участие в войне против Франции. Распространение военных действий на район Средиземного моря создавало ситуацию, предусмотренную англо-франко-турецким договором для вооруженного выступления Турции на стороне союзников. Германия же хотела предотвратить вступление Турции в войну, так как это нанесло бы удар по германским коммуникациям в Юго-Восточной Европе и к тому же потребовало бы от Германии оказания эффективной военной помощи своим сателлитам,¹²² чего она стремилась избежать.

Стремление Германии удержать Турцию вне войны совпадало в данном случае с собственными целями турецкого правительства, которое само изыскивало для этого благоприятные предлоги. Германия по сути ломилась в открытую дверь. Ее военные успехи на севере Европы произвели перелом в оценке турецким правительством соотношения сил воюющих коалиций. Если прежде страх перед возможной агрессией Италии был важнейшим стимулом турецкой политики союза с Англией и Францией, то теперь Турция стремилась «перестраховаться» у Германии. Вот почему Турция, все еще казавшаяся преданным союзником западных держав, уже в первых числах мая 1940 года, незадолго до вторжения Гитлера во Францию, дала понять Германии, что германская гарантия против итальянской агрессии могла бы внести радикальные изменения в толкование англо-франко-турецкого договора 1939 года. После своей беседы с Менеменджиоглу Папен доносил в Берлин: «Турция горячо желает, чтобы Италия продолжала оставаться вне войны. В случае вступления Италии в

¹²² На вопрос Германии, сможет ли болгарская армия выдержать напор турецкой, если последняя нападет на Болгарию, последовал ответ: Болгария будет в состоянии сделать это через год-полтора, когда получит необходимое вооружение (*Л. Б. Валев*, Болгарский народ в борьбе против фашизма накануне и в начальный период второй мировой войны, М., 1964, стр. 131; см. также *Ф. Гальдер*, Военный дневник, т. I, М., 1968, стр. 364—365).

войну Турция не смогла бы отказаться от обязательств по пакту. Однако если Италия не атакует ни Балканы, ни турецкую территорию, то Турция ограничится созданием нескольких портов с углем на Эгейском побережье, доступных военным судам союзников, но воздержится от каких-либо военных действий. Турция надеется, что таким образом Балканы и Ближний Восток останутся вне войны. В этом случае Турция будет продолжать с уважением рассматривать букву англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи, но практически не вступит в войну».¹²³

Однако изменившееся положение на Западном фронте позволило Германии изменить и свою тактику по отношению к Турции. Теперь уже не требовалось делать успокоительные жесты. Правда, в соответствии с рекомендацией Папена начальник политического отдела МИД Германии направил послу в Риме Маккензену телеграмму, настаивая на необходимости добиться от итальянского правительства успокоительных деклараций для Турции.¹²⁴ Посол ответил, что хотя в Италии разделяют стремление Германии удержать Турцию вне войны, но для достижения этой цели итальянское правительство скорее предпочтет совместно с Германией оказать давление на Турцию путем запугивания, чем сделать связывающие руки заверения.¹²⁵ Германия больше не возвращалась к этому вопросу. С развитием германского наступления во Франции Турция уже без всяких «успокоительных деклараций» со стороны Германии и Италии стала переходить с позиции невоюющего союзника Англии и Франции на позицию нейтралитета. Союзники не могли добиться от Турции даже разрыва дипломатических отношений с Германией.¹²⁶ Уже 17 мая отдел экономической политики германского МИДа констатировал, что экономические переговоры

¹²³ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 200, Папен—МИДу, 6 мая 1940 г.

¹²⁴ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 244. Верман—посольству в Италии, 14 мая 1940 г. и Dok. 324.

¹²⁵ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 245, Маккензен—МИДу, 14 мая 1940 г.

¹²⁶ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 244.

с Турцией значительно продвинулись.¹²⁷ Президент Иненю дал инструкции министру иностранных дел о заключении в ближайшем будущем экономического соглашения, что и было осуществлено через день после вступления Италии в войну.¹²⁸

Германия немедленно изменила тон своих отношений с Турцией. От прежней терпеливости не осталось и следа. В начале июня Риббентроп информировал посла в Анкаре, что «совместные германо-итальянские действия с целью укрепить намерение Турции остаться нейтральной не кажутся ни целесообразными, ни необходимыми при настоящем положении. Дальнейшее развитие (событий), по всей вероятности, само по себе заставит Турцию удержаться от войны»¹²⁹. Панен сделал в Анкаре недвусмысленное заявление: «Турция может быть спокойна... что найдет верного союзника в лице Германии в будущем, если в настоящем ограничится охраной своих собственных интересов».¹³⁰ Конечно, сохранение Турцией нейтралитета рассматривалось германскими политиками только как временная мера, как очередная стратегическая задача,¹³¹ однако тот факт, что неучастие в империалистической войне действительно отвечало

¹²⁷ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 264. Меморандум начальника отдела экономической политики, 17 мая 1940 г.

¹²⁸ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 383. Панен—МИДу, 4 июня 1940 г.; Dok. 424. 11 июня было заключено соглашение на сумму в 21 млн. тур. фунтов. Турция предоставляла Германии кожу, орехи, изюм, табак, в обмен на которые получала промышленные товары, в том числе локомотивы и значительное количество пассажирских и товарных вагонов.

¹²⁹ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 324. Примечание 1.

¹³⁰ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 375.

¹³¹ Несколько позднее, в первые месяцы 1941 года начальник политического отдела министерства иностранных дел Германии Верман, указывая на большое стратегическое значение арабской территории «с точки зрения борьбы с Англией», отмечал, что пока Турция нейтральна, арабские территории находятся вне досягаемости, за исключением авиации стран оси (*H. Tillmann*, op. cit., S. 197—198).

интересам Турции, делал позицию Германии на этом этапе значительно перспективней англо-французской.

Вся предшествовавшая политика турецких правящих кругов основывалась на убеждении в военном превосходстве союзников. Теперь, в июне 1940 года, эта политика потеряла почву под ногами. С одной стороны, продолжались домогательства Англии и Франции, убеждавших Турцию оставаться верной союзу с ними и хотя бы разорвать дипломатические отношения с Германией и Италией, с другой—Турция оказалась беззащитной перед лицом этих последних, так как тяжелое положение союзников (а потом и разгром Франции) исключали возможность получить от них действительную помощь в случае фашистской агрессии. И в этот момент турецкие правящие круги не проявили достаточной дальновидности, чтобы в интересах укрепления независимости и безопасности Турции перед лицом расширения фашистской агрессии в Европе летом 1940 года укрепить и расширить свои отношения с Советским Союзом.

Показательным для позиции Турции в эти июньские дни 1940 года было выступление премьер-министра Р. Сайдама (2 июня).¹³² Оно не содержало даже намека на англо-франко-турецкий договор от 19 октября, служивший основой внешнеполитического курса Турции в течение всего последнего времени.

Вступление Италии в войну (10 июня) привело к решению турецкого правительства официально определить свое отношение к выполнению условий договора 1939 года. К 14 июня турецкое правительство по просьбе английского и французского послов «проанализировало ситуацию» и подготовило заявление о том, что «вступление Турции в войну в настоящей ситуации может, вероятно, вовлечь Турцию в войну с СССР» (!), а потому правительство сочло необходимым обратиться к протоколу № 2 англо-франко-турецкого договора и «соответственно сохранить нейтралитет в этом новом конфликте».¹³³ Заявление было опубликовано лишь 26

¹³² См. *The War and the Neutrals* (Survey of J. A.) Ed. by A. Toynbee, V. Toynbee, p. 347.

¹³³ ADAP, Ser. D, Bd. 9, Dok. 431. Англо-французская политика

июня, то есть после капитуляции Франции, но 13 июня Пален уже информировал Берлин, что, как он конфиденциально узнал, совет министров Турции не видит причин для вмешательства в конфликт в связи с объявлением войны Италией.¹³⁴ Так завершился переход Турции с позиции невоюющего союзника западных держав на позицию нейтральной страны.

Этот вовремя осуществленный маневр, хотя и предотвратил нападение держав оси, которое неминуемо имело бы место в случае выступления Турции на стороне Англии и Франции, отнюдь не гарантировал безопасность страны в ближайшем будущем.

Отказ Турции от участия в войне на стороне западных держав не может быть расценен как успех германской дипломатии, поскольку Турция с самого начала вообще не собиралась воевать. А германская активность, направленная на удержание Турции вне конфликта, угрозы с ее стороны и формальное сохранение в силе после поражения Франции договора от 19 октября позволили Турции предстать перед мировым общественным мнением в качестве верного и искреннего союзника западных

в Турции потерпела жестокую неудачу. В связи с обязательствами по договору 1939 г. одна только Франция, страдая от острого недостатка вооружения, в течение первых четырех месяцев 1940 года поставила Турции 400 ручных пулеметов с 3,5 млн. патронов к ним, 190 противотанковых орудий, 100 мортир Бранта 81 мм, батальон танков «К-35», 24 зенитных пулемета, 500 тыс. гранат т. д. (*Die Geheimakten...*, Dok. 39). Тогда же, весной 1940 года, в восточной части Средиземноморья были собраны значительные военно-морские силы, транспортные и другие суда Англии (4 линкора, 6 крейсеров, 20 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок, авианосец) и Франции (3 линкора и др. военные корабли). Западные державы надеялись, что им удастся побудить Турцию принять участие в войне. Теперь же «морской штаб с раздражением отмечал... что Турция и Египет не изъявили желаний объявить войну Италией... Турция даже не разорвала дипломатических отношений с Италией. Таким образом, основа английской стратегии на Балканах рухнула» (*Дж. Батлер*, указ. соч., стр. 290, 173, 288).

¹³⁴ ADAP, Ser. I, Bd. 9, Dok. 424.

держав, вынужденного в силу обстоятельств воздержаться от выполнения своих договорных обязательств.¹³⁵

¹³⁵ Англия, стремившаяся после поражения Франции сохранить благожелательный нейтралитет Турции, положила начало подобной интерпретации турецкой позиции («Economist», October 12, 1940, p. 450). В современной исторической литературе эта точка зрения нашла дальнейшее развитие. Не имея возможности отрицать очевидную корыстность и двуличие турецкой политики, Л. Крекер, например, выдвигает тезис о том, что Турция была верным и честным союзником западных держав, а как только проявился советско-германский конфликт—даже благожелательным нейтралом по отношению к их врагам (!?), но вынуждена была придавать своей политике вид двуличного Януса (*L. Krecker. op. cit., S. 67*).

Глава II

Германо-турецкий договор от 18 июня 1941 г.

К концу первого года войны, к августу 1940 года, международное положение Турции было крайне тяжелым. Не только сам факт разгрома Франции, но и быстрота, с которой она потерпела поражение, породили в Турции большую тревогу: следующая военная кампания могла начаться в ближайшее время. Великобритания не собиралась капитулировать, и Германия могла продолжить войну с ней в наиболее опасном для Турции направлении—на юго-востоке Европы, а затем атаковать английские коммуникации на Ближнем Востоке и Средиземном море. Правда, Германия как будто проявляла прежнюю заинтересованность в нераспространении военных действий на Балканы и Ближний Восток, но Италия откровенно не желала связывать себе руки в отношении Турции, не говоря уже о Балканах. Да и Гитлер в своей политике весьма напоминал кайзера Вильгельма II, про которого говорили, что он похож на кога на буфете—никогда не знаешь, куда прыгнет в следующий момент.

Германофильские круги в Турции подняли голову: их позиции значительно усилились. Как пишет Я. К. Караосманоглу, лишь президент И. Иненю и премьер-министр Р. Сайдам, уверявшие, что «последнее слово опять будет за Англией», да еще несколько депутатов в Великом национальном собрании и журналистов «видели признаки ослабления германской мощи и надеялись, что наш союзник Англия выстоит».¹

¹ Я. Караосманоглу, Дипломат поневоле. Воспоминания и наблюдения, М., 1966, стр. 180—181.

В такой ситуации попытки Англии побудить Турцию отказаться от политики нейтралитета были абсолютно бесперспективны. Президент И. Иненю в беседе с английским и французским послами, объясняя решение Турции сохранить нейтралитет и подчеркивая, что «если по ходу действия Турцию атакуют, то она, естественно, будет защищаться, даже если союзники не смогут больше оказать ей эффективную помощь», заявил, что «если союзники не могут понять эту точку зрения Турции, то она будет готова возратить предоставленный ей заем».² Аргументация Турции в пользу сохранения избранной позиции была убедительной: вступая в войну в столь неблагоприятное время, Турция рискует оказаться в единоборстве с Италией и Германией, так как Франция потерпела поражение, а рассчитывать на реальную военную помощь Англии ей не приходится.³ К тому же Англия не выполнила настойчивых просьб турецкого правительства о поставках современного оружия. Возразить было нечего. Еще в конце 1939 года начальники штабов западных держав подчеркивали: «...каковы бы ни были военные соображения, в настоящее время мы не в состоянии предпринять какие-либо действия на Балканах».⁴ С тех пор положение Англии изменилось в худшую сторону. Турция не была готова даже к обороне, и это не было секретом для английского правительства и генералитета.⁵

Убедившись в бесполезности всяких претензий, Англия решила удовлетвориться формальным сохранением в силе договора от 19 октября 1939 года,⁶ принять все возможные меры, чтобы усилить свои экономические позиции в Турции, и сосредоточить внимание на противодействии германскому политическому давлению на эту страну. «...Было сочтено наилучшим оставить поло-

² DGFP, ser. D, vol. IX, doc. 464. Панден—МНДу, 17 июня 1940 г.

³ DGFP, ser. D, vol. IX, doc. 464.

⁴ Дж. Батлер, Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941 г., стр. 84.

⁵ Дж. Батлер, указ. соч., стр. 84.

⁶ Обмен официальными заявлениями по этому поводу произошел несколько позднее (*H. Knatchbull-Hugessen*, op. cit., p. 168).

женне дел таким, каким оно было, не обращаться к Турции с требованием действий до тех пор, пока мы не сможем предоставить ей большей поддержки, но постараться, чтобы она заняла позицию наиболее благожелательную, насколько это было возможно без риска подвергнуться нападению».⁷

В Германии сложившуюся обстановку сочли исключительно благоприятной и решили радикальными методами добиться расторжения англо-турецкого договора и присоединения Турции к Тройственному пакту.

В это же время представился случай и для того, чтобы не допустить улучшения советско-турецких отношений. В распоряжении Германии оказались секретные документы французского генерального штаба.⁸ Среди них были материалы англо-франко-турецких штабных переговоров относительно планов военных действий против советских нефтепромыслов на Кавказе, нападения на советские корабли на Черном море и т. д. Захваченные документы неопровержимо свидетельствовали об антисоветской направленности политики турецкого правительства. Именно это обстоятельство, видимо, и побудило Германию приступить к немедленной публикации трофейных материалов,⁹ так как в Берлине опасались, что оказавшееся в тяжелом положении правительство Турции может прийти к мысли улучшить советско-турецкие отношения. Позднее Папен утверждал, что «клика Сараджоглу предприняла активные усилия, чтобы убедить президента подготовить почву для тесных русско-англо-турецких отношений. С этой целью турецкий посол в Москве получил инструкции дать самые дружеские заверения Москве и в то же самое время держать тесную связь с сэром Стаффордом Крипсом».¹⁰ Публикация документов должна была обострить отношения Турции с СССР и, если удастся, спровоцировать советско-турецкий конфликт. Кстати, именно так и расценило турецкое правительство и общественность стра-

⁷ H. Knatchbull-Hugessen, op. cit., p. 167.

⁸ Die Geheimakten...

⁹ „Völkischer Beobachter“, 4. 5, 10, 11 VII. 1940; G. Jäschke, op. cit., S. 98.

¹⁰ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 148. Папен--МИДу. 10 июля 1940 г.

ны этот шаг Германии.¹¹ Одновременно Германия рассчитывала, что публикация приведет к правительственному кризису в Турции, по крайней мере к смещению самой нежелательной в то время для Германии (по мнению, далеко не обоснованному, Папена и других германских дипломатов) политической фигуры—министра иностранных дел Сараджоглу, а возможно, и к образованию нового, открыто германофильского кабинета.¹²

Хотя документы и сами по себе достаточно сильно компрометировали турецкое правительство, в особенности Сараджоглу, красноречиво свидетельствуя об истинном отношении правящих кругов Турции к Советскому Союзу, германские публикаторы, чтобы добиться максимального эффекта, еще и исказили отдельные места. К примеру, в оригинальном тексте доклада французского посла в Турции Массигли от 1.4.1940 г. говорилось о том, что турецкое правительство ознакомилось с идеей «оборонительной войны» против СССР, в немецком же переводе война была названа наступательной.¹³ Одновременно в германской прессе началась кампания против турецкого правительства, включая премьер-министра Р. Сайдама, и прежде всего министра иностранных дел Ш. Сараджоглу. А гитлеровская дипломатия широко распространила слухи о якобы предстоящем нападении Советского Союза на Турцию.

Полагая, что сделано все необходимое, чтобы добиться падения Сараджоглу и других «нежелательных» для Германии членов турецкого правительства, гитлеровская дипломатия, видимо, не сомневалась в успехе. Однако Берлин просчитался—реакция Турции оказалась иной. В Турции вспыхнуло сильное негодование, вызванное как публикацией, так и искажениями в тексте документов, предание гласности которых и без того было большим ударом для Турции. Турецкое правительство обвинило Германию в фальсификации, французский посол сделал заявление о подложности документов.

¹¹ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 179. Папен—МИДу, 16 июля 1940 г. Политический доклад; doc. 349; FR, 1940. vol. 1, p. 493—494.

¹² См. *L. Kreckler*, op. cit., S. 94—95.

¹³ *L. Kreckler*, op. cit., S. 93.

Прямым следствием скандала явилось резкое ухудшение германо-турецких отношений. Выступая в меджлисе 12 июля, премьер-министр Р. Сайдам заявил: «...единственный ответ тем, кто, основываясь на этих документах, выдвигал обвинения против Турции и пытался скомпрометировать турецких государственных деятелей, не желавших выполнять их планы,—это отвернуться от них с отвращением (...). Те, кто выдвигают обвинения против Турции и стараются повлиять на нее, забывают прежде всего то, что Турция сегодня—это уже не мертвая и сгнившая Османская империя (...). Сохранение на посту, уход или замена турецких государственных деятелей может происходить только по решению меджлиса. (...) Единственный ответ, который турецкий народ даст любым действиям, направленным к тому, чтобы нанести ущерб турецкой независимости и целостности ее территории, будет состоять в том, что он возьмется за оружие и будет защищать родину до конца».¹⁴ Борьба между различными группировками правительственного лагеря Турции накануне заседания меджлиса, несмотря на исключительную активность германского посольства во главе с послом, закончилась поражением «германофилов».¹⁵ Великое национальное собрание вынесло вотум доверия правительству, и Пален с раздражением заключил, что туркам «ничего больше не оставалось, как еще раз положиться на политику сотрудничества с Англией»¹⁶. Он, однако, ошибался. Речь шла не о «сотрудничестве» с Англией, а об официальном разрыве с ней и расторжении англо-турецкого договора, на что не соглашалось пойти турецкое правительство, особенно под открытым нажимом Германии.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 5, ед. хр. 265, л. 17, л. 19—21.

¹⁵ Эта группа турецких политических деятелей тоже обвиняла Германию, считая, что она должна была ограничиться публикацией документов, направленных против Финляндии и Франции. «Тогда мы, конечно, могли бы предпринять логически вытекающие действия. К несчастью, сейчас это для нас психологически невозможно»,—заявил Палену «один из высокопоставленных чиновников» турецкого МИДа (DGFP, ser. D, vol. X, doc. 179).

¹⁶ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 179.

Получив отпор, Германия вынуждена была в конце концов принести турецкому правительству свои извинения. Было очевидно, что только какие-либо чрезвычайные обстоятельства могут изменить ситуацию в Турции. Папен, к примеру, полагал, что возмущение и угрозы, исходящие от Советского Союза, могли бы привести к смене кабинета в Турции.¹⁷ Советский Союз, однако, проявлял сдержанность, ограничившись перепечаткой документов, опубликованных Германией. Затем последовало сообщение ТАСС от 12 июля 1940 года: «В последние дни в иностранной печати усиленно распространяются слухи о том, что Советский Союз будто бы предъявил Турции ультиматум с требованием территориальных уступок. ТАСС уполномочен заявить, что все эти слухи являются вымышленными и ни в какой мере не соответствуют действительности».¹⁸ Отношение Советского правительства нашло официальное выражение в речи наркома иностранных дел Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года. Констатируя неблагоприятную позицию турецких правящих кругов относительно Советского Союза, речь Молотова не содержала никаких угроз Турции.¹⁹ Убедившись, что Советский Союз не собирается оказывать на нее давление, хотя и сохраняет вполне понятное недоверие к политике турецкого правительства, Анкара почувствовала себя уверенней. Стало очевидным—практически вся эта игра была Германией проиграна.

Неудачная попытка путем неприкрытого давления привести Турцию в лагерь оси заставила германскую дипломатию произвести переоценку точек зрения на дальнейшие перспективы турецкой политики. Теперь уже

¹⁷ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 148, 179, 198.

¹⁸ «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 518. 25 сентября ТАСС выступил с опровержением слухов о том, что Советский Союз будто бы добивается от Турции смещения министра иностранных дел Сарраджоглу: «ТАСС уполномочен опровергнуть это сообщение, как дикое и фантастическое, несовместимое с политикой СССР о невмешательстве в государственные и тем более внутренние дела других стран» (Там же, стр. 528).

¹⁹ «Известия», 2 августа 1940 г.

Папен писал в Берлин: «Я никоим образом не разделяю оптимистического мнения моего итальянского коллеги, что Турция, во всяком случае скоро, отвернется от Англии». Посол полагал, что, когда на Средиземноморье будет достигнута гегемония оси, не представит труда «обменять группу Додеканезских островов на стратегическую позицию равного значения и сделать Турции те предложения, которые безуспешно делались ей Лондоном», и рекомендовал, «поскольку попытка создать изменение в курсе Турции путем публикации документов не имела успеха, имея в виду важность этой позиции для врага, добиваться того же результата другими средствами».²⁰

Со своей стороны, британское правительство высоко ценило то обстоятельство, что Турция в момент слабости британского империализма даже одним своим нейтралитетом сохраняет статус кво на Ближнем Востоке. По этой причине, как справедливо рассудил германский посол²¹, «в Лондоне закрыли глаза на отсутствие в прошлом активности у этого союзника».²² Английская пресса, действительно, превозносила турецкую «помощь».²³

Нараставший итало-греческий конфликт был еще одним очень тревожным для Турции событием лета 1940 года. Проводившая политику балансирования.

²⁰ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 198. Папен—МНДу, 20 июля 1940 г. Политический доклад.

²¹ «Среди фигур, которые передвинула Британская империя на шахматной доске решений, чтобы сохранить положение, Турция получила особо важную роль. Конечно, в прошлом она не оправдала надежд... однако она сохраняет свое решающее значение в деле спасения империи даже на этой последней стадии борьбы. (...). Например, нападение Италии на Сирию с Додеканезских островов и далее на Палестину, Египет, Ирак невозможно, пока существует турецкая угроза с фланга» (Ibid., doc. 198).

²² «Сэр Нэтчбэлл-Хьюджессен, несомненно, также руководствовался этой мыслью, когда он, единственный дипломат, украсил своим присутствием ложу в Великом национальном собрании... которая в противном случае пустовала бы...» (Ibid., doc. 198).

²³ См. например, „Economist“, October 12, 1940, p. 450.

Турция при всем своем возмущении открытым давлением Германии и нежелании ему подчиниться, принимала прежде всего в расчет резкий перевес сил в пользу держав оси. С другой стороны, усилившаяся активность Италии продолжала оставаться важнейшим препятствием на пути к улучшению отношений с Германией. Сложившаяся ситуация была такой, что Турции не приходилось ожидать ничего утешительного от дальнейшего развития событий. Важное место в этих рассуждениях турецких правящих кругов занимали антисоветские тенденции: стремление разрешить свои проблемы вновь путем антисоветского сговора Германии с Западом. И турецкое правительство решило попытаться подтолкнуть Германию, которая достигла господства на европейском континенте, к компромиссу с Англией или, по крайней мере, уяснить для себя немецкие планы.

16 августа в беседе с Папеном президент Турции сообщил, что он «чувствует», что Англия желает мирного компромисса с Германией, и спросил германского посла, не видит ли он для этого какой-либо возможности. Иенену добавил, что «благодаря своим отношениям с Англией, Турция в любое время будет в состоянии выдвинуть необходимые доводы, если рейх этого пожелает»²⁴. Ответ Папена, данный им даже без консультации со своим правительством, гласил: «...Англия хотела войны, так что не осталось ничего другого, как решение (конфликта) силой оружия».²⁵ Тем самым вопрос даже о временном прекращении войны отпал, а основная для Турции проблема—в каком направлении будут развиваться военные действия—продолжала оставаться открытой.

Правда, Иенену получил разъяснения от Гитлера относительно планов Германии по установлению на Балканах «нового порядка», под которым Гитлер подразумевал «некоторое перераспределение балканской территории с целью мирного урегулирования территориальных претензий и сохранения равновесия между

²⁴ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 349. Папен—МИДУ, 16 августа 1940 г.

²⁵ Ibid.

Балканскими государствами».²⁶ Это сообщение могло бы принести Турции значительное успокоение, если бы из него явствовало, что «реорганизация» балканской территории не затронет Турции. Однако, как далеко зайдет Гитлер в «перераспределении» указанной территории, было неизвестно, а у турецкого правительства имелись основания беспокоиться на этот счет. Болгарские претензии на принадлежащую Турции часть Фракии были давно известны, и визит премьер-министра Болгарии Филова Гитлеру 26—27 июля вызвал в Турции опасения, что в этих беседах обсуждался вопрос о Фракии. Так что сообщение Гитлера относительно предстоявшей реорганизации скорее усилило опасения Турции, чем способствовало успокоению.

Вскоре опасения Турции приобрели конкретную форму. 28 октября 1940 года итальянская армия, базировавшаяся в Албании, совершила агрессию против Греции. Балканы стали ареной военных действий. В Турции это событие получило огромный резонанс,²⁷ так как война вступила в турецкую «зону безопасности». И хотя эта агрессия не была неожиданностью для Турции, правительство вновь оказалось в трудном положении.²⁸ Продвижение Италии к турецким границам, распространение военных действий на острова Эгейского моря явилось бы прямой угрозой жизненным интересам Турции. Так по крайней мере оценивал могущую возникнуть ситуацию Сараджоглу²⁹. Полагая, что только Германия может принудить Италию не распространять военные действия на прилегающую к турецкой границе территорию, турецкое правительство заявило рейху, что «в настоящее время единственно от держав оси зависит возможность для Турции с честью сохранить мир».³⁰

²⁶ DGFP, ser. D, vol. X, doc. 349.

²⁷ *T. Ataöv*, op. cit., p. 81.

²⁸ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 243. Папен—МИДУ, 28 октября 1940 г.

²⁹ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 254. Папен—МИДУ, 30 октября 1940 г.

³⁰ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 254.

Практически же, хотя турецкий президент отмечал, что безопасность и благосостояние Греции, втянутой в войну, имеют для Турции исключительное значение,³¹ Турция не оказала помощи грекам, ограничившись обещанием поддержать Грецию в случае выступления Болгарии на стороне оси³² и заявленном греческому правительству, что оно может спокойно отвести свои войска от греко-турецкой границы. Одновременно Анкара несколько увеличила экспорт скота и пшеницы для снабжения греческой армии.³³ К этому и свелась помощь Турции своему союзнику по Балканской Антанте.

В новой обстановке Турция теперь не скрывала свою заинтересованность в улучшении германо-турецких отношений, хотя и проявляла при этом большую осторожность. Турецкий посол в Берлине пытался получить от Гитлера (через Папена) «авторитетное заявление для господина президента — заявление, предназначенное рассеять большую часть все еще существующего недоверия».³⁴ Но на вопрос, «не могла бы Турция решиться на соучастие в создании новой Европы или, по крайней мере, следовать работе стран оси объективно и с симпатией?»—Герде ограничился неопределенным заявлением: он «думает, что время для этого настанет, как только намерения держав оси будут более ясно определены и станет ясна (различима) роль, которую будет играть Турция».³⁵ «В то время как германская точка зрения во многом совпадает с турецкой,—разъяснял посол,—из Италии слышны голоса, утверждающие следующий принцип: малые нации (а Турция относит себя к одной из них) в будущем не смогут больше распоряжаться своей жизнью».³⁶

³¹ *T. Ataöv*, *op. cit.*, p. 81.

³² *H. Knatchbull-Hug essen*, *op. cit.*, p. 167.

³³ *T. Ataöv*, *op. cit.*, p. 82.

³⁴ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 297. Папен—МИДу, 6 ноября 1940 г.

³⁵ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 297.

³⁶ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 297. Интересно, что во время этой беседы, проходившей в Берлине между Папеном и Герде, последний выразил «величайшее удовлетворение заявлением германского правительства, которое вдохновляло арабские государства на Ближ-

Одновременно Турция, чтобы избежать участия в войне, делала попытки предотвратить вступление Болгарии в войну. Намекая на обязанность Турции как члена Балканской Антанты оказать военную помощь союзнику по пакту в случае нападения на него другого балканского государства, турецкий посол в Берлине прямо заявил болгарскому послу, что «если Болгария будет сохранять спокойствие, то Турция тоже сохранит спокойствие».³⁷ До сведения Германии также было доведено, что «пока Болгария активно не выступит и пока операции протекают вдали от турецких границ, необходимость турецкой интервенции не возникнет».³⁸

Между тем в Германии всю осень 1940 г., вплоть до ноября, обсуждался вопрос о войне с Турцией в плане дальнейшего распространения германской агрессии. В сентябре гросс-адмирал Редер в своем докладе Гитлеру настаивал на «разрешении» в предстоящую зиму средиземноморского вопроса, до того как Соединенные Штаты сумеют оказать Англии эффективную поддержку.³⁹ Он предлагал наряду с операцией по занятию Гибралтара осуществить нападение в район Суэцкого канала через Сирию, Палестину и, в случае необходимости, через Турцию. Этот вариант казался Редеру особенно привлекательным, так как одновременно с решением средиземноморских проблем в руках Германии оказалась бы и Турция. При такой ситуации нападение на СССР могло быть осуществлено с юга.

нем Востоке на борьбу за независимость». Турецкий посол считал абсолютно необходимым в дальнейшем сотрудничество в этом отношении. Когда же Папен вставил замечание, что «обязательства перед Англией, вероятно, заставят джентльменов в Анкаре почувствовать, что сотрудничать с нами в арабском вопросе (им) не будет разрешено»,—последовал ответ: «Если этого нельзя сделать открыто, то ясно, что это должно быть сделано тайно». Турецкое правительство определенно делало Германии авансы, уверяя, что во имя собственных интересов не остановится и перед дальнейшим пренебрежением договорными обязательствами.

³⁷ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 243. Примечание 1.

³⁸ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 243.

³⁹ См. *H. Tillmann*, *op. cit.*, S. 152.

Разрабатывавшийся с ноября 1939 года проект другой операции «Юго-Восток», планировавшейся на 1940—1941 годы, намечал продвижение германских войск на Ближний Восток и далее в Центральную Азию и Индию по двум направлениям: из Северной Африки совместно с итальянской армией и через Болгарию (Грецию), Босфор, Анатолию к Ираку, где группировки должны были соединиться.⁴⁰ Генерал Паулюс также считал возможной операцию такого рода, полагая, что ее можно осуществить двумя корпусами механизированных войск за три месяца.⁴¹

4 ноября 1940 г. Гитлер отверг план прорыва через Турцию, поскольку эта кампания представлялась ему длительной и связанной с большими трудностями. К этому времени Гитлер окончательно решил отказаться от частных военных операций, которые могли потребовать большого количества войсковых соединений на длительный срок, и сосредоточил все внимание на подготовке нападения на СССР.⁴² Он утверждал: «Мы можем двинуться к проливам лишь после того, как Россия будет разбита».⁴³ Соответственно германская дипломатия должна была пока что обеспечить нейтралитет Турции и ее сотрудничество с осью, для чего Турцию следовало «вынудить все больше освобождаться от связей с Англией».⁴⁴ Правда, в связи с решением Германии включиться в войну против Греции в конце ноября вновь встала перспектива возможных военных действий против Турции,⁴⁵ но рассматривалась она Германией как крайняя мера на случай, если Турция примет участие в военных действиях на Балканах. Гитлер предусматривал использовать армейскую группировку в составе 10 дивизий, чтобы быть в состоянии обеспечить выполнение

⁴⁰ Ф. Гальдер, Военный дневник, т. 2, стр. 255. Примечание 1.

⁴¹ Дж. Батлер, указ. соч., стр. 360.

⁴² H. Tiltmann, op. cit., S. 153.

⁴³ Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 254—255. Запись от 24 ноября 1940 г.

⁴⁴ Nazi-Soviet Relations, p. 222.

⁴⁵ Ф. Гальдер, указ. соч., стр. 255.

своих планов на Балканах, в том числе «держать Турцию в страхе».⁴⁶

10 ноября турецкое правительство получило от Германии важное сообщение в ответ на свои запросы относительно дальнейшего развития германо-турецких отношений. Риббентроп заявил, что «не видит трудностей для повторного вступления Турции в тесные и дружеские отношения с рейхом при сохранении (сю) в то же время связей с Англией».⁴⁷

Однако положение на Балканах оставалось угрожающим для Турции. Большое беспокойство вызвала поездка в Берлин болгарского короля: Турция опасалась, что результатом этого визита будет вступление Болгарии в войну против Греции. Широко распространились слухи, что Германия тогда ультимативно потребует от Турции сделать окончательный выбор: либо порвать свои связи с Британией, либо с Турцией поступят, как с Грецией, когда итальянцы предъявили ей ультиматум и напали 3 часа спустя.⁴⁸

Значительная часть турецкой армии была сконцентрирована в Восточной Фракии, в некоторых районах было объявлено чрезвычайное положение. Правительство призвало часть резервов. Турция заминировала вход в Дарданеллы и приняла другие предупредительные меры против итальянских военно-морских сил и германских подводных лодок, которые, как предполагалось, были собраны в Констанце.⁴⁹ Германии турки разъяснили, что принятие всех этих мер «явилось результатом неопределенного положения, в котором очутилась Турция».⁵⁰ При этом, избегая осложнений с рейхом, Сараджоглу заверил Папена, что «Турция сейчас, как никогда, намерена защищать свои собственные интересы». В свою очередь Папен сообщил министру, что «ось была

⁴⁶ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945. Frankfurt/Main, 1962, S. 70.

⁴⁷ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 314.

⁴⁸ T. Atabev, op. cit., p. 85.

⁴⁹ Ibid., p. 85—86; DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 386 Папен—МТДу, 23 ноября 1940 г.

⁵⁰ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 386

бы готова уважать целостность и суверенитет Турции и, при некоторых условиях, дать соответствующие гарантии, если бы Турция смогла решиться на сотрудничество с новым порядком в Европе».⁵¹

В такой формулировке «гарантия» оси не устраивала турецкое правительство, которое надеялось, что итальянские военные неудачи в Греции и в Северной Африке создадут возможность игнорировать ось, заключить двусторонний германо-турецкий договор.⁵² Турция просила Германию «не рассматривать свои отношения с ней сквозь очки оси, потому что Турция в своих решениях не будет связана с Англией». «Мы стали бы союзниками таких достижений в новой Европе, если бы наши интересы были бы обезопасены. Однако нас нельзя просить, чтобы мы союзничали с осью, в которой участие Италии обеспечено на 50%»,—заявил министр иностранных дел Турции Папену.⁵³

Понимая, что следует ожидать германского вторжения на Балканы в поддержку Италии, и не веря утверждениям Германии, что «у Италии достаточно сил, могущих восстановить положение»,⁵⁴ турецкое правительство хотело и на этот случай выяснить, не создаст ли продвижение германских войск на Балканы угрозу непосредственно турецким интересам. «Если Италия не сумеет восстановить положение, двинет ли Германия войска через Югославию или Болгарию, и воспользуется ли Болгария этой возможностью, чтобы усилить свои требования относительно Фракии?»—допытывался у Папена Н. Менеменджюглу.⁵⁵ «Болгария не имеет никаких агрессивных намерений и, напротив, чувствует угрозу только в турецкой мобилизации,—успокаивал германский посол.—Я ничего не знаю о германской интервенции через Болгарию. Если образование англий-

⁵¹ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 386.

⁵² DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 363. Поверенный в делах в Турции—в МИД. 21 ноября 1940 г.; doc. 396. Папен—МИДу, 25 ноября 1940 г.

⁵³ Ibid., doc. 396 и примечание 1.

⁵⁴ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 396.

⁵⁵ Ibid., doc. 396.

ского фронта на Балканах потребует настоятельных действий, турецкие интересы даже в этом случае будут соблюдены державами оси».⁵⁶

Турецкое правительство не было удовлетворено этими заверениями. Четыре дня спустя Инению задал Папену прямой вопрос: «Какова была бы позиция рейха в отношении мира на Балканах, в котором Турция кровно заинтересована? Когда, при каких обстоятельствах и каким образом Германия была бы вынуждена поддержать своего союзника?». Папен вновь ограничился вышеназванными заявлениями, добавив, что Болгария «не думает предпринимать какие-либо действия по своей инициативе».⁵⁷ Со своей стороны, Инению выразил уверенность, что Англия долгое время не будет в состоянии создать Балканский фронт, что же касается Турции, то она «не желает этого (создания фронта—*Р. К.*) и не будет в нем участвовать».⁵⁸

Несмотря на все эти осложнения, германо-турецкие переговоры продвигались весьма успешно. Их завершение тормозилось лишь постоянным и настойчивым подчеркиванием турецкой стороной глубоко укоренившегося недоверия к Италии и невозможности положиться на итальянские гарантии. Что касается рейха, уверял турецкий президент, то «имелась тысяча причин, по которым Турция никогда не хотела вступать в конфликт с Германией».⁵⁹

29 ноября 1940 года на встрече между Папеном и Сараджоглу в присутствии Менеменджиоглу началось конкретное обсуждение предстоявшего соглашения.

Первым условием турецкого правительства было соблюдение секретности переговоров. Кроме того, переговоры никоим образом не должны были быть связаны с какой-либо третьей стороной, и в случае, если соглашение не будет достигнуто, они должны рассматриваться как не имевшие место. Для конспирации турецкая сторона предложила объявить темой переговоров эко-

⁵⁶ Ibid., doc. 396.

⁵⁷ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 422. Папен—МНДу, 29 ноября 1940 г.

⁵⁸ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 422.

⁵⁹ Ibid., doc. 422.

номические вопросы. Это условие было принято Германией.⁶⁰ Далее Папену было сообщено, что, хотя турецкое правительство еще не получило точной информации относительно германских предложений, «в принципе оно проявило полную симпатию» к изложенным соображениям.⁶¹

Вторым условием, выдвинутым Турцией, был отказ от участия Италии в предстоящем соглашении. «Поскольку Турция испытывает сильнейшее недоверие к Италии, она не желает быть связанной с ней». — заявил Папену турецкий министр иностранных дел. На это Папен ответил, что переговоры с Турцией будет вести исключительно Германия, хотя и подчеркнул, что «все решения держав оси достигнуты совместно».⁶²

Таким образом, выяснилось, что германо-турецкое политическое соглашение является принципиально возможным. Оставалось договориться о формулировках.

В предварительном порядке Папен предложил следующие 5 пунктов:

1. Турция симпатизирует новому порядку в Европе в соответствии с идеями держав оси и согласна принять в нем активное участие, в частности в вопросах, относящихся к миру на Балканах и на Ближнем Востоке.

2. Турция предпринимает шаги, чтобы воздержаться от участия в войне Англии против держав оси.

3. Обязательства Турции по отношению к Англии, которые являются чисто оборонительными и касаются только сохранения турецких владений, не подвергаются изменению пунктом 2.

4. Державы оси обязуются не нападать на Турцию.

5. Державы оси привлекают Турцию к обсуждению нового порядка в Европе, в частности настолько, насколько будут затронуты интересы Турции на Балканах и на Ближнем Востоке.⁶³

⁶⁰ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 436. Папен — МИДу, 2 декабря 1940 г.

⁶¹ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 436.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid.

Во время переговоров турецкое правительство выразило желание, чтобы устные заверения Германии получили конкретную юридическую форму (Сараджоглу прямо заявил Папену, что «желательно оформление договора»⁶⁴) и чтобы гарантия ненападения была распространена и на «зону турецких интересов». Таким образом, уже в начале декабря 1940 года договор о ненападении между странами мог бы быть подписан, если бы Папен не получил из Берлина новых инструкций.

Дело в том, что в Берлине сочли преждевременным договорное урегулирование отношений с Турцией. Германия в этот момент разворачивала подготовку к осуществлению плана «Барбаросса» и больше всего опасалась, чтобы Советский Союз не узнал об этом. Заключение германо-турецкого договора могло расшифровать планы Гитлера и сорвать намечаемый внезапный «блицкриг». Кроме того, не было никакой уверенности, что турки не последуют своему излюбленному правилу—перестраховке—и не сообщат британскому правительству все, даже самые секретные условия соглашения, что тоже могло привести к очень неприятным для Берлина последствиям.

«Пока Вы не получите дальнейших инструкций,—писал Риббентроп своему послу в Анкаре,—пожалуйста, сохраняйте величайшую осторожность в Ваших беседах с турками. (...) Следует добавить, информируя лично Вас, что вопрос о возможности оформления договора между Германией и Турцией в настоящее время все еще остается совершенно открытым и что конкретная формулировка...является...несвоевременной».⁶⁵

Папен, однако, считал, что отказаться от заключения договора, не давая никаких объяснений, означает передать Турцию полностью в руки англичан.⁶⁶ Заметим, кстати, что ему лично, видимо, не было тогда сде-

⁶⁴ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 459. Папен—МИДу, 6 декабря 1940 г.; doc. 515. Папен—МИДу, 14 декабря 1940 г.

⁶⁵ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 454. Риббентроп—Папену, 5 декабря 1940 г.

⁶⁶ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 459.

лано никаких разъяснений о мотивах решения германского правительства. Лишь в конце декабря в частном письме Вейцзекер объяснил послу позицию Берлина: «Мы находимся на стадии, на которой нам необходимо и следует иметь в виду обе восточные державы—Турцию и Россию. Выбор одной из них поэтому был бы преждевременным, так же как любой акт, равнозначный такому выбору. Здесь, на мой взгляд, лежит граница, до которой Вы можете приспосабливаться».⁶⁷

В последней декаде декабря Риббентроп санкционировал продолжение переговоров с турками ровно настолько, чтобы «не позволить нити разорваться». Он подтвердил, что «в настоящий момент невозможно выразить в конкретной форме отдельные пункты возможного соглашения с Турцией». «В частности, мы должны избегать более или менее связывающих нас решений, которые могли бы нанести ущерб нашим отношениям с Советским Союзом». Одновременно Риббентроп указывал: «Вы можете утверждать, что правительство рейха все еще желает, как и в прошлом, и считает вполне возможным найти основу для реорганизации германо-турецких отношений. Естественно, мы должны будем совещаться по этому вопросу с нашим союзником Италией...»⁶⁸

С этого времени Папен начал сложную игру с правительством Турции, призванную скрыть решение Германии воздержаться от немедленного заключения германо-турецкого договора, поддерживая при этом у турецких правящих кругов уверенность в твердом стремлении рейха договорно урегулировать взаимоотношения между странами.

Турецкое правительство, однако, беспокоилось, что Германия сочтет бесперспективным для себя предполагаемый договор, поскольку Турция им ни к чему не обязывалась. Эти сомнения подтверждались отсутствием всякой инициативы со стороны Германии после столь

⁶⁷ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 572. Заметка Вейцзекера от 27 декабря 1940г.

⁶⁸ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 543. Риббентроп—Папену, 21 декабря 1940г.

многообещающего начала переговоров. В связи с этим турецкая дипломатия, по-прежнему избегая письменных обязательств, стала устно делать новые уступки германским требованиям. Когда Папен 24 декабря сообщил Сараджоглу, что Германия намерена «найти новую основу для взаимоотношений с большим доверием», министр сделал послу неожиданное заявление: «Турецкое правительство неукоснительно желает того же, и еще больше с тех пор, как события в значительной мере устранили мотив (служивший основой) для заключения пакта с Англией, а именно—страх перед итальянским империализмом»⁶⁹ (выделено мною—Р. К.). Впервые турецкое правительство ставило под сомнение целесообразность англо-турецкого союза. Заявление Сараджоглу содержало в себе явный намек на возможность отказа Турции от договора с Англией. Во всяком случае Германия вполне могла сделать вывод, что подписание германо-турецкого соглашения послужит основой для постепенного перехода Турции к союзничеству с рейхом.

Интересно и то, что на заявление Папена, что «Англия готова завтра же продать Турцию в сепаратном мире с Италией», сделанное в связи с обращением Черчилля по радио к итальянскому народу 23 декабря 1940 г., со стороны Сараджоглу не последовало никакого возражения.⁷⁰

Еще более существенной уступкой германским требованиям явился фактический отказ Турции от давления на Болгарию. Прежние заявления о возможном выступлении Турции на Балканах (в случае нападения Болгарии на кого-либо из членов Балканской Антанты) сменились просьбами дать разъяснения, не произойдет ли нарушения «зоны турецких интересов» из-за продвижения германских войск на Балканах. Риббентроп дал Папену по этому поводу инструкцию: приблизительно до 25 января в беседах с турецкими деятелями по возможности воздерживаться от обсуждения вопросов, касающихся передвижений германских войск.

⁶⁹ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 559. Папен—МИДу, 24 декабря 1940 г.

⁷⁰ Ibid.

После указанного срока рейх решил разговаривать с Турцией с позиции силы. «Пусть Ваш язык будет ясен и резок,—писал Риббентроп —...принятые рейхом решения о защите Балкан против любой угрозы со стороны Англии остаются неизменными... мы приняли все военные меры, чтобы молниеносно справиться с любой случайностью». Более того, Турция должна полностью понять, что если она «совершит глупость, коснувшись общей войны на Ближнем Востоке мерами того или иного рода», то она этим «создаст серьезную угрозу общего краха турецкого государства».⁷¹ Одновременно Папен был уполномочен «заявить турецкому правительству весьма определенно, что сейчас, как и в прошлом, у нас нет намерения напасть на турецкую территорию и что мы, чем дальше, тем больше, хотим уважать турецкую границу во Фракии. Оба предложения, конечно, остаются в силе только постольку, поскольку Турция со своей стороны воздерживается от предложения любой вооруженной помощи Греции или Англии». При этом Папен должен был уклониться от официального договора и не упоминать о создании буферной зоны вдоль турецкой границы.⁷²

Давление Германии возымело свое действие. Турция не только перестала возражать против прохода германских войск через Болгарию в Грецию, но решила содействовать этому путем предоставления Болгарии полной свободы рук. С этой целью турецкое правительство пошло на заключение с Болгарией соглашения о взаимном ненападении.⁷³

Англичане первоначально сами поощряли Турцию к урегулированию ее взаимоотношений с Болгарией на основе ненападения, полагая, что это удержит Болгарию на позиции нейтралитета и будет содействовать ее

⁷¹ DGFP, ser. D, vol XI, doc. 659. Риббентроп—Папену. 15 января 1941 г.

⁷² Ibid.

⁷³ Этот вопрос был поднят Турцией еще 25 ноября 1940 г., когда турецкий посланник в Болгарии Беркер сделал болгарскому правительству предложение «заключить какое-то соглашение об обеспечении взаимного ненападения» (*Л. Б. Валев*, указ соч., стр. 182).

сближенно как с Турцией, так и с Югославией. Теперь такой пакт о ненападении терял прежний смысл: Болгария фактически уже стала вассалом Германии. Англия предупредила Болгарию, что в случае ее присоединения к Тройственному пакту города и сооружения Болгарии подвергнутся бомбежке и что Турция в этом случае совершит нападение на Болгарию, а английский флот, вероятно, войдет в Черное море для бомбардирования Варны и Бургаса⁷⁴. Одновременно Англия настаивала, чтобы турецкое правительство сделало предупреждение Болгарии о том, что продвижение германских войск по ее территории для нападения на Грецию, равно как и враждебные действия самой Болгарии против Греции, повлекут за собой вступление Турции в войну.⁷⁵

Напротив, для Германии болгаро-турецкое соглашение о ненападении было со всех точек зрения выгодным. Оно предотвращало возможность участия Турции в войне и вообще вмешательства Турции в германо-болгарские отношения, нанося серьезный удар по позициям Англии. Поэтому Германия содействовала урегулированию болгаро-турецких отношений на этой основе⁷⁶.

В результате оказалось, что акция, подготовленная Англией, принесла выгоду Германии. Выполнив требование Англии—послав в Софию соответствующее предупреждение, Турция повела затем переговоры с болгарским правительством таким образом, что болгаро-турецкая декларация о дружбе и ненападении, подписанная 17 февраля 1941 года, полностью отвечала целям гитлеровской дипломатии.

Полагая, что теперь можно твердо надеяться на согласие Берлина оплатить невмешательство Турции в балканские события предоставлением гарантии ненападения на нее, турецкое правительство было довольно. Сараджоглу заявил, что «чрезвычайно удовлетворен результатом турецко-болгарской декларации». Особое

⁷⁴ См. А. М. Некрич, *Внешняя политика Англии...*, стр. 394—395.

⁷⁵ W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. II, p. 547.

⁷⁶ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 413; doc. 724.

удовольствие доставили турецкому правительству восторженные комментарии германской прессы.⁷⁷ Между тем надежды, которые связывало правительство Турции с подписанием этой декларации, были призрачными. Через четыре дня после ее подписания германский посланник в Софии Рихтхофен заявил болгарскому правительству, что «предстоящая акция (т. е. нападение Германии на Грецию) создаст для Болгарии редкий шанс возвратить себе Фракию. Ради этого шанса стоит пойти на риск пропуска немецких войск через Вашу страну».⁷⁸

Резко отрицательная реакция Англии на болгаро-турецкую декларацию не очень беспокоила турецкое правительство.⁷⁹ Англия в первую очередь была раздосадована своим собственным просчетом.

Тревога Англии относительно будущей позиции Турции исключительно возросла. Чтобы оказать на Турцию соответствующее давление, 26 февраля в Анкару прибыл новый министр иностранных дел Англии А. Иден и начальник генерального штаба Дж. Дилл. Признав, что вслед за Грецией, вероятно, последует нападение Германии на их страну, турки, однако, заявили, что готовы сражаться лишь в том случае, если на них нападут или «в благоприятный для... общего дела момент».⁸⁰ А до этого Турция предпочитает не позволить втянуть себя «в какие-либо безнадежные военные авантюры». Менеменджюглу подчеркивал, что участие Турции в войне может привести только к господству Германии над проливами, поскольку Англия не может предоставить Турции достаточно эффективную помощь.⁸¹ Ранее предложенные ей английским правительством самолеты Турция отказалась принять до нападения Германии на нее, так как опасалась, что это вовлечет ее в войну. Одновременно турецкое правительство

⁷⁷ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 67. Папен—МИДу, 20 февраля 1941 г.

⁷⁸ Цит. по: Л. Б. Валев, указ. соч., стр. 274.

⁷⁹ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 67.

⁸⁰ FR, 1941, vol. III, p. 827; У. Черчилль, Вторая мировая война, т. 3, Великий союз, М., 1955, стр. 104—105.

⁸¹ См. Т. Атаöv, op. cit., p. 88—89.

настаивало на ускорении поставок давно обещанного вооружения.⁸² Англии еще раз пришлось удовлетвориться (или сделать вид, что она удовлетворена) заверениями турецкого правительства оказать возможной агрессии вооруженное сопротивление. «Турция довольна, ее политика торжествует, и ей не навязывают новых обязательств»,—констатировал Папен 2 марта 1941 года.⁸³

1 марта Болгария официально присоединилась к Тройственному пакту, в тот же день германские войска вступили в Болгарию. Антинародная политика болгарских правящих кругов сделала страну сателлитом Германии. Ситуация на Балканах и в Юго-Восточной Европе значительно ухудшилась. Как констатировало Советское правительство в своем заявлении правительству Болгарии 3 марта 1941 года, такая политика болгарского правительства вела «к расширению сферы войны и втягиванию в нее Болгарии».⁸⁴ «Верное своей политике мира»,—указывало Советское правительство,—оно «не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики».

С появлением германских войск в Болгарии резко возросла угроза фашистской агрессии и для Турции. В свое время переброска германских войск из Венгрии в Румынию вызвала большое беспокойство в Турции.⁸⁵

⁸² Дж. Батлер, указ. соч., стр. 360.

⁸³ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 119. Папен—Риббентропу, 2 марта 1941 г.

⁸⁴ «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 544—545. Еще 17 января 1941 года нарком иностранных дел В. М. Молотов сделал германскому послу в Москве Шуленбургу заявление, в котором указывалось, что «Советское правительство неоднократно заявляло германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и проливов зоной безопасности СССР и что оно не может индифферентно относиться к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР... Советское правительство считает своим долгом предупредить, что оно будет рассматривать появление любых иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и проливов как нарушение интересов безопасности СССР» (История дипломатии, т. IV, стр. 155).

⁸⁵ DGFP, ser. D, vol. XI, doc. 634 и примечание 2.

Теперь турецкое правительство распорядилось взорвать мосты через Марицу в качестве оборонительной меры.⁸⁶ Несколькими днями раньше Турция увеличила численность войск и артиллерии в районе проливов и начала их патрулирование военными кораблями. Иностранные суда обязывались за 6 часов до появления у Босфора и Дарданелл запрашивать разрешение на проход через них, сообщая о своей государственной принадлежности, и принимать на борт турецкого лоцмана. Затем последовало предупреждение о минировании проливов.⁸⁷

Германия же, сконцентрировавшая все внимание на подготовке к осуществлению плана «Барбаросса» — нападению на Советский Союз, не хотела дополнительных осложнений в своих отношениях с Турцией, рассчитывая добиться присоединения Турции к оси путем дипломатических переговоров, сопровождаемых военно-политическим давлением. 4 марта Папен вручил президенту Турции личное послание фюрера, в котором Гитлер не только заверял Иненю, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений относительно Турции, но и обещал турецкому правительству охранную зону в 60 км вдоль болгаро-турецкой границы.⁸⁸ Ответное письмо Иненю Гитлеру от 12 марта, выдержанное в исключительно дружественном тоне, выражало убеждение, что обмен письмами приведет к улучшению взаимоотношений между странами. Не забыл президент подчеркнуть и прежнее «братство по оружию».⁸⁹

Так был открыт путь к возобновлению Германией официальных переговоров с Турцией о заключении договора. Чтобы окончательно приручить Турцию, Германия с середины марта стала усиленно разжигать в турецких правящих кругах антисоветские настроения. Уверяя турецкое правительство в агрессивных намерениях

⁸⁶ С. *Acikalin*, *op. cit.*, p. 484.

⁸⁷ И. *Васильев*, указ. соч., стр. 45.

⁸⁸ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 113. Письмо Гитлера Иненю, 1 марта 1941 г.; doc. 122. Папен—Риббентропу, 4 марта 1941 г.

⁸⁹ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 161. Письмо Иненю Гитлеру, 12 марта 1941 г.

СССР относительно Турции, германская дипломатия широко инсинуировала, что в случае германо-турецкого конфликта Советский Союз воспользуется затруднениями своего южного соседа. И несмотря на последовавший обмен заявлениями между правительствами СССР и Турции о верности советско-турецкому договору 1925 года,⁹⁰ антисоветские провокации гитлеровской дипломатии послужили для турецкого правительства дополнительным толчком к принятию германских предложений.

6 апреля 1941 года Германия напала на Югославию и Грецию. Правительство Англии сделало Турции официальное предложение разорвать дипломатические отношения со странами оси.⁹¹ А новое югославское правительство Душана Симовича, заключившее дружественный договор с СССР, призвало Турцию оказать Югославии помощь.⁹² Турция не только не оказала помощь Югославии, но делала теперь вид, что не имеет никаких оснований для какого-либо вмешательства в балканские дела.

Шаг за шагом Германия изолировала Турцию от всех, больших и малых государств, которые могли бы получить хотя бы косвенную турецкую помощь против фашистской агрессии.

Ситуация на Балканах продолжала ухудшаться. В середине апреля Югославия была разбита, в конце того же месяца германские войска захватили Афины. Английское правительство эвакуировало из Греции свои войска. Путь к проливам перешел в руки немцев. Еще хуже обстояли дела на Ближнем Востоке. В Ираке произошел государственный антианглийский переворот Рашида Али Гайлани, в Сирии французское вишистское правительство сотрудничало с немцами. Таким образом, германские войска оказались в непосредственной близости от Турции не только на ее европейской, но и на части азиатской границы: в случае утверждения Германии в Ираке Турция была бы окружена с трех

⁹⁰ «Правда», 25 марта 1941 г.

⁹¹ FR, 1941, vol. III, p. 843. Макмеррей—государственному секретарю, 8 апреля 1941 г.

⁹² FR, 1941, vol. III, p. 843—844.

сторон. Оценивая ситуацию, сложившуюся в мае 1941 года, Нэтчбэлл-Хьюджессен отмечал, что Турция была «действительно отрезана от своих друзей, и ей угрожала опасность вражеского окружения».⁹³

В связи с решением оказать решительную поддержку иракскому правительству Германия немедленно усилила давление на Турцию, для чего, в частности, были использованы болгаро-турецкие переговоры о взаимном отводе войск с общей границы, начатые после окончания военных действий на Балканах. В ходе этих переговоров был достигнут определенный прогресс, но в середине мая Германия порекомендовала болгарскому правительству воздержаться от отвода войск с турецкой границы.⁹⁴

Как раз в это время в Анкаре возобновились германо-турецкие переговоры о договоре. Президент Иненю сразу же выразил готовность «заключить договор, обеспечивающий восстановление прежних дружественных отношений». Он сказал, что «если Германия выразит готовность не заключать ни с какой страной соглашения, направленного против Турции, то Турция готова взять на себя обязательство никогда ничего не предпринимать против германских интересов и не вступать в конфликт с Германией».⁹⁵ Что касается противоречия между прежними обязательствами перед Англией и будущими— перед Германией, то президент весьма цинично заявил: «Раз есть желание, найдется и формулировка».

Папен получил дополнительную инструкцию добиться от турецкого правительства согласия на транзит в Ирак через территорию Турции германской техники и

⁹³ *H. Knatchbull-Hugessen*, *op. cit.*, p. 169.

⁹⁴ *Л. Б. Валеv*, указ соч., стр. 312—313. Даже после подписания германо-турецкого договора о дружбе и ненападении, в связи с планами предполагавшихся германских операций на Ближнем и Среднем Востоке, Германия так и не дала согласия на отвод болгарских войск с фракийской границы.

⁹⁵ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. 2, Германская политика в Турции (1941—1943). Госполитиздат, 1946, док. 1, стр. 7. Папен—Риббентропу, 14 мая 1941 г.; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 514. Папен—МИДу, 13—14 мая 1941 г.

войск. Он полагал, что и это дело «можно считать обеспеченным».⁹⁶

В виде компенсации предполагалось исправить в пользу Турции границу в районе Эдирне и передать ей, если это будет необходимо, «тот или иной остров в Эгейском море».⁹⁷

Однако именно вопрос о транзите германских войск и материалов через турецкую территорию явился камнем преткновения.⁹⁸ Турецкое правительство не решилось пойти на такую уступку Германии: согласие на утверждение немцев в Ираке означало бы прямое содействие германскому окружению собственной страны. Да и английское правительство, осведомленное турками об этом требовании Германии, заняло категорически отрицательную позицию. К концу мая вопрос отпал сам собой, так как англичане добились победы в Ираке и Германия уже ничем не могла помочь Рашиду Али Гайланй. Риббентроп распорядился вернуть переговоры в рамки пакта о ненападении.⁹⁹

Для их завершения Германии пришлось сделать Турции одну, фактически незначительную, но формально сенсационную уступку: согласиться внести в германо-турецкий договор упоминание об англо-турецком союзе. Поскольку завершение подготовки к войне с Советским Союзом требовало скорейшего урегулирования отношений с Турцией, а турецкое правительство настаивало на своем требовании, МИД Германии после некоторого сопротивления решил уступить.¹⁰⁰ Немалую роль при

⁹⁶ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 1, стр. 8; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 514.

⁹⁷ Там же, док. 3, стр. 11—12. Риббентроп—Папену, 17 мая 1941 г.; док. 4, стр. 18. Риббентроп—Папену, 19 мая 1941 г.; док. 6, стр. 20—22. Риббентроп—Папену, 26 мая 1941 г.; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 529; doc. 533; doc. 555.

⁹⁸ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 556. Папен—Риббентропу, 27 мая 1941 г.

⁹⁹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 4, стр. 15; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 538.

¹⁰⁰ «Документы Министерства иностранных дел Германии»,

этом сыграло, вероятно, и стремление Германии нейтрализовать Англию на период войны с СССР, о чем будет сказано ниже.

До тех пор, пока Риббентроп не пошел на эту уступку, турецкая дипломатия переживала тревожные дни. Менеменджюглу признавался английскому послу, что «ломает голову, чтобы знать, как продержаться до осени».¹⁰¹

В свою очередь, Англия, которую турецкое правительство постоянно подробно информировало о ходе своих переговоров с германским послом, не оказывала на этот раз достаточно сильного противодействия, хотя планировавшийся германо-турецкий договор был по существу несовместим с обязательствами Турции перед Англией и сильно подрывал английский престиж. Английские политики, видимо, рассматривали германо-турецкий договор как еще одну необходимую дань Германии за ее нападение на Советский Союз и как часть дипломатической подготовки рейха к этой войне.¹⁰²

Наконец, 18 июня состоялось подписание договора. В основу его лег тот вариант, который был согласован между турецким правительством и Папеном еще в декабре 1940 года. Текст договора гласил: «Германская империя и Турецкая Республика, воодушевленные желанием установить отношения между странами на базе взаимного доверия и искренней дружбы, решили заключить договор с оговоркой, что этот договор будет уважать нынешние обязательства обеих стран. С этой целью назначили в качестве своих уполномоченных:

док. 7, стр. 24—29. Риббентроп—Папену, 9 июня 1941г.; док. 8, стр. 30—31. Риббентроп—Папену, 13 июня 1941 г.; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 607; doc. 623.

¹⁰¹ *H. Knatchbull-Hugessen*, op. cit., p. 169—170.

¹⁰² Лишь за несколько дней до подписания договора турецкому правительству было сделано заявление о том, что в связи с победой в Ираке и успешными военными действиями в Сирии Турция должна отказаться от соглашения с Германией, если в нем не будет упомянут англо-турецкий договор (FR, 1941, vol. III, p. 854. Меморандум Уэллеса, 15 июня 1941 г.; см. также: *H. Knatchbull-Hugessen*, op. cit., p. 169—170).

Германский рейхсканцлер—посла Франца фон Папена; Президент Турецкой Республики—министра иностранных дел Шюкрю Сараджоглу, которые в силу данных им полномочий договорились о нижеследующем:

Статья 1. Германия и Турция обязуются взаимно уважать целостность и неприкосновенность их национальной территории и не применять никаких мер, которые были бы направлены прямо или косвенно против другой стороны.

Статья 2. Германия и Турция обязуются поддерживать в будущем дружественный контакт по поводу всех вопросов, касающихся их взаимных интересов, для того, чтобы достигать согласия по этим вопросам.

Статья 3. Этот договор будет ратифицирован и обмен ратификационными грамотами произойдет в кратчайший срок в Берлине. Договор вступает в силу со дня подписания и действителен на срок в десять лет. В подходящий момент договаривающиеся стороны придут к соглашению относительно продления договора». ¹⁰³

Формально договор принес Германии лишь официальное обещание турецкого нейтралитета в обмен на гарантию неприкосновенности Турции, а потому, на первый взгляд, выглядит односторонне выгодной для Турции сделкой. Германия, казалось, удовлетворилась всего лишь констатацией сложившейся турецкой позиции. ¹⁰⁴ В действительности выиграла Германия.

Объясняя решение Германии подписать этот договор, часто в первую очередь отмечают необходимость для нее прикрыть свой южный фланг в предстоявших военных действиях против СССР. ¹⁰⁵ Действительно, уже 13 мая Сараджоглу заявил Папену, что Германия «окажет услугу человечеству, если сокрушит современную Россию и покончит с большевизмом раз и навсегда». ¹⁰⁶

¹⁰³ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 648. Цит. по: „Известия“, 19 июня 1941 г.

¹⁰⁴ На предложение Италии заключить подобное соглашение турецкое правительство не сочло нужным даже ответить.

¹⁰⁵ В. М. Алексеев, М. А. Керимов, Внешняя политика Турции, стр. 46.

¹⁰⁶ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 514.

Именно же, как и Сараджоглу, утверждал, что Турция в случае германо-советского конфликта будет на стороне Германии.¹⁰⁷ Заявлениями подобного рода сопровождался весь период переговоров.¹⁰⁸ Не остановилось турецкое правительство и перед выражением готовности пропустить через проливы в период германо-советской войны германские торговые суда с войсками на борту в любом количестве.¹⁰⁹ 21 июня, за день до нападения Германии на СССР, Менеменджиоглу заявил американскому послу, что турецкое правительство предполагает, что договор о дружбе и ненападении с Турцией понадобился Германии для того, чтобы прикрыть свой балканский фланг для возможной агрессии против СССР; в такой ситуации турецкое правительство считает возможным обещать Германии воздержаться от нападения на нее.¹¹⁰

¹⁰⁷ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 514, 523.

¹⁰⁸ DGFP, vol. XII, doc. 514, 523, 595.

¹⁰⁹ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 556

¹¹⁰ FR, 1941, vol. III, p. 867. Макмеррей—Хэллу, 21 июня 1941 г. Стремление приуменьшить значение этого договора характерно как для английских, так и для турецких дипломатов и политиков (FR, 1941, vol. III, p. 867; *H. Knatchbull-Hugessen*, op. cit., p. 171), старавшихся по возможности сгладить неприятное впечатление, произведенное этим шагом Турции в Англии и США. Что касается современных турецких историков, то они, оправдывая политику турецкого правительства, преподносят договор как вынужденную меру (*C. Aşikaltın*, *Turkey's International Relations*, „International Affairs“, vol. XXIII, N. 4, October, 1947, p. 483—484; *T. Ataöv*, op. cit., p. 93—94; *A. Kilit*, *Turkey and the World*, Washington, 1959, p. 88; *A. Ş. Esmer*, *Türk Diplomasisi*, s. 91) и пытаются доказать, что он обеспечивал неприкосновенность английских позиций на Востоке. Между тем английские владения в этом районе нейтральная Турция прикрывала с самого начала войны, и именно договор от 18 июня ставил под вопрос дальнейшее сохранение турецкого нейтралитета.

Пренебрежительно отнеслись к договору и некоторые тогдашние не слишком дальновидные и излишне самоуверенные деятели из германского МИДа. Риббентроп тоже придерживался этой точки зрения. Они не разделяли мнение Палена, подчеркивавшего и мо-

Однако хотя желание Германии застраховать свой правый фланг даже от очень мало вероятных неожиданностей со стороны Турции играло некоторую роль, гораздо важнее было то обстоятельство, что договор открывал Германии дорогу к дальнейшему расширению всесторонних, и прежде всего экономических, отношений с Турцией,¹¹¹ а самое главное—что турецкое правительство, продемонстрировав исключительную враждебность к Советскому Союзу, открыло перед Германией перспективу создания германо-турецкого политического и даже военного блока, обеспечивающего Германии дальнейшие успехи в военных действиях не только против СССР, но и против Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке. Договор должен был привести Турцию к полному подчинению германскому рейху.¹¹²

ральное (Англия фактически лишается единственного официального союзника в Европе), и дипломатическое значение договора (DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 556).

¹¹¹ На следующий же день после подписания договора, 19 июня, Гитлер на аудиенции, данной турецкому послу, настойчиво доказывал выгодность прочных и длительных экономических связей не только для Германии, но и для Турции („Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler“. Vertrauliche Aufzeichnungen über die Unterredungen mit Vertretern des Auslandes. Zweiter Teil, Frankfurt/M., 1970, S. 538—541).

¹¹² В связи с запланированной операцией через Анатолию в направлении Суэцкого канала Германию интересовало строительство железных дорог в Турции. «Строительство моста у Эдирне, ведущееся турками, не продвигается, потому что турки хотят строить с помощью своих фирм. Мы заинтересованы в том, чтобы строительство продвигалось, ибо не исключено, что осенью эта дорога нам понадобится»,—отмечал Гальдер накануне подписания германо-турецкого договора (Ф. Гальдер, ук. соч., т. 2. Запись от 12 июня 1941 г., стр. 573—574; см. также стр. 453). Директива № 32 Верховного главнокомандования Германии от 11 июня 1941 года, утвержденная 30 июня, не оставляет на этот счет никаких сомнений: «...Необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции из Болгарии через Турцию, чтобы нанести удар англичанам в районе Суэцкого канала также с Востока. Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше

Таким образом, облегчая Германии войну с СССР, турецкие правящие круги ставили на карту суверенитет своей страны.

Не вызывает сомнения, что и Англия, соглашаясь на превращение турецкого нейтралитета из дружественного по отношению к Великобритании в благожелательный для Германии, исходила не только из стремления воспрепятствовать любой ценой вооруженному вторжению Германии в Турцию и через нее в английские владения на Ближнем и Среднем Востоке, но также из не менее для нее важных побуждений—содействовать образованию ситуации, которую Гитлер считал бы достаточно благоприятной для нападения на Советский Союз. Об этом недвусмысленно свидетельствует позиция, занятая английским правительством в период германо-турецких переговоров.¹¹³

Со всей определенностью проявилась также заинтересованность турецкого политического руководства в компромиссном урегулировании англо-германского конфликта. «Мы опасаемся, что в случае, если германо-русское столкновение произойдет до достижения взаимопонимания с Англией, война затянется на годы и мир к ее окончанию будет истощен и разрушен, в результате чего произойдет широкая большевизация Европы»,¹¹⁴—утверждали турецкие политические деятели.¹¹⁵ Германскому послу было сообщено, что Англия готова к компромиссу с Германией и предоставит ей свободу рук в Центральной и Восточной Европе в обмен на гарантию от вторжения с континента.

были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия» («Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы, М., 1967. док. 22, стр. 201).

¹¹³ FR, 1941, vol. III, pp. 853—867.

¹¹⁴ DGIIP, ser. D, vol. XII, doc. 514.

¹¹⁵ После нападения Германии на СССР большинство турецких газет отмечало военную мощь Советского Союза (см. „Ulus“, „Yeni Sabah“, „Tan“ и др. от 23. VI. 1941 и след.).

Папен справедливо пришел к выводу, что подобные идеи не могли быть высказаны турецким министром иностранных дел без предварительной консультации с английским правительством.¹¹⁶ Хотя в действительности Англия в тот период не собиралась идти на компромисс с Германией, тем не менее, английское правительство делало все возможное, чтобы укрепить Берлин в мысли о том, что после нападения на Советский Союз рейху не придется вести войну на два фронта. Можно поэтому предположить, что англичане, используя заинтересованность Турции в компромиссном мире между Германией и Англией, хотели дать понять Гитлеру, будто и они сами желают этого.¹¹⁷

Отмеченные выше особенности турецкой внешнеполитической линии и привели к тому, что накануне 22 июля 1941 года Турция официально состояла с каждой из воюющих тогда сторон в союзных или дружественных отношениях, которые плохо согласовывались друг с другом.

¹¹⁶ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 514.

¹¹⁷ Это предположение можно сопоставить с позицией английского правительства во время известных переговоров с Гессом. Несмотря на широкое распространение нежелательных для правительства Англии слухов о возможной сделке с Германией, английское правительство предпочло не выступать с их опровержением и хранить молчание. «Не было ли это молчание с заключавшимся в нем намеком на возможность некоторого соучастия ловушкой, которая должна была подтолкнуть Гитлера на его отчаянное предприятие, дав ему надежду на некую возможную в будущем поддержку с тем только, чтобы нанести ему самый решительный контрудар, как только он осуществит свое предприятие? Не придумал ли какой-то яркий ум в английской дипломатии этот план использовать Гесса в виде бумеранга и поймать Гитлера на его собственную приманку, которой в прошлом он так часто дурачил английские правящие классы?»—писал в августе 1941 г. английский журнал «Лейбор мансли». (Цит. по: В. Г. Трухановский, Уинстон Черчилль. Политическая биография, М., 1968, стр. 332. Подробно о миссии Гесса см.: В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны, М., 1965, стр. 190—198). Сообщения из Турции в подобной связи выглядят весьма многозначительно.

Глава III

Турецко-германские отношения в 1941—1943 гг.

Нападение Германии на Советский Союз окончательно изменило характер второй мировой войны, превратив ее в освободительную войну свободных народов против агрессии фашистской Германии и ее союзников. С этого времени начался резкий подъем национально-освободительного движения на захваченной гитлеровскими армиями территории Европы. Вторая мировая война вступила в свою решающую стадию.

Расчеты германских политиков на то, что начало германо-советской войны, сопровождавшееся прекращением с середины мая бомбардировок Лондона, приведет к нейтрализации Англии, не оправдались. Еще в середине июня У. Черчилль, со дня на день ожидавший нападения Германии на СССР, сообщил президенту Соединенных Штатов, что считает необходимым оказать Советскому Союзу помощь в войне с Германией, так как того требуют жизненные интересы Великобритании и США. Рузвельт был полностью согласен с этой точкой зрения.¹ Вечером 22 июня 1941 г. английский премьер-министр в выступлении по радио сказал: «...Вторжение Гитлера в Россию—это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова ...поэтому опасность, угрожающая России,—это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...»²

¹ В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны, стр. 203.

² Цит. по: В. Г. Трухановский, Уинстон Черчилль. Политическая биография, стр. 336. Продолжая оставаться ярым врагом Со-

Таким образом, английское правительство сумело побороть свою многолетнюю враждебность к Советскому Союзу и выступило за сотрудничество с ним в войне против держав оси.

Принципиально иным было отношение к этой германской агрессии официального союзника Англии—Турции, которая хотела победы Германии в войне с СССР. Правящие круги Турции видели в этой войне осуществление мюнхенских планов империализма. Энтузиазм турецкой буржуазии по поводу нападения Германии на СССР был чрезмерно велик, настолько³, что министр иностранных дел Сараджоглу вынужден был 22 июня отключить телефон, чтобы избавиться от бесконечных поздравлений, связанных со столь своевременным заключением герmano-турецкого договора и последовавшим за ним нападением Германии на Советский Союз⁴. С восторгом встретил это известие и президент Иненю⁵.

Даже после того, как стала известна занятая Англией позиция, турецкое правительство сделало Папену новые авансы относительно благоприятных для Германии перспектив турецкой политики в будущем и выразило готовность уже в настоящее время в известной мере помочь рейху. Так, оно обещало информировать германского посла обо всех мероприятиях Советского Союза на Черном море в той степени, в какой они станут известны Турции. Одновременно турецкое правительство заверило рейх, что не допустит прохода советских военных кораблей через проливы и воспрепятствует транзиту военных материалов в СССР.⁶ К тому же Герма-

ветского государства, Черчилль весьма красноречиво разъяснил свою позицию в частной беседе: «...У меня лишь одна цель—уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я в палате общин по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане» (там же, стр. 335).

³ Это обстоятельство отмечают даже такие антисоветски настроенные исследователи, как Л. Крекер (*L. Kreker*, op. cit., S. 190).

⁴ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 670.

⁵ „Milliyet“, S. X. 1967.

⁶ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 2; *J. Gilsneck*, op. cit. II. S. 149.

ния могла надеяться получить необходимое ей сырье на предстоявших экономических переговорах с Турцией.

С формальной стороны отношение Турции к нападению Германии на Советский Союз тоже отличалось от позиции Англии. Турецкое правительство вербальной нотой от 26 июня уведомило Советское правительство, что «при наличии положения, созданного войной между Германией и Советским Союзом, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет».⁷ Тем самым Турция как бы подчеркивала, что речь идет не о распространении Гитлером развязанной им второй мировой войны на Советский Союз, а о некоей отдельной, сепаратной германо-советской войне.

Отношение турецких правящих кругов к этому событию проявилось в резко антисоветских выступлениях турецкой прессы, которая подхватила провокационные измышления германской пропаганды,⁸ содержащиеся

⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. 1, стр. 114.

⁸ Стремясь доказать агрессивность советских намерений, гитлеровская пропаганда, в частности, извращала суть переговоров В. М. Молотова с германским правительством 12—13 ноября 1940 г. В действительности по составленному гитлеровскими политиками проекту предполагалось, что Германия, Италия и Советский Союз зафиксируют свое согласие относительно того, что «в их общих интересах оторвать Турцию от ее существующих международных обязательств» и что они «будут сотрудничать в целях замены действующей ныне конвенции в Монтре другой конвенцией». Германская программа раздела мира была решительно отвергнута. Советская делегация потребовала вывода немецких войск из Финляндии, прекращения германской экспансии в районах, непосредственно затрагивающих безопасность СССР—на Балканах и Ближнем Востоке. В сообщении наркома иностранных дел советскому полпреду в Лондоне от 17 ноября 1940 г. отмечалось: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтре в нашу пользу, причем предлагают нам помочь и в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим проливов может быть улучшен

в декларации Гитлера от 22 июня. И хотя уже 27 июня Советское правительство уполномочило ТАСС заявить, что «ответственные советские круги решительно отмечают эту гнусную клевету на Советский Союз относительно его позиции как насчет Турции и проливов, так и насчет Болгарии»,⁹ турецкая пресса, поощряемая правительством, продолжала антисоветскую кампанию. Государственные деятели Турции давали всякого рода «рекомендации» для Германии. Так, премьер-министр Р. Сайдам в беседе с германским послом 23 июня убеждал последнего, что Германия «должна в очень большой степени подчеркивать, что война направлена не против русского народа, а против советской системы, что Германия в районах, освобожденных от советского режима, введет полную свободу совести». «Этот пункт,—уверял турецкий премьер,—будет, вероятно, решающим для оценки похода американской общественностью».¹⁰

С началом германо-советской войны усилилась деятельность пантюркистских (пантуранистских¹¹) организаций и связанных с ними мусульманских белоэмигрантских центров в Турции. Идеи пантюркизма разделялись также многими политическими и военными деятелями Турции, но официально, со времен Ататюрка, отвергались турецким правительством. С середины июля 1941 г. Папен, привлекая внимание германского МИДа к этому вопросу, отмечал, что «турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой своих соотечественников, находящихся по ту сторону турецко-русской границы, и особенно судьбой

в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными» (История дипломатии, т. IV, стр. 150—151).

⁹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 385.

¹⁰ Цит. по: *L. Kreckler*, op. cit., S. 191; см. также: DGFP ser. D, vol. XII, doc. 514.

¹¹ В немецких документах и литературе употребляется большей частью термин «туранизм».

азербайджанских тюрков».¹² 18 июля Али Фуад Эрден, начальник академии генерального штаба, сообщил Папену доверительно, что «Турция была бы удовлетворена, если бы на Кавказе была установлена федерация местных народов, в большей или меньшей степени зависящая от турок, в то время как образование к востоку от Каспийского моря независимого туранского государства рассматривалось бы как наилучшее решение».¹³ Чуть позднее в беседе с Вейцекером турецкий посол в Берлине «довольно откровенно говорил о том, что впоследствии можно объединить кавказские народы в одно буферное государство, и намекнул, что на восток от Каспийского моря тоже могло бы возникнуть самостоятельное тюркское государство... Гереде не замедлил затронуть основной вопрос, охарактеризовав Баку как город, где все население говорит по-тюркски».¹⁴ Пантюркистские планы, доведенные до сведения Германии, были суммированы начальником политического отдела МИД Германии Верманом следующим образом: «Пантюркистское движение хочет создать независимые государства для тюркских народов, живущих вне территории сегодняшней Турции. Таким образом, эти территории не могут быть аннексированы Турцией, исключая известное исправление границы, но должны получать политическое направление из Турции... Требования относительно сегодняшних советских территорий распространяются главным образом на Азербайджан и Дагестан... а также на Крым, на большую территорию между Волгой и Уралом, простирающуюся на север до советской Татарской республики (столица Казань)... Кроме того, в эту площадь входит в основном весь древний Туркестан, включая западную часть бывшего Восточного Туркестана, сегодняшний Синцзян... Кроме

¹² «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 10, стр. 34.

¹³ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 125. Папен—Риббентропу, 18 июля 1941 г.

¹⁴ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 11, стр. 40—41; DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 179. Вейцекер—Риббентропу, 5 августа 1941 г.

того, Нури¹⁵ требует северо-западную часть Ирана до Хамадана... и верхнюю часть Каспийского моря вдоль старой советской границы. Наконец, сюда включаются из площади Ирака территории Киркука и Мосула, а также полоса Сири». ¹⁶

Несмотря на то, что территориальные претензии пантюркистов, помимо своей фактической нереальности, имели не только антисоветскую, но также антиарабскую и антииранскую направленность, Папен рекомендовал своему правительству в приемлемой степени учесть эти интересы.

Риббентроп рассматривал проблему германо-турецких отношений на этом этапе войны в ином аспекте—с точки зрения выбора наиболее эффективных средств давления на Турцию с целью окончательного отрыва ее от Англии и включения в ось. Он утверждал, что «турки будут стремиться оставаться вне войны, если это будет вообще возможно. С этой целью они постараются не вызвать неудовольствия ни Германии, ни Англии». Министр считал, что «максимум достижимости» поставленной цели—полное соответствие турецких интересов германским—сложится «после окончательного разгрома России осенью этого года». Он полагал, что использование методов, предложенных Папеном, станет возможным только в том случае, «если турки осознают... что Германия в любое время в состоянии нанести поражение Англии на Ближнем Востоке и если... мы сумеем заинтересовать турок в новых территориальных приобретениях, которые могли бы включить хорошо известные и предварительно обсужденные моменты: исправление границы у Эдирне, греческие острова у входа в проливы, а также, при необходимости, территориальные приращения к югу и востоку от Турции». ¹⁷ До оконча-

¹⁵ Даже Нури-паша (Кылыгыл), брат Энвера-пашы, один из лидеров организации, понимал невозможность требовать от Германии прямого присоединения уже завоеванных ею или подлежащих завоеванию территорий к Турции.

¹⁶ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 361. Меморандум Вермана, 26 сентября 1941 г. См. также: doc. 194, прим. 5; doc. 298; «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 10, стр. 34—39.

¹⁷ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 194. Риббентроп—Папену, 11 ав-

ния восточной кампании Папен должен был лишь укреплять турок в вере, что Германия никогда не предъявит им никаких территориальных требований и будет всегда рассматривать их как исторических стражей проливов (что фактически означало сохранение существующего положения — *P. K.*), способствовать росту и поддерживать некоторые потенциальные империалистические тенденции Турции и проявлять резко отрицательное отношение ко всем «идеям компромисса».¹⁸ Очевидно, это последнее, то есть необходимость убедить турок, что не только СССР, но и Англия обречены на полное поражение, и было главным для Риббентропа.

В конце августа проблема присоединения Турции к оси обсуждалась Риббентропом, Кролем и Риттером в присутствии генерала Йодля. Речь шла о необходимости добиться согласия турецкого правительства на проход германских войск через территорию Турции для дальнейших операций на Ближнем и Среднем Востоке. Утверждая, что германские требования «ни в коем случае не должны принимать форму ультиматума, поскольку в этом случае турки ответят военными действиями, даже без надежды на победу», Кроль предлагал обещать Турции исправление границы у Эдирне; создание буферных государств под турецким контролем в кавказских районах; приобретения в Сирии (пограничный участок Багдадской ж. д. и Алеппо) и Ираке (Мосул); благоприятное для Турции решение вопроса об Эгейских островах. Срок осуществления предложенного плана, по мнению Кроля, «ни в коем случае не должен

густа 1941 г. В конце августа Гитлер считал возможным «обдумать предложение Турции небольшого исправления границ на болгарской территории и некоторых будущих уступок в Сирии в конце войны» (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 242. Запись беседы Муссолини с Гитлером, 25 августа 1941 г.).

¹⁸ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 194; см. также doc. 145. Риббентроп—Папену, 23—24 июля 1941 г. Хотя Риббентроп и охарактеризовал эти турецкие идеи как «полностью ошибочные» и «иллюзорные»,—не без яда отвечал министру Папен,—это не меняет того факта, что Сараджоглу, Нуман (Менеменджюглу) и другие члены кабинета постоянно высказывались при мне в этом смысле» (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 161. Папен—МИДУ, 28 июня 1941 г.).

предшествовать уничтожению России, то есть Россия должна быть ослаблена до такой степени, чтобы можно было высвободить большую часть германской армии». Однако и в этом случае Крөлль не был уверен, что при осуществлении предложенного им плана будет достигнуто согласие Турции на проход германских войск.¹⁹ Таким образом, оптимизм германского МИДа относительно Турции полностью основывался на уверенности в успехе «молниеносной войны». Убедившись в этом, Йодль ограничился замечанием, что после завершения войны с Россией турецкий вопрос, видимо, не встанет. Скорее всего он имел в виду, что Турция будет оккупирована германскими войсками.²⁰

Таким образом, Берлин сделал фактически основным методом своей дипломатии в Турции военнополитическое давление. Предполагалось оказывать на Турцию в соответствии с развитием германских операций в России.²¹ На советско-германском фронте решалась и судьба Турции.

¹⁹ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 236, 24 августа 1941 г. Несколько позднее, в конце октября, Гитлер в письме Муссолини, рассматривая возможности наступления в других районах для облегчения ситуации, отмечал, что ввиду осторожности (расчетливости) ответственных лиц в Анкаре о наступлении через Турцию «не может быть и речи», что это «совершенно безнадежно» (Ibid., doc. 433). Воевать же против Турции в сложившейся ситуации Германия не могла себе позволить.

²⁰ Уже в самом начале войны против Советского Союза германский генеральный штаб решил приступить к подготовке наступления «через территорию между Нилом и Евфратом из Киренаики и через Анатолию, а возможно, и с Кавказа через Иран» (Ф. Гальдер, указ. соч., т. 3, стр. 80. Запись от 3 июля 1941 г.).

8 августа в адрес командующих группами армий «Запад», «Север» и «Юг» поступила секретная директива. «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании», которая, в частности, определяла: «Если Турция не перейдет на нашу сторону даже после поражения Советской России, удар на юг через Анатолию будет осуществлен против ее воли» («Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 586—587).

²¹ Ф. Гальдер, указ. соч., т. 3, стр. 196. Запись от 26 июля 1941 г.; Н. А. Jacobsen, op. cit., Dok. 66.

В июле 1941 года в германо-турецких отношениях возникла определенная напряженность.²² Ее причиной, на первый взгляд, могло служить то обстоятельство, что подготовка Германией ближневосточной кампании, едва успев начаться, стала достоянием гласности. Сведения поступали из разных стран. 5 июля Муссолини в итальянском совете министров заявил, что «после крушения России может осуществиться проход войск через Турцию, так что нападение на Суэцкий канал... может быть успешно осуществлено с двух сторон».²³ Затем последовало аналогичное высказывание министра иностранных дел Испании.²⁴ Наконец, Советский Союз в последних числах июля опубликовал трофейные документы, свидетельствующие о подготовке Германией нападения на Турцию.²⁵

Однако ни итальянские, ни испанские заявления не содержали для Турции ничего нового, да и сама Германия не скрывала перегруппировку своих войск в Болгарии, считая, что «их следует использовать для политического давления на Турцию».²⁶ Скорее оба заявления если не были прямо инспирированы Германией, то имели место как раз потому, что планировавшееся продвижение немецких войск на Ближний Восток не было ни для кого секретом.

²² *J. Glasneck*, op. cit. II, S. 154. В середине июля в Стамбуле началась паника (*Дж. Батлер, Дж. Гуайер*, указ. соч., стр. 152).

²³ Цит по: *J. Glasneck*, op. cit. II, S. 153.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ 26 июля «Правда» опубликовала захваченные 15 июля в районе Сития германские документы с секретными картами и схемами европейской части Турции и проливов. В материалах, предназначенных для служебного пользования, давалось описание высадки морского десанта, размещения войск и других условий оккупации германскими войсками Турции. В папке находились карты: 1. Европейской части Турции (масштаб—1:500000) с указанием важнейших дорог; 2. Военно-географический план Стамбула (масштаб—1:15000); 3. Босфора (масштаб—1:100000) с отмеченными военными объектами; 4. Измирского залива (масштаб—1:100000) с нанесенными на нее военными объектами Турции.

²⁶ *Ф. Гальдер*, указ. соч., т. 3, стр. 80.

Осложнения в германо-турецких отношениях вызвало, как ни странно, именно то обстоятельство, что к середине июля турецкие правящие круги поверили в близкий успех «молниеносной войны». Речь идет не об изменении позиции правящих кругов Турции относительно Советского Союза, а о соображениях совершенно другого рода.

Дело в том, что к этому времени Анкаре стало казаться—Германия побеждает слишком быстро и легко,²⁷ а из этого вытекало, что она вот-вот окружит Турцию со всех сторон и заставит ее примкнуть к оси еще до того, как справится с Англией (а тем более с США). Это никоим образом не могло устроить турок. В этот период Н. Менеменджюглу часто посещал советского посла в Турции Виноградова и «не упускал случая подчеркнуть решимость Турции соблюдать строжайший нейтралитет, а в случае необходимости даже защищать его с оружием в руках»²⁸.

Таким образом, не слухи и даже не документальные свидетельства о готовящемся нападении рейха, а ситуация на советско-германском фронте породила страх у турецкого правительства. Приветствуя факт нападения Германии на Советский Союз, откровенно проявляя свою заинтересованность в германской победе над СССР, значительная часть правящих кругов Турции в то же время хотела видеть и Германию «на операционном столе»²⁹. Иными словами, как говорил генеральный секретарь турецкого МИДа Н. Менеменджюглу германскому послу, Турция не была заинтересована в тотальной победе ни Англии, ни Германии³⁰. Папен отмечает, что «Менеменджюглу, глава турецкого правительства... который никогда не скрывал от меня своего мнения о том, что Германия становится слишком сильной для баланса сил в Европе, разделял это облегчение (в связи с нападением Германии на СССР—*Р. К.*), но боялся,

²⁷ См. *L. Kreckler*, *op. cit.*, S. 195.

²⁸ *В. М. Бережкова*, Годы дипломатической службы, М., 1972, стр. 113.

²⁹ См. *J. Glasneck*, *op. cit.* I, S. 81; *L. Kreckler*, *op. cit.*, S. 190.

³⁰ DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 231.

что успешная кампания спустит тормоза германской амбиции»³¹. Так что, поддерживая Германию в войне против Советского Союза, турецкие правящие круги не только предполагали, но и строили свои расчеты на том, что война между Германией и Советским Союзом будет достаточно длительной и упорной, и Германия закончит ее ослабленной. Как прямое следствие ослабления Германии ожидалось компромиссное урегулирование англо-германского конфликта, что в свою очередь сняло бы угрозу дальнейшего продвижения германских армий на Ближний Восток.

Показательно и другое. Английские военные эксперты в то же самое время склонялись к тому, что наиболее вероятным сроком наступления германских армий через Анатолию и Сирию на Суэцкий канал является конец лета—начало осени 1941 года. Поэтому в Англии были очень обеспокоены турецкой позицией и возможными дальнейшими изменениями в турецкой политике³². Предложение начать англо-турецкие штабные переговоры, с которым турецкое правительство официально обратилось к Англии 23 июля, было встречено английскими правящими кругами с большим удовлетворением: оно в известной степени выявляло позицию Турции относительно союзников³³. Немедленно началась подготовка к переговорам самого широкого характера и на высоком уровне.

За несколько дней до начала англо-турецких переговоров, 10 августа, Советский Союз и Великобритания сделали правительству Турции специальное заявление, в котором подтверждали верность конвенции в Монте и заверяли турецкое правительство, что «не имеют никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов». Далее в заявлении говорилось: «Советское Правительство, так же как и Британское Правительство, готово скрупулезно уважать терри-

³¹ *F. von Papen, Memoirs*, London, 1952, p. 479.

³² *Дж. Батлер, Дж. Гуайер, Большая стратегия*. Июнь 1941—август 1942 г., стр. 144—145.

³³ *FR*, 1941, vol. III, p. 886. Макмеррей—Хэллу, 2 августа 1941 г.; *Дж. Батлер, Дж. Гуайер, указ соч.*, стр. 152.

торнальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание Турецкого Правительства не быть вовлеченным в войну, Советское Правительство, как и Британское Правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы».³⁴ Таким образом, к английским обязательствам о помощи прибавились советские гарантии, сделанные в исключительно тяжелый для СССР период войны.

Принятые Англией и Советским Союзом контрмеры укрепили решимость турецкого правительства сопротивляться германскому нажиму. Правда, турецкое правительство решило снизить уровень предстоящих переговоров и не посылать турецкую делегацию за пределы страны, аргументируя свое решение тем, что до немцев дошли слухи о подготовке этих переговоров.³⁵ Тем не менее, Турция не поддавалась и на уговоры Германии перейти полностью на ее сторону.

Германия использовала всевозможные методы шантажа и посулов. С одной стороны, по-прежнему не опровергались постоянно появлявшиеся в печати различных стран сообщения о предстоящем наступлении германских армий в направлении Ближнего Востока. С другой стороны, велась игра в плане пантюркизма. 19 августа 1941 года Риббентроп в беседе с Гереле, заявив, что «в ближайшие недели, вероятно, будет уничтожена оставшаяся часть Красной Армии», поинтересовался, каково отношение Турции к мусульманскому населению пограничных областей Кавказа и восточнее Каспийского моря. Турецкий посол не вышел за рамки официальной турецкой позиции: у Турции нет никаких интересов вне ее собственных государственных границ, по крайней мере любые претензии не основываются на ее официальной политике. А на вопросы Риббентропа: не будет ли изменена настоящая официальная политика; каково положение в Сирии; будет ли возможно более тесное сотрудничество Турции с Германией после пора-

³⁴ «Внешняя политика Советского Союза...», т. 1, стр. 129

³⁵ Дж. Батлер, Дж. Гуайер, указ. соч., стр. 153.

жения России,—посол не дал определенного ответа. Риббентроп пришел к выводу, что Герере получил инструкцию не вступать в подобные дискуссии.³⁶ Так оно, вероятно, и было. Во всяком случае с этого времени турецкие государственные деятели, доводя до сведения Германии свои пантюркистские пожелания, неизменно оговаривали, что не имеют возможности выступать официально.³⁷

Не побудило турецкое правительство к более тесным связям с Германией и настойчивое подчеркивание опасности для Турции, якобы исходившей от англо-советского сотрудничества. Сообщение Риббентропа о том, что Советский Союз будто бы получил от Англии полную свободу рук для сооружения авиационных баз на турецкой территории и размещения там же советских войск,³⁸ было принято к сведению турецким правительством, но ни на шаг не продвинуло германо-турецкие политические переговоры. В угрожающей ситуации лета—осени 1941 года Турция продолжала выжидать.

Это, однако, не означает, что позиция Турции летом 1941 года полностью соответствовала статусу нейтрального государства. Турция оказывала рейху услуги, выходящие за пределы официально провозглашенного нейтралитета.

В той степени, в какой турецкое правительство считало это безопасным для себя, оно содействовало Германии в войне против СССР, идя даже на прямое нарушение международно-правовых норм. Широко известны, например, такие факты, как пропуск через про-

³⁶ DGFР, ser. D, vol. XIII, doc. 238. Риббентроп—Палену, 25 августа 1941 г.: FR, 1941, vol. III, p. 895—897.

³⁷ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 14, стр. 48. Для значительной части турецких правящих кругов пантюркизм не означал обязательную прогерманскую ориентацию, хотя и определял их антисоветскую настроенность. Например, маршал Чакмак считал недопустимыми какие-либо действия, способные повлечь за собой разрыв Турции с Англией и Америкой (FR, 1941, vol. III, p. 953). Аналогичной была позиция министра иностранных дел Сараджоглу.

³⁸ DGFР, ser. D, vol. XIII, doc. 238.

ливы в июле и августе 1941 года германского сторожевого судна «Зеефальке» и итальянского (той же категории) «Тарвизио». Протест Советского правительства,³⁹ основанный на конвенции в Монтре, не возымел действия.

В этом же плане следует отметить отрицательную реакцию турецких правящих кругов на ввод английских и советских войск в Иран,⁴⁰ хотя эта акция была объективно выгодна для самой Турции, так как облегчала получение немедленной помощи в случае фашистской агрессии.

Турецкий нейтралитет этого периода сводился фактически лишь к нежеланию турецкого правительства заключить военно-политический союз с Германией. Показательно в этом отношении послание У. Черчилля, направленное И. В. Сталину в начале сентября, в котором, в частности, говорилось: «Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона человек к концу этого года и затем до миллиона к лету 1942 г. Как только германо-итальянские силы будут уничтожены в Ливии, эти войска смогут включиться в фронт на Вашем южном фланге и, как можно надеяться, повлечь за собой Турцию в смысле соблюдения ею по крайней мере честного нейтралитета»⁴¹ (выделено мною—Р. К.).

В основе турецкой политики балансирования лежало и то, что между германскими устремлениями на Ближнем Востоке и турецкими государственными и национальными интересами объективно существовала непримиримость. Многие турецкие государственные деятели понимали, что Германия при любом ходе войны и во всех вариантах своей ближне- и средневосточной политики будет стремиться к использованию турецкой

³⁹ «Внешняя политика Советского Союза, 1946 год», Госполитиздат, 1952, стр. 167—168.

⁴⁰ Дж. Батлер, Дж. Гвайер, указ. соч., стр. 155.

⁴¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, док. 11, стр. 21.

территории, а это означает прямую угрозу независимости Турции.⁴² Во всяком случае, реакция турецкого правительства на возможную германскую агрессию, а также его решение во что бы то ни стало сохранить союз с Англией⁴³ продемонстрировали намерение Турции защищать свой суверенитет.

Единственным стимулом к сближению с Германией были антисоветская направленность политики и пантюркистские планы турецких правящих кругов. Никаких других оснований предпочитать взаимоотношения с Германией своим политическим связям с Англией у Турции не было.

Стремление совместить содействие Германии в войне против СССР, продиктованное националистическими (пантюркистскими) и классовыми целями турецкой буржуазии, с необходимостью как-то обеспечить безопасность страны на случай быстрой германской победы явилось определяющим моментом в политике турецкого правительства в этот период. Попытки разрешить это очевидное противоречие и привели к появлению турецкой концепции о необходимости и возможности сговора между Англией и Германией—в первоначальном варианте путем их совместной агрессии против Советского Союза и—в более позднем варианте—путем немедленного компромиссного мира после поражения СССР⁴⁴.

⁴² «Теперь Германия стала нашим соседом,—писал в передовице «Ени сабах» редактор Дж. Яччи еще 6 марта 1941 года.—Сейчас самая важная задача для нас—серьезно подумать над значением этого факта... Немцы столь часто вторгались, что методы их нашествия стали досконально известны... Прежде чем напасть на какую-либо страну и ее уничтожить, Германия подписывает с ней пакт о ненападении, договор о дружбе и тому подобные соглашения... Было бы непростительной ошибкой считать, что немцы будут действовать в отношении Турции иначе... Ни одна малая страна не избежала германской агрессии. После того, как Германия обосновалась на Балканах, она начнет активные приготовления против Турции» («Yeni Sabah», 6. III. 1941).

⁴³ Дж. Батлер, Дж. Гуайер, указ соч., стр. 153.

⁴⁴ О заинтересованности турецкого правительства в поражении

Поскольку в рассматриваемый период нельзя было рассчитывать на осуществление ни того, ни другого варианта, турецкое правительство, отступая в пользу Германии от политики действительного нейтралитета, все же воздерживалось и от установления с ней более тесных политических связей. Выжидая дальнейшего развития событий, министр иностранных дел Турции рекомендовал и правым шовинистическим кругам проявлять сдержанность до выяснения ситуации.⁴⁵

В этом плане очень показательны соображения, содержащиеся в докладах правительству турецких послов в Лондоне и Москве⁴⁶. Исходя из диаметрально противоположных посылок, и тот и другой считали недопустимым переход Турции на позицию союзника Германии.

Посол в Лондоне Р. Арас предостерегал правительство от содействия германской победе над Советским Союзом, считая, что в этом случае Ближний Восток непременно станет ареной военных действий. В этом случае Германия не будет считаться с договором от 18 июня 1941 года, а потребует для себя полную свободу действий в Турции,—утверждал бывший министр иностранных дел Турции.

Посол в СССР Х. Актай в своем докладе от 20 августа (и еще подробнее военный атташе в Москве в донесении от 20 октября), считая неизбежным скорый захват Германией Кавказа, Украины и Крыма, советовал своему правительству опередить германские армии и завладеть Кавказом. По мнению посольства в Москве, *это твердо определило бы турецкую позицию относительно дальнейшего германского продвижения в данном направлении* (выделено мною—Р. К.).

Таким образом, в какой бы перспективе ни рассматривали турецкие правящие круги проблему германо-

Советского Союза и заключении мира при равновесии сил между Германией и Англией было хорошо известно западным державам (FR, 1941, vol. III, p. 879. Посол США в Турции Макмеррей—государственному секретарю, 7 июля 1941 г.).

⁴⁵ См.: J. Glasneck, op. cit. I, S. 81—82; L. Krecker, op. cit., S. 227.

⁴⁶ См.: J. Glasneck, op. cit. I, S. 81—82

турецких отношений, они предпочитали «балансировать на грани нейтралитета» (если можно так перефразировать последнее американское выражение «на грани войны»), но не поддаваться требованиям Германии о союзе с ней. Тем более, что этот шаг Турции вероятнее всего имел бы своим немедленным и единственным следствием превращение всей страны в поле военных операций при двусторонней оккупации—английскими и немецкими войсками.⁴⁷

Но если в политической области летом-осенью 1941 года Турция отказалась идти на дальнейшие уступки Германии, то в рамках экономических германо-турецких отношений отчетливо проявилось стремление турецкого правительства к содействию Германии в войне против СССР и его нежелание отказываться от выгодных сделок во имя соблюдения своих обязательств перед Англией. Правда, и тут Турция предпочла не выходить за известные границы, что могло бы привести к кризису взаимоотношений с Великобританией, поддерживаемой Соединенными Штатами.

Германия, как и прежде, в первую очередь добивалась от Турции поставок хрома. Большое значение имели для нее и увеличение закупок турецкой меди, оливкового масла, хлопка и т. д. Во имя достижения этой цели, прежде всего ради получения хромовой руды, верховное главнокомандование Германии сочло возможным выделить для Турции некоторое количество боевой техники и военных материалов. Речь шла о поставках в Турцию в основном легкого вооружения,

⁴⁷ Еще в середине июля Папен отмечал: «Само собой разумеется, что англичане заняты созданием сильного оборонительного фронта в Северном Ираке с тем, чтобы быть в состоянии оказывать оттуда и из Сирии политическое и военное давление на Турцию... Вследствие несчастливого начала Сирийской кампании Англия теперь окажется в состоянии оказывать еще большее давление в экономических и транзитных вопросах, чем когда-либо прежде». И позднее: «...в Северном Ираке с помощью американцев строится сильный оборонительный фронт и собирается значительная живая сила» (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 125; doc. 161. О решении Англии во что бы то ни стало оборонять Ближний Восток см.: В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии..., стр. 234—235).

обещанного прежними договорами, и трофейного оружия общей стоимостью в 20 млн. марок.⁴⁸ Позиция руководителя немецкой делегации Клоднуса, упорно настаивавшего на предоставлении рейху бывшей французской доли—4/15 турецкого хрома, которую теперь приобретали Соединенные Штаты, побудила турецкое правительство к попыткам уладить вопрос о хrome с англичанами и американцами. Сайдам и Менемеджиоглу заверили Клоднуса, что сделают все возможное, чтобы добиться согласия Англии на поставку этой части хрома Германии.⁴⁹

Чтобы поддержать эти настроения в турецких правящих кругах и в качестве противовеса англо-американскому давлению Папен и Клоднус убеждали правительство рейха согласиться на поставку Турции в возможно короткий срок боевой техники и самолетов. В Берлине же в связи с большими потерями на советском фронте не считали возможным выделить Турции восемнадцать 150-миллиметровых пушек «Крупп», десять 240-миллиметровых гаубиц «Шкода» и самолеты,⁵⁰ что составляло важнейшую часть турецких требований.

В последней декаде сентября Кейтель все же дал согласие на отправку в Турцию тяжелых орудий в обмен на хром, но сроки поставок не были сокращены, самолеты же вообще не могли быть поставлены.⁵¹

Попытки турецкого правительства договориться с Англией о поставках хрома в Германию натолкнулись на решительное сопротивление англичан и американцев. Посол США в Турции Макмеррей не только угрожал, что Турция не получит американских поставок по лендлизу, но и позволил себе настолько резкий тон в беседе с турецким министром иностранных дел, что Сараджоглу при встрече с английским послом упрекал последнего в подстрекательстве и обвинял Британию и США в том, что они хотят втянуть Турцию в войну.⁵²

⁴⁸ *J. Glasneck*, op. cit., I, S. 90; DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 358 и прим. 2; doc. 366.

⁴⁹ *J. Glasneck*, op. cit., I, S. 91; DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 352.

⁵⁰ *J. Glasneck*, op. cit., I, S. 90.

⁵¹ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 358 и прим. 2; doc. 366 и прим. 3; *J. Glasneck*, op. cit., I, S. 91.

⁵² FR, 1941, vol. III, pp. 946—963.

В конце концов Турции пришлось сообщить рейху, что права Англии на исключительные закупки турецкого хрома, первоначально имевшие силу до 8 января 1942 года, специальными нотами от 15 июня и 11 сентября 1941 года продлены еще на 12 месяцев, то есть до 8 января 1943 года.⁵³ Переговоры зашли в критическую фазу. Турецкое правительство на заседании кабинета 27 сентября, где рассматривался вопрос о дальнейшей позиции Турции в экономических переговорах с Германией, склонилось к точке зрения маршала Чакмака, считавшего, что никакие выгоды, которые Турция может получить от Германии, не компенсируют потерю американской и британской помощи.⁵⁴ Правительство решило воздержаться от нарушения договорных обязательств перед Великобританией относительно хрома, но стремиться к сближению с Германией в рамках соблюдения официальных отношений с Англией. В конце сентября Менеменджиоглу обещал Германии поставки хрома с 8 января 1943 года, в настоящем же Турция обязывалась вдвое увеличить поставки меди и, по возможности, оливкового масла и хлопка.⁵⁵

3 октября была, наконец, достигнута принципиальная договоренность и установлен срок действия нового германо-турецкого договора—до 31 марта 1943 г.⁵⁶

⁵³ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 352 и прим. 1; doc. 358; doc. 367.

⁵⁴ FR, 1941, vol. III, p. 953—954.

⁵⁵ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 358; doc. 366. Продавая Германии медную руду, Турция требовала и получала от Англии электролизную медь. Несмотря на протесты английского Министерства экономической войны, требовавшего от правительства решительных действий против такого нетерпимого положения, восторжествовала точка зрения Министерства иностранных дел, считавшего недопустимым вызывать дополнительные трения с Турцией, наставляя на прекращении поставок в Германию медной руды (W. N. Medlicott, *op. cit.*, vol. 2, p. 250—251).

⁵⁶ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 374. За этот договорный период Германия должна была поставить Турции боевую технику общей стоимостью в 18 млн. турецких фунтов (36 млн. немецких марок). По договору, подписанному 9 октября, предусматривались поставки сырья из Турции в следующем объеме: медь (12 тыс. тонн),

К договору было приложено специальное соглашение, по которому предусматривались дальнейшие поставки боевой техники Турции. Турция должна была покрыть их в течение 1943 и 1944 годов ответными поставками хромовой руды общим количеством в 180 тыс. тонн. Из этого количества, как уже отмечалось, 45 тыс. тонн должны были быть предоставлены Германии до 31 марта 1943 г. Поставки остального хрома ставились в зависимость от выполнения Германией обязательств относительно боевой техники на сумму в 18 млн. турецких фунтов.⁵⁷

Таким образом, хотя Турция и не приняла всех германских требований и сами переговоры протекали нелегко,⁵⁸ Германия имела все основания быть довольной их результатом. Она впервые с начала войны вновь выходила на первое место на турецком рынке⁵⁹ и обеспечивала себя дефицитным сырьем для воспроизводства боевой техники, самолетов, транспорта, потери которых на советско-германском фронте непрерывно возрастали.

Успех экономических переговоров позволил смягчить и политическую напряженность в германо-турецких отношениях. За день до подписания экономического договора, 8 октября 1941 года, появилось германо-турецкое заявление, отрицавшее концентрацию германских войск на турецкой границе.⁶⁰ Президент Иненю в своей речи перед Великим национальным собранием 1 ноября, определив политику Турции как политику нейтралитета, ни словом не обмолвился о Советском Союзе, зато

оливковое масло (8 тыс. тонн), хлопок (7 тыс. тонн), шерсть, шкуры, кожа и т. д., а с 15 января 1943 г.—хромовая руда (45 тыс. тонн). В обмен Германия, кроме боевой техники, обязывалась предоставить Турции железо, сталь, машины, средства транспорта, готовые изделия из меди, фармацевтику.

⁵⁷ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 390.

⁵⁸ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 258, 294, 352, 358, 366, 367, 374, 390; FR, 1941, vol. III, pp. 943--963.

⁵⁹ Объем товарообмена с каждой стороны был определен в 96 млн. лир.

⁶⁰ G. Jäschke, Die Türkei in den Jahren 1935—1941, S. 129.

взаимоотношения с фашистской Германией, несмотря на недавние осложнения, были им освещены в самом дружественном тоне.⁶¹

Однако, как и прежде, турецкое правительство, опасаясь агрессии, видело выход в компромиссном урегулировании англо-германских отношений. Сразу же после завершения германо-турецких экономических переговоров Н. Менеменджюглу заявил руководителю немецкой делегации Клоднусу, что, хотя он и убежден, что Германия не может быть побеждена, тем не менее и германскую победу над Англией он может представить себе лишь с большим трудом.⁶² А Инению открыто и конкретно высказался о том, что турецкое правительство было бы счастливо, если бы смогло поспособствовать восстановлению мира. Когда же послы Англии и США заинтересовались, «существует ли конкретный повод», побудивший турецкое правительство к подобным заявлениям, разъяснения турецкой стороны свелись к тому, что «после двух с половиной лет войны должен же кто-нибудь иметь смелость заговорить о мире».⁶³ По существу речь шла о развале антигитлеровской коалиции.

На этот раз Турция не ограничилась одними декларативными заявлениями. 31 октября Анкара обратилась к правительству Испании с призывом к испано-турецкому сотрудничеству с тем, чтобы «после поражения Советов достигнуть мира, так как такого рода посредничество было бы последней надеждой предотвратить бесконечную войну».⁶⁴

Вывод, который сделали для себя германские политики из этих высказываний и деятельности турецкого правительства осенью 1941 года, заключался в том, что Турция, хотя и стремится с начала германо-советской войны к улучшению взаимоотношений с рейхом, опреде-

⁶¹ Milli Şef'in Söylev, Demeç ve Mesajları, İstanbul, 1945, s. 67—70.

⁶² DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 393. Клоднус—Риббентропу, 10 октября 1941г.

⁶³ См. L. Kreckler, op. cit., S. 199.

⁶⁴ См. J. Glasneck, op. cit. II, S. 158; L. Kreckler, op. cit., S. 200.

ленно не желает обрывать нити, связывающие ее с Англией.⁶⁵

К концу осени проявилась позиция Германии и относительно пантюркистских требований. Прибывший в начале сентября в Берлин Нури-паша установил контакты с германским МИДом и в течение этого месяца имел несколько встреч с Вейцзекером и Верманом. Изложив программу своей организации, Нури-паша сообщил, что эти идеи имеют в Турции широкое распространение и что в круг лиц, вовлеченных в движение, входит «командующий Кавказским фронтом», а «большая часть армии сочувствует» им. Нури-паша подчеркнул, что действует не за спиной турецкого правительства: перед отъездом в Берлин он информировал премьер-министра Сайдама. Оценивая перспективы развития движения, он зашел так далеко, что утверждал даже: «В соответствующий момент к власти, несомненно, придет правительство, которое примет эти идеи».⁶⁶

Реакция Германии была сдержанной, и, как констатировал Верман, Нури-паша был «несколько разочарован» тем, что МИД встретил его предложения без «воодушевления». Расхолаживало Германию прежде всего расхождение между правительственной политикой и деятельностью пантюркистских организаций по установлению тесного сотрудничества с Германией. Не устраивала Германию и программа пантюркистов. В своем меморандуме для Риббентрона Верман в полном соответствии с идеями Гитлера⁶⁷ прямо указывал: «После поражения Советского Союза большие территории бывшей Российской империи должны подпасть под влияние Германии, но не других государств». «С точки зрения... нефтяных интересов» Верман считал нежелательной и передачу Турции Мосульского района, хотя

⁶⁵ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 393; doc. 461. Папен — МИДу, 12 ноября 1941 г.; «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 17, стр. 64—65.

⁶⁶ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 361. Меморандум Вермана, 26 сентября 1941 г.

⁶⁷ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в семи томах, т. II, стр. 584.

при некоторых обстоятельствах допускал этот шаг, «в то время как передача территорий Батуми и Баку в турецкие руки должна быть полностью исключена».⁶⁸ Лишь в Туркестане он считал возможным «одобрить создание тюркских государств, союзных Турции».

Предложение же Нури-паши об организации в Берлине пропаганды пантюркистских идей, в частности среди военнопленных тюрков и мусульман вообще, с целью использования их для агитации на советских территориях и образования из них воинских частей, МИД считал возможным принять.⁶⁹ В Берлине был создан специальный комитет. Но с середины ноября интерес Германии к пантюркистскому движению еще более ослаб и сфера использования пантюркистов была очень ограничена. К этому времени Гитлер высказал свое отношение к пантюркизму: возбуждение пантюркистских идей, направленных против русских, будет противоречить и германским интересам.⁷⁰ В течение всего следующего года германский МИД, поддерживая и финансируя пантюркистские организации, использовал их для давления на турецкое правительство и для шпионажа.⁷¹ Правительство Турции не только не возражало против концентрации военнопленных тюркских национальностей и других мусульман в специальных лагерях и их дальнейшего использования в названных целях, но и

⁶⁸ «Не в наших интересах, если будут созданы государства в Закавказье и на территории между Волгой и Уралом, которые политически будут союзниками Турции и чье поведение будет зависеть от превратностей политики Турции, за которой, конечно, будут продолжать ухаживать все государства» (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 361).

⁶⁹ DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 361; doc. 404. Меморандум политического отдела, 16 октября 1941 г.; doc. 431. Меморандум Вермана, 28 октября; doc. 468. Меморандум Риббентропа для Гитлера, 13 ноября 1941 г.

⁷⁰ «Нашей целью прежде всего должно стать установление там нашего контроля и организация страны для наших целей. Менее всего мы хотим проявления там чувства национальной солидарности» (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 475. Меморандум Гевеля, 15 ноября 1941 г.).

⁷¹ «Новейшая история Турции», М., 1968, стр. 191.

содействовало в организации шпионажа против СССР в течение всей войны.⁷²

Турецкие деятели, в частности Али Фуад Эрден, вернувшийся из поездки на Восточный фронт, пришли к выводу, что советские районы, интересующие Турцию, представляют для Германии особый интерес, и были уверены, что «фюрер намеревается как можно быстрее достигнуть Каспийского моря и Кавказа».⁷³ Тогдашняя позиция Германии—без союза с ней Турция вообще ничего не получит—тоже была ясна турецкому правительству.⁷⁴

Со своей стороны, Англия, недовольная охлаждением отношений с Турцией, стремилась к их улучшению и, подчеркивая важность сохранения Турцией позиции нейтралитета, настаивала на необходимости широкой

⁷² Что касается широкой пропаганды пантюркизма, то осенью 1941 года турецкое правительство не было расположено поддерживать ее. Папен отмечал, что «турецкое правительство, которое приглушило пантюркистскую пропаганду в своей стране, сочтет такую пропаганду... из Берлина весьма неуместной» и настаивал на необходимости ограничить ее кругом лагерей для пленных и лиц, обучаемых для работы на оккупированных Германией территориях (DGFP, ser. D, vol. XIII, doc. 431. Примечание 2).

⁷³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 12, стр. 44. Папен—МИДу, 10 ноября 1941 г.

⁷⁴ В записке для генерала Варлимонта, начальника оперативного и планового отделов оперативного управления при верховном командовании вооруженных сил Германии, утверждалось: «Турецкое правительство, конечно, не ожидает, что оно получит какие-либо преимущества без соответствующей ответной услуги со своей стороны («Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 17, стр. 68. 2 декабря 1941 года). Надо позагать, МИД Германии об этом позаботился.

В том, что Германия не склонна поддерживать территориальные претензии Турции «в соседних... южных и восточной зонах», последняя имела случай убедиться еще летом 1941 г. («Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 6, стр. 20—21. Риббентроп—Папену, 26 мая 1941 г.; DGFP, ser. D, vol. XII, doc. 555; vol. XIII, doc. 86, doc. 97. Папен—Риббентропу, 9 июля, и Риббентроп—Папену, 12 июля 1941 г.).

военной и другой помощи ей со стороны США.⁷⁵ Она довела до сведения американского правительства свое недовольство позицией посла США в Анкаре Макмеррея.⁷⁶ Отношения Турции с Англией и Америкой постепенно улучшились, и за четыре дня до нападения Японии на Пирл-Харбор США объявили о своем решении предоставить Турции помощь по ленд-лизу с 31 декабря 1941 года. Это решение американского правительства было расценено в Турции как одобрение Соединенными Штатами турецкой политики.⁷⁷

Два важнейших события декабря—поражение немцев под Москвой и вступление в войну Соединенных Штатов—произвели на турецкое правительство большое впечатление и побудили его к еще большей осторожности и осмотрительности. Министр иностранных дел Турции, говоря о событиях в России, сравнивал поражение германских войск под Москвой с битвой на Марне,⁷⁸ а президент Иненю, не скрывая своей заинтересованности в «уничтожении русского колосса», выказал Панену свои опасения, что «если конфликт затянется, то может наступить слишком большое распыление и истощение сил, которое поставит под вопрос конечный результат».⁷⁹

Заявив о своем решении сохранить нейтралитет и в этом конфликте и о неизменности желания «остаться вне войны и ни с какой стороны не дать себя вовлечь в борьбу за какие-либо интересы, которые не касаются Турции»,⁸⁰ турецкое правительство приступило к соответствующей корректировке своей позиции.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой,

⁷⁵ FR, 1941, vol. III, p. 913—915.

⁷⁶ FR, 1941, vol. III, p. 962—963.

⁷⁷ „Ulus“, 5. XII. 1941.

⁷⁸ J. Glasneck, op. cit. I, S. 82.

⁷⁹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 16, стр. 58, 61; ADAP, Ser. E: 1941—1945, Bd. I, Dok. 97. Панен—МИДУ, 5 января 1942г. Политический обзор.

⁸⁰ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 16, стр. 54; ADAP, Ser. E., Bd. I, Dok. 97; Dok. 5. Гереле—Риббентропу, 12 декабря 1941 г.

означавший провал планов «молниеносной» войны против СССР, привел, и видимо, впервые, турецкое правительство к мысли, что возможна полная англо-американо-советская победа. И этот вариант не устраивал турецкое правительство. Разъясняя позицию турецкого правительства, Папен доносил в Берлин: «...Возможным исходом является полная победа англо-американского блока с помощью Советской России. По мнению Турции, это означало бы полный распад Европы, так как ни Англия, ни США не были бы в состоянии ни остановить напор русских в территориальном отношении, ни предотвратить большевизацию изголодавшейся, измученной от войны и обнищавшей Европы».⁸¹ Но только одного участника антигитлеровской коалиции турецкое правительство по-прежнему желало видеть побежденным— Советский Союз.⁸²

Оценивая перспективы дальнейшего развития германо-советской войны и опасаясь полной победы союзников, турецкое правительство теперь считало для себя оптимальным вариантом возможно быструю победу Германии над Советским Союзом, после которой Германия могла бы компромиссно урегулировать свои отношения с Англией и Америкой. Беседы с президентом и министром иностранных дел в первые дни 1942 года привели Папена к следующему выводу: «Две возможности могут побудить Турцию расстаться с принципом нейтралитета в пользу той или другой стороны:

1. Если бы державам оси удалось весной добиться в России какого-либо решительного исхода, в особенности продвинуться на Кавказ и поставить под удар снабжение Британии нефтью с Персидского залива, стало бы ясно, что англо-американский блок не в силах выиграть войну в Европе.

Из этих соображений, может быть, и возникла бы возможность компромисса, который Турция была бы согласна поддержать, опираясь на удельный вес своих военных сил.

⁸¹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 16, стр. 55; ADAP, Ser. E, Bd. I, Dok. 97.

⁸² Там же.

2. Всякая попытка преждевременно побудить Турцию к активному выявлению своей позиции—в форме предъявления к ней требования участвовать в войне или предоставить нам право провести войска через ее территорию—неминуемо привела бы к переходу Турции на противную сторону».⁸³

В Берлине в декабре тщательно проанализировали сложившуюся к концу года ситуацию. В записке для генерала Варлимонта отмечалось, что «Турция весьма растяжимо толкует свои договорные обязательства по отношению к Англии, но вряд ли она решится довести дело до того, чтобы этот договор нарушить».⁸⁴ И хотя верховное главнокомандование Германии еще в сентябре пришло к выводу, что «вступление в войну Турции в любом случае (чем раньше, тем лучше) создаст... большие военные преимущества, Турция и без немецкой помощи в настоящий момент достаточно сильна, чтобы сковывать на суше, в воздухе и на море англо-русские вооруженные силы, и, кроме того, она может оказать большую помощь в деле завоевания господства на Черном море»,⁸⁵—МИД Германии теперь сообщал: «Весьма сомнительно, чтобы участие Турции в войне было желательным, учитывая ту цену, которую за это придется заплатить».⁸⁶ Не желая признаться в своем бессилии политико-дипломатическим путем добиться перехода Турции на сторону держав оси, МИД Германии и пришел вдруг к выводу о нецелесообразности подобных домогательств: предстоявшие переговоры с Турцией «должны будут установить, насколько Турция готова расширить понятие благожелательного нейтралитета и облегчить тем самым германскому командованию доступ к арабскому пространству и Суэцкому каналу».⁸⁷

⁸³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 16, стр. 57; ADAP, Ser. E, vol. 1, Dok. 97.

⁸⁴ Там же, док. 17, стр. 64—65.

⁸⁵ *Ф. Гальдер*, указ. соч., т. 3, стр. 347. Запись от 13 сентября 1941 г.

⁸⁶ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 17, стр. 68.

⁸⁷ Там же.

Беседы с членами турецкого правительства в первые месяцы 1942 года привели Папена к убеждению, что «чем дальше оттягивается окончательный исход настоящей войны, тем сильнее становится стремление Турции остаться вне конфликта, чтобы ни при каких условиях не очутиться на той стороне, которая останется в проигрыше. Это чувство господствует с огромной силой и в общественном мнении Турции; поэтому правительство могло бы мотивировать вступление в войну только нарушением своих суверенных прав».⁸⁸ «В центре всех соображений стоит стремление остаться в стороне от войны с тем, чтобы новыми потерями в людях не ослабить растущего военного потенциала Турции и быть во всеоружии на случай любого исхода войны».⁸⁹

Турецкие государственные деятели, прежде всего президент Иненю, по-прежнему настойчиво подчеркивали, что Турция не сделает даже самого незначительного шага, направленного против интересов Германии. Президент отмечал, что «нейтральная позиция Турции уже на данный момент много выгоднее для стран оси, чем для Англии. Если бы Турция активно стояла на стороне союзников Англии, то английский флот в настоящее время поддерживал бы южный фланг русских в Черном море и был бы найден удобный путь для защиты Кавказа».⁹⁰ Менеменджюглу, со своей стороны, утверждал, что он и министр иностранных дел «не оставили у своих английских друзей ни малейших сомнений в желании Турции видеть Советы побежденными. Никогда и ни с какой точки зрения не может Турция желать решающего влияния Советской России на установление нового порядка в Европе в том случае, если Россия окажется победительницей. В то же время конкретизация этих турецких взглядов представляла бы собой в настоящее время политический акт, которого Турция не может себе позволить».⁹¹ Разъяснения Менеменджюглу

⁸⁸ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 16, стр. 57—58; ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. 97.

⁸⁹ Там же, док. 18, стр. 69. Папен—МЦДУ, 16 февраля 1942 г. Политический доклад.

⁹⁰ Там же, док. 16, стр. 58; ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. 97.

⁹¹ Там же, док. 18, стр. 72—73.

относительно турецкой позиции сводились к тому, что турецкое правительство стремится «расширить германо-турецкие отношения, укрепить их на основе доверия, не осложняя при этом отношений Турции с Советским Союзом и не ухудшая ее отношений с союзниками».⁹²

Поскольку было совершенно ясно, что ожидать перехода Турции на сторону оси в ближайшем будущем не приходится, Германии волей-неволей пришлось считаться с решением турецкого правительства сохранять нейтралитет. Германия ограничилась тем, что предложила Турции сконцентрировать войска на советско-турецкой границе, то есть обеспечить косвенную поддержку предстоявших германских операций на Кавказе. Турецкое правительство ответило согласием,⁹³ тем более, что концентрация войск на границе с СССР означала не только содействие Германии, но отвечала прежде всего собственным целям турецких правящих кругов— аннексировать Советское Закавказье, опередив германские войска. Этот вариант, как отмечалось, и предлагали осуществить своему правительству турецкий посол в СССР и военный атташе еще осенью 1941 года.

Стремясь, как и прежде, получить отовсюду все, что можно, турецкое правительство в феврале 1942 года обратилось к Германии с просьбой о возобновлении кредитного соглашения 1938 года. В счет этого кредита Турция хотела получить вооружение и боевую технику.⁹⁴ Воспользовавшись предложением Германии о концентрации войск на советско-турецкой границе, правительство Турции выдвинуло контрпредложение—обеспечить турецкую армию оружием на том основании, что она фактически будет прикрывать правый фланг наступаю-

⁹² «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 18, стр. 70.

⁹³ Там же, док. 16, стр. 58—59; док. 18, стр. 73; ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. 97.

⁹⁴ ADAP, Ser. E, Bd. 1, Dok. 294. Заметка Вилля, 27 февраля 1942 г.; ADAP, Ser. E, Bd. 2, Dok. 44. Папен—МИДу, 17 марта 1942 г.; Док. 103. Заметка Ринтлена; Док. 107. Заметка Риттера, 3 апреля 1942 г.; Док. 121. Папен—МИДу, 9 апреля 1942 г.; Док. 189. Заметка Клодиуса, 6 мая 1942 г.; Док. 210. Папен—МИДу, 15 мая 1942 г.; Док. 217. Папен—МИДу, 17 мая 1942 г.; Док. 256. Заметка Шмидта, 30 мая 1942 г.; Док. 282. Заметка Вилля, 10 июня 1942 г.

щих германских армий от возможного нападения англо-американских войск.⁹⁵ Заверяя Германию, что в вопросе дислокации вооруженных сил «Турция полностью учтет новую обстановку», Менаменджюглу, однако, сразу же предупредил германского посла, добивавшегося «политического эквивалента» предполагаемым германским поставкам военных материалов, что «его предложение является вопросом доверия к турецкой политике, так как в настоящий момент Турция не в состоянии обещать в ответ что-либо конкретное». Отмечая, что «по закону о ленд-лизе Турции обещаны значительные поставки» и что «еще более важным для Турции являются поставки зерна и продовольствия, от которых она ни в коем случае не может отказаться», турецкое правительство утверждало, что «турецкая политика требует создания со стороны Германии противовеса расширяющемуся таким образом англо-американскому влиянию», в чем страны оси не могут не быть заинтересованы.⁹⁶ Одновременно турецкое правительство продолжало делать Германии авансы и относительно своих связей с Англией. Менаменджюглу, к примеру, уверял, что готов прямо заявить английскому правительству: «Мы заключили это соглашение с Германией,⁹⁷ так как хотим быть подготовленными в военном отношении на всякий возможный случай—даже на случай нападения со стороны англичан и американцев».⁹⁸

Позиция турецкого правительства в «расследовании» инспирированного германской разведкой «покушения» на Папена 24 февраля 1942 года, в котором были обвинены советские граждане Корнилов и Павлов, была призвана продемонстрировать дружественное расположение Турции к Германии.⁹⁹ Между тем цель «покуше-

⁹⁵ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 18, стр. 72.

⁹⁶ Там же, док. 18, стр. 70—73.

⁹⁷ Имеется в виду возобновление соглашения о кредите 1938 г.

⁹⁸ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 18, стр. 73.

⁹⁹ В конце апреля Гитлер отмечал, что ход процесса о «покушении» на Папена характеризует твердую позицию Турции по отношению к «врагам держав оси» (*Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler*, Bd 2, Dok. 5. Запись беседы фюрера с дуче, 29 апреля 1942 г.).

ния» была прозрачной: оно было порождено стремлением Германии возможно быстрее подтолкнуть Турцию в руки оси, вызвав резкое ухудшение советско-турецких отношений. Так, Чиано сразу же предположил, что «покушение» инсценировано Германией.¹⁰⁰

31 марта 1942 г. на доклад Папена, предложение верховного главнокомандования и Министерства иностранных дел Гитлер ответил распоряжением немедленно поставить в Турцию двадцать 75-миллиметровых зенитных орудий «Крупп», обещанных ей октябрьским экономическим договором, не связывая их с ответными поставками хромовой руды.¹⁰¹ Кроме того, Германия должна была поставить 100 тыс. снарядов к этим орудиям. Общая стоимость этих поставок составляла 14 млн. рейхсмарок. На сумму в 6 млн. Германия рассчитывала закупить в Турции стратегическое сырье, такое, как медь и хлопок, а на оставшиеся 8 млн. марок приобрести хромовую руду в пределах контингента в 45 тыс. тонн, предусмотренного на период с 15 января до 31 марта 1943 г. С экономической точки зрения эти поставки были выгодны Германии, так как орудия были готовы, а использование их в германской армии затруднено (они не соответствовали принятому в ней типу вооружения).¹⁰²

Распоряжение о срочной поставке орудий должно было произвести на Турцию благоприятное впечатление и с политической точки зрения, так как турецкое правительство в связи с задержками поставок могло усомниться в желании Германии выполнять договор от 9 октября 1941 г.¹⁰³ Дело дошло до того, что германский посол в Анкаре вынужден был настойчиво рекомендовать своему правительству сделать все возможное, что-

¹⁰⁰ G. Ciano, op. cit., p. 453. Запись от 25 февраля 1942 г.

¹⁰¹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 21, стр. 77. Виль-Риббентропу, 17 марта 1942 г. Заметки о поставках Турции 20 крупнокалиберных 7,5 см полевых зенитных орудий и 100 тыс. снарядов к ним; док. 24, стр. 85.

¹⁰² Там же, док. 21, стр. 76—79.

¹⁰³ Там же, док. 21, стр. 79.

бы рассеять сложившееся у турецкого правительства впечатление, что «наш октябрьский договор был большим блефом».¹⁰⁴

Трудно предположить, что турецкое правительство действительно сомневалось в намерении Германии претворить в жизнь заключенное с Турцией экономическое соглашение. Скорее всего, создавая впечатление разочарованности развитием договорных отношений между странами, турецкое правительство добивалось возможно более быстрого осуществления германских поставок по заключенному договору и стремилось подвести Германию к необходимости более внимательного отношения к турецким требованиям в предстоявших переговорах относительно 100-миллионного кредита.

Со своей стороны, используя просьбу Турции продать ей 2—3 подводные лодки, Германия предприняла попытку получить согласие на проход через проливы 5—6 германских подводных лодок и нескольких торпедных катеров с демонтированным военным снаряжением, так что при желании они могли быть определены как торговые.¹⁰⁵ Риббентрон даже считал возможным вести переговоры непосредственно с руководством турецкого военного флота с тем, чтобы сохранить турецкому правительству возможность в случае крайней необходимости отрицать свою осведомленность об этом.¹⁰⁶ В середине апреля состоялась беседа между германским военным атташе Роде и заместителем начальника генерального штаба Турции Асымом Гюндюзом по вопросу о проходе через проливы подводных лодок.¹⁰⁷ Гюндюз заявил, что проход подводных лодок в Черное море без ведома англичан «технически совершенно невозможен», прежде всего потому, что проливы с обеих сторон закрыты сетевыми и минными заграждениями, которые сооружены англичанами и охраняются при их участии.

¹⁰⁴ См. *J. Glasneck*, op. cit. II, S. 186--187.

¹⁰⁵ ADAP, Ser. E, Vol. 2, Dok. 135. Риббентрон—Папену, 15 апреля 1912 г.

¹⁰⁶ ADAP, Ser. E, Vol. 2, Dok. 135. Примечание 2.

¹⁰⁷ ADAP, Ser. E, Vol. 2, Dok. 151. Папен—Милду, 18 апреля 1912 г.

Если же Турция решится на такой шаг, разъясняя Гюндоуз, то англичане усмотрят в этом нарушение нейтралитета и Турция окажется с ними в состоянии войны. Турция лишится поставок, а в вопросе поставок боевой техники, и в особенности зерна, Турция полностью зависит от союзников. Поэтому Германии важнее иметь на правом фланге нейтральную Турцию, чем втянуть Турцию, которая едва ли сможет чем-нибудь помочь, в войну. Гюндоуз просил видеть в этом отказе не злую волю Турции, а напротив—огромное желание не создавать такого положения, которое может нанести Германии ущерб. Доводы Турции были убедительными.

Что касается переброски торпедных катеров, то Гитлер решил, используя половодье, спустить их по Дунаю с тем, чтобы к концу июня иметь в Констанце в полной готовности 6 катеров.¹⁰⁸

Летом 1942 года в Турции произошла реорганизация кабинета, вызванная смертью премьер-министра Р. Сайдама, но это не внесло каких-либо изменений в политику правительства. В Германии ожидали, что министром иностранных дел Турции будет назначен отозванный из Германии посол Гереде, профашистские симпатии которого не вызывали никаких сомнений. Гитлер был абсолютно убежден, что в этом случае «проблема Ближнего Востока приобретет... совершенно новое лицо».¹⁰⁹

Этим надеждам не суждено было оправдаться—главой кабинета стал Ш. Сараджоглу, которого сменил на посту министра иностранных дел Н. Менемджиоглу. Оба были хорошо известны откровенной антисоветской позицией, тем не менее оба вызывали недовольство Германии своей политической осторожностью и расчетливостью, особенно новый премьер-министр—постоянный сторонник тесных англо-турецких политических связей.

Летом 1942 года во время временных успехов вер-

¹⁰⁸ ADAP, Ser. E. Bd. 2, Dok. 180. Заметка Риттера, 1 мая 1942 г.

¹⁰⁹ H. Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942. S. 104—105.

махта в ходе наступления на Кавказ и к Волге. Германия стала почти ультимативно настаивать на присоединении Турции к оси. Германию уже не удовлетворяли многочисленные и бесконечные уверения турецких государственных деятелей относительно антисоветской направленности турецкой политики. Она требовала перехода к решительным антисоветским действиям.

В начале июля Риббентроп распорядился выяснить наконец принципиально позицию Турции относительно Советского Союза. И Папен весьма резко выразил Менемеджюглу недовольство тем, что, с одной стороны, его заверяют «постоянно в большой заинтересованности в полном уничтожении большевизма», в то время как, с другой стороны, «турецкое правительство проявляет относительно Советов необъяснимую слабость». Посол заверил своего министра, что «не оставил у Нумана никаких сомнений в том, что продолжение проводимой до сих пор политики баланса поставит турок в очень тяжелое положение, и рекомендовал ему проявить в отношении России характер, что соответствует общим турецким интересам».¹¹⁰

Угрозы, вновь появившиеся в заявлениях германских политиков, теперь уже не были обычными германскими дипломатическими приемами: за ними скрывалось значительное изменение германской позиции относительно дальнейших взаимоотношений с Турцией. Летом 1942 г. Министерство иностранных дел Германии составило объемистый документ, снабдив его выразительным заглавием—«Неприглядная политика Турции относительно стран оси в войне». Здесь нашли свое место все претензии Германии к турецкому правительству, начиная с англо-франко-турецкого договора от 19 октября 1939 г.¹¹¹

В самом конце августа Папен нанес Менемеджюглу и Сараджюглу первые после их вступления в новые должности официальные визиты. Эти беседы германского посла, имевшие место соответственно 26 и 27 августа, оказались для Германии особенно неприятными. Прав-

¹¹⁰ Цит. по *J. Glasneck*, *op. cit.* I, S. 86.

¹¹¹ *Ibid.*

да, и министр иностранных дел Турции и премьер-министр вновь заверили правительство рейха в своей неизменной враждебности к Советскому Союзу. Так, Менеменджюглу подтвердил, что «Турция, как прежде, так и теперь, самым решительным образом заинтересована в возможно более полном поражении большевистской России...»,¹¹² а Сараджюглу высказал убеждение, что «русская проблема может быть решена Германией только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских»,¹¹³ и заявил, что «уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие; оно является также извечной мечтой турецкого народа».¹¹⁴ Однако оба турецких государственных деятеля в не менее категорическом тоне заявили о желании турецкого правительства сохранить нейтралитет. «Турция... готова оказать помощь империи в пределах возможного»,—разъяснял министр иностранных дел. Когда же Папен прямо спросил: «В чем может заключаться содействие Турции»,—Менеменджюглу заявил, что «это содействие в известной мере ограничивается необходимостью сохранения нейтралитет...»¹¹⁵

Высказывая решимость турецкого правительства не вступать в войну и желая, видимо, как-то смягчить свой ответ, Сараджюглу заявил, что как премьер-министр он считает необходимым соблюдать строгий нейтралитет еще и для того, чтобы не компрометировать позицию Турции, потому что, по его мнению, приближающийся разгром России, несомненно, вызовет у англичан желание заключить мир. Эта возможность—дать снова Европе мир—не должна быть упущена».¹¹⁶

Вместе с тем, высказав свое нежелание вступить в войну, турецкое правительство дало Германии понять, что заинтересовано в дальнейшей судьбе ряда совет-

¹¹² «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 26, стр. 92. Папен—МИДу, 26 августа 1942 г.

¹¹³ Там же, док. 27, стр. 98. Папен—МИДу, 27 августа 1942 г.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, док. 26, стр. 93—94.

¹¹⁶ Там же, док. 27, стр. 100—101.

ских территорий и хотело бы принять участие в решении этого вопроса.¹¹⁷

Хотя германский посол считал возможным удовлетвориться полученными от турецкого правительства разъяснениями относительно позиции Турции и рекомендовал по возможности учесть вышеназложенные турецкие интересы,¹¹⁸ Берлин прореагировал иначе.

Заявления, сделанные турецкими государственными деятелями в канун сентября 1942 г., явились, видимо, последней каплей, во всяком случае они вызвали новую волну раздражения турецкой позицией у руководителей рейха. «Эти отчеты внушили фюреру мысль вызвать посла фон Папена с тем, чтобы дать ему устные указания проявлять большую сдержанность в подобных делах и не идти на несвоевременные разговоры».¹¹⁹ Хотя Папена и не вызывали в Берлин, для него была подготовлена знаменательная инструкция:
«Лично послу

Как явствует из Ваших телеграмм от 26 и 28 августа, а также из Вашей докладной записки от 27 августа, в Ваших последних беседах с турецкими государственными деятелями неоднократно затрагивалась тема турецких интересов в отношении тюркских народов на Кавказе, а также в других советско-русских областях и при этом обсуждалось также, каким образом Турция могла бы содействовать разрешению связанных с этим вопросов. Как господин Нуман, так и господин Сараджоглу использовали этот случай для того, чтобы подчеркнуть турецкую заинтересованность в этих делах и заявить о пожеланиях и требованиях Турции, присовокупив к этому в несколько туманной форме предложение оказать нам содействие своим советом конфиденциально или через третье лицо; в то же время они снова настойчиво подчеркивали общезвестную нейтральную позицию Турции.

¹¹⁷ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 26, стр. 92—93, 94; док. 27, стр. 98, 100—101, 102—104; см. также ADAP, Ser. E, Bd. 2, Dok. 115. Папен—МИДу, 6 апреля 1942 г.

¹¹⁸ Там же, док. 27, стр. 103—104.

¹¹⁹ Там же, док. 30, стр. 116—118. Риббентроп—Гевель-Вервольфу, 12 сентября 1942 г.

Мы не заинтересованы вступать в настоящее время каким-либо образом в беседы по этим вопросам с турецким правительством и тем самым предвосхищать развитие этих вопросов. Мы не имеем также причин давать туркам какие-либо заверения или хотя бы предоставлять им удобный случай заявлять нам свои желания и требования, которые имеют отношение к этим вопросам, так как, очевидно, турецкая заинтересованность в этих делах не идет все же так далеко, чтобы Турция изменила в нашем смысле свою общеполитическую позицию в отношении воюющих государств.

Поэтому я прошу Вас не вести там дальнейших разговоров по этим вопросам и в случае, если турецкой стороной будет вновь затронута проблема тюркских народов в Советском Союзе, проявлять по этому вопросу полную сдержанность».¹²⁰

Конечно, не только очередной отказ Турции перейти на сторону оси привел Германию к решению не считаться с «турецкими интересами» в районах Кавказа. В предвкушении скорого завоевания этих районов министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг в июле 1942 г. подготовил специальный проект «О преобразовании Кавказа», где определил, что «интересы Германии... заключаются в том, чтобы создать прочные позиции на всем Кавказе и тем самым обеспечить безопасность континентальной Европы, то есть обеспечить себе связь с Ближним Востоком. Только эта связь с нефтяными источниками,—отмечал министр,—может сделать Германию и всю Европу независимыми от любой коалиции морских держав в будущем. Цель германской политики: господство на Кавказе и над граничащими с юга странами как в политическом, так и в военном отношении».¹²¹ «На продолжительное

¹²⁰ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 30, стр. 119—120. В Берлине, однако, ошибались: дело было не в недостаточной заинтересованности турецких правящих кругов в территориях Советского Кавказа, а лишь в выборе путей для осуществления этих целей.

¹²¹ «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов в трех томах, т. 2, стр. 207.

время предлагается обеспечение в военном отношении концессий на Черном море (Туансе, конец нефтепровода) и соответственно Грузинского плоскогорья и района Баку». ¹²² «Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток». ¹²³ Ни о каком влиянии Турции в этих районах не могло идти речи. ¹²⁴

Осложнились и герmano-турецкие экономические отношения, что нашло свое отражение в ходе начавшихся в мае экономических переговоров. В конце августа Менеменджюглу выразил сожаление, что «вследствие неправильного представления, создавшегося в Берлине относительно позиции Турции, переговоры в данный момент, по-видимому, остановились на мертвой точке». ¹²⁵

Однако Турция продолжала концентрацию войск на советско-турецкой границе, то есть оказывала рейху очень ощутимую косвенную поддержку. «Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет,—пишет в своих мемуарах генерал армии С. М. Штеменко,—перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники. Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 г. никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с Советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий». ¹²⁶

¹²² Там же, стр. 211.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. Документы так называемой «Кавказской папки» Розенберга, стр. 206—226.

¹²⁵ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 26, стр. 98.

¹²⁶ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. стр. 54. Здесь находилась советская 45-ая армия, а на случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, на ирано-турецкой границе стоял 15-й кавалерийский корпус, усиленный стрелковой и танковой бригадой.

В сложнейшей обстановке лета-осени 1942 г. советское командование было вынуждено сосредоточить вдоль своей границы с Турцией значительное количество войск и держать их здесь, несмотря на тяжелое положение армии Северо-Кавказского фронта. Не вызывает сомнений тот факт, что концентрация турецких войск на советско-турецкой границе отвлекала в Закавказье значительные силы советских войск и тем самым немало содействовала успеху германских армий у Ростова, их продвижению на Кубань, оккупации нефтеносных полей Майкопа и т. д.¹²⁷

К концу лета турецкий генеральный штаб считал, что ожидавшееся падение Сталинграда не может быть приравнено к полному поражению Советского Союза. «...Занятие Сталинграда явится решающим моментом военных действий этого года (...) Генеральный штаб убежден в том, что к концу года Германия настолько ослабит русских, что они перестанут быть решающим фактором в этой войне»¹²⁸ (здесь и далее выделено мною—Р. К.). Это мнение полностью разделяло турецкое правительство. Менеменджиоглу полагал, что «...отныне можно с полным правом рассчитывать на то, что

¹²⁷ Позднее президент Иеню пытался опровергнуть широко распространенное мнение, что Турция увеличивала бремя Советского Союза, концентрируя свои войска на турецко-советской границе, Иеню утверждал, что подобная дислокация турецких войск вызывалась только необходимостью защищать турецкие берега от Родоса в Эгейском море до Хопы в Восточном Черноморье, что лишь возможное нападение Германии на турецкое Черноморье побудило правительство Турции распределить свои силы вдоль всего этого района и сконцентрировать их у Трапезунда и Хопы (İbipü'nün Söylev ve Demeçleri, İstanbul, 1946, p. 394). Возможно, войска могли пригодиться и на этот случай, но концентрировались они, как свидетельствуют документы, для поддержки германских операций против Советского Союза и с целью аннексии советских территорий. И не из-за безосновательной подозрительности держало здесь советское командование свои войска, не используя их даже в самое тяжелое время.

¹²⁸ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 26, стр. 91.

германская армия *этой зимой* не будет иметь перед собой противника, равноценного тому, который противостоял ей прошлой зимой, даже если учесть имеющиеся у русских резервы вооружения и горючего, а также эксплуатацию новых шахт. *Это не означает, однако, что будущей осенью русская армия будет выведена из строя.* Пока еще рано что-либо утверждать, так как исход летнего похода пока не ясен; однако время движется вперед, и сентябрьские дожди уже мешают военным действиям; с другой стороны, не следует упускать из виду, что «триста» дивизий, составляющих основную силу русской армии, до сих пор не принимают участия в военных действиях на Кавказе, где в настоящее время сражаются всего 14 русских дивизий. При таких обстоятельствах турецкий генеральный штаб склоняется к той точке зрения, что *главное командование германских вооруженных сил будет вынуждено повести наступление против основных сил русской армии, если только оно не примет решения отложить нанесение решающего удара на весну или даже на лето будущего года»*¹²⁹. Так оценивали ситуацию на советско-германском фронте турецкие правящие круги в августе-сентябре 1942 г.

Что касается внешнеполитической концепции Турции, то «нарисованная таким образом картина дает ту важную для турецкого министра (имеется в виду министр иностранных дел Менеменджюглу—Р. К.) выгоду, что оставляет Турцию вне зоны военных действий. Турецкая дипломатия совершенно очевидно заинтересована в том, чтобы стратегические цели держав оси развивались в направлении Москвы, а не в направлении Ирана и Ирака; она имеет также все основания желать, чтобы наступление на Сирию со стороны Кипра оставило Анатолию за пределами стратегических клещей, которые этой зимой охватят Суэц. Ясно, что взгляды министра на будущее следует рассматривать именно в свете этого фактора».¹³⁰

¹²⁹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 29, стр. 109—110. Управление разведки и контрразведки—Министерству иностранных дел, 10 сентября 1942 г.

¹³⁰ Там же, док. 29, стр. 111.

Следует отметить, что приведенные высказывания турецких государственных деятелей были сделаны в полной уверенности в предстоящей победе немцев у Сталинграда. Более того, именно на этот случай у турецкого правительства была разработана целая концепция относительно дальнейшего ведения войны против Советского Союза, которую оно настойчиво рекомендовало политическому руководству Германии. Рекомендации эти исключительно показательны. Уверяя германское правительство, что «турки никоим образом не усматривают для себя угрозы в германском соседстве»¹³¹ (имеется в виду завоевание Германией Кавказа—*Р. К.*), Менеменджигюглу тем не менее утверждал, что «решение русской проблемы заключается, по его мнению, в том, чтобы продвигаться от Сталинграда на север и перерезать железную дорогу Куйбышев-Москва /.../. По сравнению с окончательным уничтожением русских вооруженных сил в центральном и северных секторах путем наступления на Куйбышев, операции на Кавказе имеют лишь второстепенное значение».¹³² Турецкий генеральный штаб отмечал: «Что касается военных операций в южном секторе, то одна из главных задач этих операций, а именно—отбросить русских от побережья Черного моря, близка к осуществлению, несмотря на необходимость овладеть еще Новороссийском и Туапсе через горные проходы, доступные только нехоте. Однако чем дальше на восток, тем труднее овладевать этими подступами, и таким образом захват Баку будет представлять собой серьезную проблему».¹³³ В сентябре в связи с упорным сопротивлением советских войск у Терека, на перевалах Кавказского хребта и в районе Сталинграда у турецкого генерального штаба, пристально следившего за развитием событий на советско-германских фронтах, значительно возросли сомнения в способности Германии добиться решительной победы до наступления зимы.

¹³¹ «Документы Министерства иностранных дел», док. 26. стр. 93.

¹³² Там же, стр. 91.

¹³³ Там же, док. 29, стр. 110—111.

К концу октября—началу ноября Министерство иностранных дел Германии располагало сведениями уже о значительной смене настроений в Турции относительно германских перспектив. Так, генеральный секретарь Министерства иностранных дел Турции не скрывал своего мнения, что Германия проиграет войну, а именно— из-за бессилия победить Советский Союз и неустойчивого внутреннего положения во всей Европе. «Летняя кампания не принесла успеха, и русская армия осталась сильной и могучей».¹³⁴

Во всяком случае, турецкое правительство было решительно против оккупации Германией районов Кавказа. Это никак не отвечало его интересам.¹³⁵

¹³⁴ См. *J. Glasneck*, *op. cit* I, S. 88. Турецкий посол в Румынии Танрювер в беседе с заместителем премьер-министра этой страны 25 октября 1942 г. подчеркнул, что «Россия, как и прежде, является для Турции врагом № 1 и что Турция далее будет придерживаться строгого нейтралитета» («Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 32, стр. 124).

Документальные данные приводят к необходимости скептического отношения к единственному и к тому же анонимному утверждению «бывшего члена турецкого правительственного кабинета» о том, что в середине октября турецкое правительство решило вступить в войну на стороне Германии и назначило на ноябрь объявление войны Советскому Союзу. Анонимный свидетель утверждает, что президент Иненю позвонил германскому послу, намереваясь сообщить ему об этом решении турецкого правительства. Однако прежде чем он успел сделать Папену соответствующее заявление, последний рассказал ему об отступлении германских войск у Сталинграда, и президент, конечно, умолчав о цели своего звонка, немедленно отменил мобилизацию («Правда», 27.III.1947 г., публикация по американской газете «PM»). Не говоря о том, что подобная решительность (нападение на Советский Союз до его полного поражения) никак не согласуется с исключительно расчетливым и осторожным политическим курсом турецкого правительства в течение всех военных лет, она противоречит всем имеющимся на сегодняшний день документальным данным (См. *J. Glasneck*, *op. cit* I, S. 88, прим. 52; *op. cit* II, S. 181).

¹³⁵ Летом 1942 г. не только турецкое правительство, но и деятели пантюркистских организаций и кавказской эмиграции убедни-

Отсюда и стремление турецкого генерального штаба и турецкого правительства побудить Германию после победы у Сталинграда повернуть на север к Москве и закончить разгром Советского Союза в его центральных районах, главное—подалее от Кавказа и турецких границ.

Позиция Турции летом и осенью 1942 года дает основания предположить, что турецкое правительство, готовясь оккупировать территории Кавказа в момент или непосредственно после поражения СССР и в расчете на англо-германский компромисс, надеялось, возможно, на понимание Англии, поскольку выдвижение турецких войск в такой ситуации означало бы прежде всего образование дополнительного форпоста на пути к британским ближне- и средневосточным владениям. Во всяком случае, имеющиеся сегодня в распоряжении историков документы констатируют попытки турецкого правительства договориться с Англией относительно удовлетворения территориальных интересов в Сирии.¹³⁶

То обстоятельство, что Турция официально сохраняла в силе англо-турецкий договор от 19 октября 1939 года и отказалась открыть для Германии проливы летом—осенью 1942 года,¹³⁷ использовалось турецкими политическими деятелями в свое время и используется турецкими авторами до сегодняшнего дня для утверждения никак не вытекающих из этого тезисов о дружественном отношении Турции к Советскому Союзу, о верности Турции своим союзническим обязательствам¹³⁸. В действи-

лись в том, что Германия не собирается создавать самостоятельные кавказские государства, как и не допустит никакого влияния в этих районах третьей страны («Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 25, стр. 88. Диттман—Типпельскирху, 5 августа 1942 года).

¹³⁶ ADAP, Ser. E, Bd 2, Dok. 120 Риббентрон—Папену, 8 апреля 1942 г.

¹³⁷ Дж. Батлер. Дж. Гуайер, указ. соч., стр. 343.

¹³⁸ İnönü'nün Söylev ve Demeçleri, s 394—395; T. Ataöv, op. cit., p. 130—134; A. S. Esmer, The Straits: Crux of World Politics, „Foreign Affairs“, January 1947, p. 299; A. E. Yalman, op. cit., p. 197—200.

тельности, сконцентрировав войска на границе с Советским Союзом, готовая в случае поражения СССР вторгнуться на территорию Кавказа, Турция хранила благожелательный для Германии нейтралитет, выжидая дальнейшего развития событий.

Глава IV

Позиция Турции на заключительном этапе второй мировой войны

Поражения немецких войск у Сталинграда и в Северной Африке вызвали двоякого рода реакцию в турецких правящих кругах. Победа союзников у Эль-Аламейна, по свидетельству германского посла, была встречена «с большим облегчением» государственными деятелями Турции, которые, как отмечает Папен, никогда не были счастливы от близости германских войск к северу, западу и югу их страны.¹ Напротив, отступление германских армий в Советском Союзе вызвало в правящих кругах Турции большое разочарование. Заместитель начальника генерального штаба Турции Асым Гюндюз не скрывал от военного атташе Германии своей «большой озабоченности» тем обстоятельством, что рейху «может не удастся довести операции на Восточном фронте до результата, обеспечивающего безопасность Европы».² Такую же реакцию Турции на победы союзников отмечал и генеральный консул в Стамбуле Зейлер: «Турция, которая очень не хотела бы видеть, что англичане вытеснены из Средиземноморья (Суэцкий канал), желает нам, с другой стороны, успехов в нашем походе против России и искренне озабочена тем, что наших сил может нехватить для того, чтобы одолеть русских на более или менее продолжительное время.

¹ *F. von Papen*, *op. cit.*, p. 493.

² «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 33, стр. 126. Папен—МИД, 2 декабря 1942 года.

Оказать поддержку в этом деле она сейчас склонна менее, чем когда-либо, так как с турецкой точки зрения вопрос об окончательной победе еще в высшей степени сомнителен».³

Что касается позиции Берлина в отношении Турции, то и здесь произошла существенная перемена. Как отмечалось, в начале сентября Министерство иностранных дел Германии, убедившись, что Турция не собирается перейти на сторону оси, прекратило политические переговоры и взяло курс на то, чтобы разговаривать с турецким правительством с позиции силы после ожидавшегося выхода германских войск на северную границу Турции. Теперь, после сокрушительных поражений рейха на советско-германском фронте, Германия уже была озабочена тем, как удержать Турцию на позиции нейтралитета. К моменту поражения германских войск у Сталинграда вопрос о дальнейшей позиции Турции приобрел для рейха еще большее значение.

Поражение у Сталинграда заставило Берлин произвести переоценку ценностей, и сохранение того самого турецкого нейтралитета, который так недавно вызывал откровенное раздражение у руководителей третьего рейха, теперь стало важнейшим предметом забот германской политики. «После присоединения Турции к противнику,— констатировал генеральный штаб вермахта,— становятся возможными сухопутные операции с турецкой территории и высадка на Эгейское побережье, которые вызовут настоячивые политические, военные и военно-экономические реакции, и потому вероятны».⁴ Присоединение Турции к антигитлеровской коалиции в первую очередь сделало бы невозможным использование турецкой хромовой руды, поставки которой впервые (после октября 1939 года) были начаты в январе 1943 г. и снабжение Германии румынской нефтью: несколько налетов англо-американской авиации с турецких баз на румынские нефтедобывающие и нефтеперерабатываю-

³ Там же, док. 35, стр. 132. Зейлер—МИДу, 9 декабря 1942 года.

⁴ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht Bd. III I. S. 121; см. также: Bd. III/2, S. 1519.

щине объекты, и положение Германии могло стать катастрофическим.⁵

Министр иностранных дел Менемеджоглу сообщил германскому послу «от имени и по поручению кабинета, что Турция не откажется от своего нейтралитета даже в том случае, если ось будет находиться накануне своего краха, а, наоборот, будет защищать его при всех обстоятельствах».⁶ Германские дипломаты в Турции считали, что «это заявление соответствует мнению генерального штаба и действительным интересам Турции, в интересы которой ни в коем случае не входит разгром Германии», и полагали, что оно «отражает искреннее мнение министерства иностранных дел по крайней мере на данный момент»,⁷ но и они склонялись к мысли, что в отношении Анкары следует проявлять бдительность. «...Среди военных атташе и журналистов,—докладывал в Берлин Зейлер,—имеются люди, задающие себе вопрос, захочет ли Турция защищать свой нейтралитет даже и в том случае, если американцы смогут выставить на Ближнем Востоке большую армию, а Германия, занимающая невыгодное положение в отношении транспорта (Черное море), не сможет ничего ей противопоставить. Далее, они находят крайне подозрительным тесное сотрудничество между английскими и турецкими военными. Я не хотел бы идти так далеко в своих предположениях, как они, и считать, что турки уже сейчас ведут с нами нечестную игру и водят нас за нос, а скорее склонен предполагать, что они в настоящее время заигрывают с нашими врагами, чтобы получить возможно больше военных материалов. Во всяком случае надо быть остороже»,⁸—резюмировал генеральный консул в Стамбуле.

С декабря 1942 г. Германия начала разработку специального плана—операции «Гертруда»—на случай вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской

⁵ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 33, стр. 128—129; док. 35, стр. 133.

⁶ Там же, док. 35, стр. 133.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 133—134.

коалиции. Подготовка мероприятий по этому плану проводилась германским главнокомандованием совместно с болгарскими военными властями, так как собственных сил, необходимых для ведения успешных военных действий против Турции, в распоряжении Германии не имелось.⁹ Основная часть операции должна была осуществляться болгарской армией. Для сравнения напомним ситуацию 1940 года. Тогда, в начале войны, в германском министерстве иностранных дел заинтересовались у болгарского посланника Драганова, будет ли в состоянии болгарская армия выдержать напор турецких войск в случае, если Турция нападет на Болгарию. Посланник ответил, что это станет возможным через год-полтора, когда Болгария получит необходимое вооружение. Последовало высокомерное заявление: болгарам не остается ничего иного, кроме как подготовить достаточное количество аэродромов для германских самолетов, которые в случае неожиданного нападения турок прилетят за четыре—пять часов и нанесут турецкой армии такое же поражение, какое нанесли полякам.¹⁰ Теперь, в начале 1943 г., болгарская армия, по мнению германского командования, была в состоянии лишь отразить турецкое нападение, но не была способна к контрнаступлению.¹¹ И хотя планируемые Германией операции сами по себе носили ограниченный характер (предполагалось оккупировать проливы), их осуществление было связано с рядом значительных трудностей. Прежде всего необходимо было вооружить современным оружием десять болгарских пехотных дивизий, кавалерийскую дивизию и танковую бригаду, что могло быть осуществлено только к концу лета 1943 г. Затем следовало придать болгарским армиям германские танковые и другие дивизии, ряд подвижных соединений, тринадцать тяжелых артиллерийских дивизионов, специальные войсковые подразделения (части) и т. д. В крайнем случае предполагалось ограничиться оборонной болгарских границ.¹²

⁹ КТВ ОКВ, Bd. III/2, S. 1519.

¹⁰ Л. Б. Валева, указ. соч., стр. 131.

¹¹ КТВ ОКВ, Bd. III/1, S. 125—126; Bd. III/2, S. 1413.

¹² *Ibid.*

Не удивительно поэтому, что, проанализировав ситуацию на Балканах, Германия, наряду с разработками военных операций, усилила дипломатическую деятельность, направленную на удержание Турции вне войны. Увеличивавшиеся германские военные поставки в Турцию так же должны были содействовать этой цели. Но в принципе у Германии не было реальных военно-политических средств, которые можно было бы противопоставить усиливавшемуся влиянию союзников.

Поскольку сложившиеся обстоятельства диктовали Германии необходимость удержать Турцию на позиции нейтралитета, единственным средством воздействия на эту страну стала для рейха область экономики. Как отмечалось, еще в мае 1942 г. начались германо-турецкие экономические переговоры о возобновлении кредитного соглашения 1938 г. Ход этих переговоров, временами заходивших в тупик, протекал в прямом соответствии с изменением ситуации на фронтах.

В канун переговоров турецкие политические деятели не сомневались в предстоящей победе Германии в летней кампании 1942 г. Соответствующей была и аргументация турецкого правительства: «Рассмотрение военной обстановки является достаточным,—уверял Германию Менеменджноглу,—чтобы страны оси уяснили себе значение сильной в военном отношении Турции, которая будет готова в любой момент успешно защищаться против англо-американского давления /.../. В случае полного поражения России и победоносного продвижения немцев на Кавказе для германской политики... будет иметь большое значение сознание того, что весьма чувствительному германскому флангу не будет угрожать опасность внезапного нападения с турецкой территории».¹³ Как всегда, Германию в первую очередь интересовали хромовые поставки из Турции, тем более что в середине августа были подсчитаны ресурсы на захваченной советской территории и выяснилось, что в районе Азовского моря и Кавказа находятся только 2,23% общих советских месторождений хрома. И Кло-

¹³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», док. 18, стр. 71. Папен—МНДу, 16 февраля 1942 г.

диус настойчиво требовал от турецкой делегации увеличить обещанные на 1943 г. поставки хрома с 90 тыс. тонн до 110—120 тыс. тонн. Одновременно Германия настаивала на дополнительных поставках меди, марганца и оливкового масла. Однако эти требования, выдвинутые Клоднусом в середине августа, были отклонены. Турция сослалась на недостаточную производственную мощность добывающей промышленности и тяжелое продовольственное положение страны. Тогда Германия выдвинула два новых условия: Турция должна была возместить сырье, потраченное на изготовление предназначенной для нее боевой техники, и взять на себя обязательство с января 1945 г. поставлять Германии ежегодно не менее 50 тыс. тонн хромовой руды. Эти новые требования были выставлены в последние дни августа и натолкнулись на решительное сопротивление турецкого правительства (особенно последнее условие). Турецкие государственные деятели почувствовали себя оскорбленными «необоснованным недоверием» Германии. Разъяснения Клоднуса, что подобные гарантии являются необходимыми, поскольку турецкое правительство уже однажды (8 января 1940 г.) предоставило свой хром в общей сложности на три года западным союзникам, ни к чему не привели.¹⁴

В течение первой половины сентября в ходе переговоров не было заметно никакого прогресса, и подготовленный договор продолжал оставаться неподписанным.

Изменение обстановки, вызванное упорным сопротивлением советских войск у Сталинграда, а затем контрнаступлением советских армий, побудило Германию ускорить заключение кредитного соглашения. Германия сняла требование о возмещении сырья, израсходованного на боевую технику для Турции, и ограничилась устным обещанием Менеменджиоглу, что с января 1945 г. Германия будет получать хрома ни в коем случае не меньше, чем Англия и США вместе. В качестве ответной уступки Турция продлила срок поставки

¹⁴ J. Glasneck, *op. cit.* I, S. 97—98; см. также: „Документы Министерства иностранных дел Германии, стр. 96, док. 26. Папен—МИДу, 26 августа 1942 г.

Германией оружия по октябрьскому договору 1941 г. с 31 марта 1943 г. до 31 декабря того же года с условием, что ей будет поставлена более современная и высококачественная боевая техника: танки, самолеты, подводные лодки, машины и материалы для турецких оружейных и авиастроительных заводов. Поставки Германии хромовой руды с января 1943 г. в связи с этой отсрочкой отложены не были.¹⁵

31 декабря 1942 г. был подписан договор о 100-миллионном кредите. Он должен был финансировать покупку Турцией 60 истребителей, 67 танков, 265 тяжелых пулеметов, 60 зенитных орудий, передвижной авторемонтной мастерской, боеприпасов для пехоты, оптических приборов.¹⁶

Кредит несколько укреплял позиции Германии в Турции. Однако оказать Турции сколько-нибудь значительную помощь продовольствием Германия не могла. Так, Англия и Америка поставили Турции 120 тыс. тонн зерна и муки, в то время как Германия лишь в последние дни декабря сообщила турецкому правительству, что готова продать ему 10 тыс. тонн румынской пшеницы.¹⁷

Между тем англичане собирались использовать Турцию именно в том аспекте, которого так опасалась Германия. 24 ноября 1942 г. премьер-министр Великобритании, обращаясь к И. В. Сталину, писал: «Если бы мы могли вовлечь Турцию в войну, мы могли бы не только приступить к операциям, цель которых состоит в том, чтобы открыть судоходный путь к Вашему левому флангу на Черном море, но мы могли бы также усиленно бомбить с турецких баз румынские нефтяные источники, которые имеют такое жизненно важное значение для держав оси ввиду успешной защиты Вами главных нефтяных ресурсов на Кавказе. Преимущество вступления в Турцию состоит в том, что оно произойдет главным образом по суше и может явиться дополнением к наступательной акции в центральной части Средиземно-

¹⁵ *J. Glasneck*, op. cit. I, S. 98.

¹⁶ *Ibid.*, S. 99; *L. Krecker*, op.cit., S. 187—188.

¹⁷ *J. Glasneck*, op. cit. II, S. 193.

го моря, которая займет наши морские силы и значительную часть нашей воздушной мощи».¹⁸ Следующим этапом были переговоры между Рузвельтом и Черчиллем относительно Турции на конференции в Касабланке. Английский премьер получил согласие Америки (Сталин ответил согласием еще 27 ноября 1942 г.)¹⁹ на любые английские действия, направленные на привлечение Турции в лагерь антигитлеровской коалиции, и обратился к турецкому президенту с предложением о встрече, которая была мотивирована необходимостью «принять меры к лучшему и более быстрому снаряжению турецкой армии, имея в виду возможные события в будущем».²⁰ Президент Иненю немедленно уведомил, что «сердечно приветствует» выдвинутый план увеличения «общей оборонительной безопасности» Турции.²¹

30 и 31 января 1943 г. в Адане проходила конференция премьер-министра Англии У. Черчилля и премьер-министра Турции Ш. Сараджоглу. Английского премьера сопровождала большая группа генералов, а от Турции, кроме премьер-министра, в Адану прибыли президент Иненю, маршал Чакмак, министр иностранных дел Менеменджигюлу в сопровождении группы советников.

Германия и ее сателлиты на Балканах со дня на день ожидали сообщения о присоединении Турции к антигитлеровской коалиции. Каково же было их изумление, когда выяснилось, что конференция фактически ни к чему не привела. «...Если визит премьер-министра английской мировой империи в Турцию уже сам по себе является очень большим событием, то еще больше может заставить задуматься состав сопровождающих

¹⁸ «Переписка...», т. 1, док. 88, стр. 77. У. Черчилль—И. В. Сталину, 24 ноября 1942 г.

¹⁹ «Я разделяю Ваше мнение и мнение Президента Рузвельта о желательности сделать все возможное, чтобы Турция весной вступила в войну на нашей стороне. Конечно, это имело бы большое значение для ускорения разгрома Гитлера и его сообщников» (Там же, док. 89, стр. 78. И. В. Сталин—У. Черчиллю, 27 ноября 1942 г.).

²⁰ «Педеписка...», т. 1, док. 105, стр. 86. У. Черчилль—И. В. Сталину, 27 января 1943 г.

²¹ Там же, стр. 86.

его лиц, ибо такую свиту обычно принято брать с собой только в чрезвычайно важных случаях. Именно поэтому,—сообщал венгерский посланник в Анкаре Янош Вериле премьер-министру и министру иностранных дел Венгрии Миклошу Каллан,—я вначале не хотел верить, что в Адане, по существу, ничего не произошло. И только лишь после того как ни мне, ни другим не удалось получить противоположные сведения, я поверил словам министра иностранных дел, хотя г-н Менеменджюглу еще никогда не вводил меня в заблуждение и о подобных случаях я ни от кого не слыхал». ²²

Дипломаты оси сделали для себя вывод: «Турция по-прежнему придерживается политики нейтралитета. При таких обстоятельствах ее вооружение не может вызвать озабоченность держав оси, ибо они не намерены нападать на Турцию». ²³

Результаты (вернее безрезультатность) Аданской конференции, таким образом, были положительно восприняты блоком агрессоров. Но как ни странно на первый взгляд, Черчилль тоже был доволен своими переговорами с турецким правительством. «Я встретился со всеми главными турками в Адане 30 января и имел с ними длительные и самые дружеские беседы. Нет сомнений в том, что они значительно пошли нам обоим навстречу, а также в том, что их собственная информация из Германии убеждает их в плохом положении там,—писал У. Черчилль И. В. Сталину (...). Я не просил о каком-либо точном политическом обязательстве или обещании относительно их вступления в войну на нашей стороне, но, по моему мнению, они сделают это до конца этого года. Вероятно, до этого путем широкого толкования нейтралитета, подобно тому, как это делали Соединенные Штаты до вступления в войну, они разрешат нам воспользоваться их аэродромами для заправки са-

²² «Венгрия и вторая мировая война». Секретные и дипломатические документы из истории кануна и периода войны, док. 157, стр. 292. Телеграмма венгерского посланника в Анкаре Яноша Вериле премьер-министру и министру иностранных дел Венгрии Миклошу Каллан, 10 февраля 1943 г.

²³ Там же, стр. 292.

молетов горючим в целях осуществления налетов британских и американских бомбардировщиков на нефтяные источники Плоешти... Я повторяю, что я не просил и не получил определенного политического обязательства и сообщил им, что они могут так и заявить. Тем не менее их встреча со мной, их позиция в целом и совместное коммюнике... вовлекают их более открыто, чем раньше, в антигитлеровскую систему, и именно так это будет воспринято всем миром».²⁴

Заявления, которые сделал Черчилль турецкому правительству, сводились к следующему. Прежде всего он указал, что и Англия, и Америка хотят видеть Турцию сильной и тесно связанной с ними. Это тем более необходимо, что «остается нужда Германии в нефти и ее стремление на Восток», что на Балканах может возникнуть «состояние анархии», которое «вынудит турецкое правительство вмешаться в целях защиты своих собственных интересов». Затем, отмечая, что и Сталин «очень хочет видеть Турцию хорошо вооруженной и готовой защищаться от агрессии», Черчилль утверждал, что Англия и США готовы оказать Турции помощь и значительными поставками военных материалов и посылкой в Турцию подразделений зенитной артиллерии и противотанковых частей, а позднее—посылкой польского корпуса вместе с частями 9-й и 10-й английских армий. «Конспект» заявлений английского премьер-министра и «Согласованные выводы англо-турецкой конференции», направленные Советскому правительству,²⁵ содержали, однако, отнюдь не полную информацию о характере Аданских переговоров. Тем не менее исключительный оптимизм английских оценок политики Турции был встречен весьма сдержанно.²⁶

Что касается истинного положения вещей, то турецкое правительство не дало Англии вообще никаких оснований утверждать, что собирается когда-либо всту-

²⁴ «Переписка», т. I, док. 109, стр. 88—89. У. Черчилль—И. В. Сталину, 1 февраля 1943 г.

²⁵ «Переписка...», стр. 392; док. 117, стр. 95. И. В. Сталин—У. Черчиллю, 2 марта 1943 г.

²⁶ Там же, док. 111, стр. 90—91, И. В. Сталин—У. Черчиллю, 6 февраля 1943 г.

пить в войну. Более того, Черчиллю пришлось успокаивать турецких государственных деятелей, пообещав им открыто заявить на заседании английского парламента, что «предложил Турции безвозмездное снабжение оружием», что «он надеется, что Турция останется верной союзному договору с Англией», что «он желает, чтобы после войны Турция и впредь оставалась бастионом безопасности и порядка, на который Англия всегда могла бы опираться, но для выполнения этой задачи она должна располагать соответствующей силой».²⁷

Однако, хотя правительство Турции и не проявило никакого желания участвовать в войне против Германии, Черчилль, выдвигавший «балканский вариант» второго фронта, понимал, что без содействия Турции ему не удастся опередить советские войска, и потому стремился в Адане заручиться поддержкой турецкого правительства в первую очередь для осуществления этого плана. Антисоветская направленность турецкой политики послужила теперь уже основой англо-турецкого взаимопонимания. Чтобы как-то объяснить Советскому правительству стремление Англии максимально усилить и вооружить Турцию, Черчилль и пытался убедить Советский Союз в реальности вступления Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Интересно, что в то время многие государственные деятели стран-сателлитов были уже убеждены, что «западные союзники заинтересованы в предупреждении советского вторжения в Европу больше, чем в ликвидации гитлеровского режима»,²⁸ и понимали, что у Советского Союза есть причины для беспокойства вооружением Турции. Очень показательны в этом отношении высказывание венгерского посланника в Анкаре в связи с Аданской конференцией. «Другое дело,—отмечал Вернле,—как отнесется к этой конференции Сталин, который уже заявил в Вашингтоне протест против вооружения Турции, совершенно правильно считая, что в конечном счете это направлено против него».²⁹

Как утверждает в своих мемуарах бывший послан-

²⁷ «Венгрия и вторая мировая война», док. 157, стр. 291.

²⁸ «Венгрия и вторая мировая война», док. 157, стр. 292.

²⁹ Там же.

ник Румынии в Турции Крецяну, то обстоятельство, что в переговорах в Адане принимали участие высшие представители генеральных штабов Англии и Турции, было расценено правительствами Балканских стран как важный этап подготовки «балканского варианта»,³⁰ того самого варианта, который должен был, по мнению Черчилля, и выбить Германию из этого района, и преградить путь в Европу советским войскам.

Что касается Советского Союза, то правительство СССР с самого начала весьма скептически относилось к предположениям о возможном участии Турции в войне на стороне союзников. В своем послании Черчиллю 6 февраля 1943 г. Сталин писал: «По поводу Вашего заявления о том, что турки откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Советского Союза, я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так и после начала этой войны был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен Британскому Правительству. Турки не реагировали на эти шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок такой же прием.

Международное положение Турции остается довольно нещекотливым. С одной стороны, Турция связана с СССР договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией—договором о взаимопомощи для сопротивления агрессии, а с другой стороны, она связана с Германией договором о дружбе, заключенным за три дня до нападения Германии на СССР. Мне неизвестно, как Турция думает в теперешних условиях совместить выполнение своих обязательств перед СССР и Великобританией с ее обязательствами перед Германией. Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом. Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам».³¹

³⁰ A. Cretzlanu, *The Lost Opportunity*, London (1957), p. 87.

³¹ «Переписка...», т. I, док. III, стр. 90—91.

Через неделю, 13 февраля, министр иностранных дел Турции сообщил советскому послу в Анкаре о желании турецкого правительства начать с Советским Союзом переговоры относительно улучшения советско-турецких отношений. В ответ Советское правительство выразило готовность приступить к переговорам такого рода.³²

Таким образом, к весне 1943 г. Турция сделала некоторые шаги в сторону сближения с Англией, а также с США и даже с СССР. Эти изменения в турецкой позиции были вызваны поражениями немецких войск, хотя турецкие правящие круги все еще сохраняли надежду, что Германия сумеет «широкой операцией нанести Советам последний сильный удар».³³ У турок возникли и надежды на возможность раскола антигитлеровской коалиции со всеми вытекавшими из этого последствиями.³⁴ Позицию Черчилля в период Аданских переговоров турецкое правительство истолковало в том смысле, что «Лондон добивается сотрудничества Турции для того, чтобы совместно предотвратить развитие революционного движения на Балканах и освобождение Балканских

³² Там же, док. 117, стр. 95—96; см. также док. 115, стр. 94. У. Черчилль—И. В. Сталину, 17 февраля 1943 г.

³³ *J. Glasneck*, op. cit. I, S. 137; *J. Glasneck*, op. cit. II, S. 448, Anhang 10 (Папен—МИД, 7 мая 1943 г.). Президент Иненю даже сделал в Адане попытку «убедить Черчилля в том, что хотя Германия проиграла битву в России, но она отнюдь еще не проиграла войну. Черчилль, однако, будучи убежден в победе, не дал себя повлечь в спор...» («Венгрия и вторая мировая война», док. 157, стр. 292).

³⁴ По свидетельству Черчилля, премьер-министр Турции в беседе с ним заявил, что «вся Европа полна славян и коммунистов», и добавил: «Все побежденные страны станут большевистскими и славянскими, если Германия будет разгромлена» (У. Черчилль, Вторая мировая война, т. 4, М., 1955, стр. 693). Турецкие государственные деятели утверждали, что «полное поражение Германии дает России шанс стать великой опасностью для Турции и Европы» (*F. Papen*, op. cit., p. 494—495; Т. Атаöv, op. cit., p. 107).

стран Красной Армией».³⁵ Примерно в это же время министр иностранных дел Румынии М. Антонеску сообщил итальянскому посланнику в Бухаресте: «Турецкий посол специально посетил меня, чтобы сообщить, что Америка и особенно Англия спешат в Европу, чтобы завершить войну, но они хотели бы любой ценой избежать краха европейской системы с выгодой для России».³⁶

Зимой и весной 1943 г. турецкое правительство развернуло напряженную дипломатическую активность в Балканских странах с целью создания «оборонительного блока государств» в соответствии с английскими планами. Министр иностранных дел Турции не раз высказывал мысль, что «после эвентуального поражения Германии в Европе нарушится равновесие и наступит хаос, распространение которого следует как-то предотвратить».³⁷ Менеменджиоглу считал, что «те страны, которые, по сути дела, не имеют отношения к ведущейся в настоящее время империалистической войне, должны образовать блок порядка и безопасности, который ограничил бы распространение хаоса. Сюда относятся Турция, Греция, Болгария, Югославия, Румыния и Венгрия».³⁸ Постепенно у политических деятелей указанных стран сложилось вполне определенное мнение относительно перспектив развития турецкой политики. «Мы думаем,—сообщил своему правительству венгерский посланник в Софии,—что Турция выступила бы только в том случае, если под давлением английских и русских войск немцы были бы вынуждены вывести свои войска с островов Эгейского моря и Балканского полуострова. Турция, которую поддержали бы английские войска, заполнила бы пустоту, образовавшуюся в результате отхода немцев, мирно оккупировав Балканы. Турция

³⁵ Цит. по: В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кутаков, *Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха*, стр. 280.

³⁶ Цит. по: В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кутаков, *указ. соч.*, стр. 280.

³⁷ «Венгрия и вторая мировая война», док. 157, стр. 291.

³⁸ Там же.

осталась бы там, пока не закончилась политическая реорганизация Балканского полуострова, а за это время было бы завершено оформление юго-восточного блока, в который вошла бы и Венгрия».³⁹

Турецкая политика встретила полное понимание и нашла отклик в правящих кругах Балканских стран, которые теперь искали возможностей договориться с западными союзниками. Антисоветская направленность их политики, казалось, могла стать основой урегулирования взаимоотношений с Англией и Америкой. Переговоры Турции принимали все более широкий характер, и даже в области болгаро-турецких отношений появились заметные сдвиги.⁴⁰ При этом дипломатическая активность Турции в Юго-Восточной Европе протекала параллельно англо-турецким штабным переговорам в полном соответствии с решениями, принятыми в Адане.⁴¹

Турецкая активность на Балканах вызвала в Берлине новую волну беспокойства. Времена, однако, переменялись, и свое раздражение турецкой политикой Германии приходилось сдерживать, в отличие от реакции на деятельность определенной части правящих кругов стран Юго-Восточной Европы. Более того, германским политическим деятелям приходилось теперь удовлетворяться бесцеремонными разъяснениями, дававшимися турецкими политиками в ответ на упреки со стороны

³⁹ Цит. по кн.: *В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков*, указ. соч., стр. 280; см. также *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler, Zweiter Teil, Dok. 31, S. 242—243.*

⁴⁰ См. *В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков*, указ. соч., стр. 290.

⁴¹ В «Согласованных выводах англо-турецкой конференции, состоявшейся в Адане 30—31 января 1943 г.» отмечалось, что Турция представит Англии списки вооружения и снаряжения, необходимого для оснащения турецких вооруженных сил, которые будут изучены англичанами. Англичане также изучат возможность передачи туркам английских судов для поставок материалов в Турцию. Кроме того, в документе сообщалось, что в Анкару для совещаний с турецким генеральным штабом направляются английские штабные офицеры и что Англия обязывается обучить некоторое количество турецких военнослужащих в своих военных школах и при воинских частях («Переписка...», т. 1, стр. 392).

рейха. Так, министр иностранных дел Турции, прямо намекая на осенне-зимние поражения Германии, заявил Клоднусу, что «Турция, естественно, должна была реагировать на определенные политические и военные события» и что это будет в интересах Германии, если Турция ограничится тем, что прореагирует на них «платоническими заявлениями».⁴²

Но в Берлине не считали, что турецкая деятельность носит столь безобидный характер, и, не имея возможности решительно повлиять на позицию Турции, сконцентрировали свое противодействие в странах-сателлитах, усилив здесь политику угроз и шантажа.⁴³

Одновременно гитлеровские дипломаты продолжали заверять Турцию, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений в отношении нее,⁴⁴ не забывая, видимо, время от времени напоминать, что и Стамбул, и угольные копи Зонгулдака могут быть без труда подвергнуты бомбардировкам.⁴⁵ Однако утверждения турецких авторов и некоторых их западных коллег, что именно это обстоятельство сыграло решающую роль в уклонении Турции от активного участия в войне, не соответствуют истине.⁴⁶ Выдвигаемые турецким правительством до мая 1943 г. доводы, что предстоящая летняя германская кампания может быть прямо направлена против Турции,⁴⁷ вообще не имели под собой никакой реальной основы. Суть заключалась в том, что турецкое правительство не хотело полной победы антигитлеровской коалиции, где центральной фигурой был Советский Союз, над Германией. С такой точки зрения даже самый незначительный материальный ущерб, который могла нанести Турции Германия, представлялся турецкому правительству ничем не оправданной жертвой.

⁴² Цит. по: *J. Glasneck*, op. cit. I, S. 137.

⁴³ *Allianz Hitler-Horthy-Mussolini*, Dok. 119, Dok. 120; *Staatsmanner...* Dok. 31; Dok. 29; см. также: *A. Hillgruber*, *Hitler, König Carol und Marschall Antonescu*, S. 167.

⁴⁴ *F. von Papen*, op. cit., p. 495.

⁴⁵ *H. Knatchbull-Hugessen*, op. cit., p. 191—192.

⁴⁶ *T. Ataöv*, op. cit., p. 107.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 110.

Воодушевленные развернувшейся дипломатической активностью Турции, англичане старались ускорить ее вступление в войну и на этот случай приступили к разработке плана балканской операции под кодовым названием «Хардихуд». Командующие на Среднем Востоке детально обсуждали его с турецкими представителями в середине апреля. Эта операция рассматривалась в прямой связи с планировавшейся английской кампанией в районе Эгейского моря. Предполагалось занять Додеканезские острова, что, кроме решения части ближневосточных стратегических задач, по расчетам англичан, могло привести к вступлению Турции в войну. Особый интерес имело установление союзнического контроля над проливами, «нейтралитет которых, обеспечивавшийся конвенцией, подписанной в Монтре, в то время был выгоден только немцам», использовавшим их для перевозок грузов в Грецию из Румынии и Дунайского бассейна. Значительную пользу наряду с использованием турецких военно-воздушных баз, должны были принести и 46 турецких дивизий, хотя они и нуждались в дополнительном вооружении и снаряжении⁴⁸. А самое главное, о чем умалчивают английские историки.—вся Юго-Восточная Европа попала бы под английское влияние.

Поставив Турции с января по май снаряжение со Среднего Востока приблизительно на 16 млн. фунтов стерлингов, не считая горючего, англичане дали понять турецкому правительству, что ожидают от него решительных действий. Нэтчбэлл-Хьюджессен в беседе с премьер-министром Турции заявил последнему, что «... придет день, когда я наверняка посету Вас и скажу, что, присоединившись к нам, Вы можете значительно сократить сроки войны. Этот день, вероятно, не наступит раньше сентября. Быть может, он придет позже, однако он придет».⁴⁹

Но в ожидании развития летней кампании на германо-советском фронте турецкое правительство прояв-

⁴⁸ Дж. Эрман, Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, стр. 118—119.

⁴⁹ Цит. по: Дж. Эрман, указ. соч., стр. 119.

ляло все меньше желания считаться с просьбами и интересами англичан. Ход событий весной—летом 1943 г. принял совершенно другой оборот, чем предполагалось турками в январе.

Поражение немецких армий под Курском вызвало в Турции сильное опасение, что Германия, войска которой продолжали отступать, обратится к Советскому правительству с предложением о сепаратном мире. Менеменджюглу настоятельно уверял Папена, что «Германия при всех и всяких обстоятельствах ...должна оказывать сопротивление».⁵⁰

Между тем Германия, заверив турецких политических деятелей в том, что положение на советском фронте не является бесперспективным для рейха, сама проявляла большую озабоченность турецкой позицией в связи со своими поражениями на восточных фронтах и с усиливавшимся давлением союзников на Турцию. 19 августа 1943 г. Папен предупредил Сараджоглу, «намекая на его англофильские настроения», что если у немцев сложится впечатление, что турецкая политика смещается в другую сторону, то он (Папен) уже ни за что не сможет поручиться.⁵¹ Но к середине октября Берлин получил сообщение, что политика турецкого правительства остается неизменной. Во всяком случае генеральный штаб Германии, видимо, не без основания, констатировал: «Нейтральная позиция Турции в настоящее время не вызывает сомнений».⁵²

К этому времени произошло изменение военных планов Англии: английское военное и политическое руководство пришло к выводу, что любой вариант плана военных действий в Эгейском море не может быть осуществлен. Соответственно Комитет начальников штабов решил, что обращение к Турции с предложением о вступлении в войну является преждевременным, и рекомендовал добиваться от нее выгодных союзникам изменений в проводимой ею политике нейтралитета.⁵³

⁵⁰ Цит. по: *J. Glasneck*, *op. cit.*, I, S. 139.

⁵¹ *Ibid.*

⁵² КТВ ОКВ. Вд. III 2, S. 842.

⁵³ *Дж. Эрман*, указ. соч., стр. 118—122.

Черчилль согласился с этим «более чем скромным требованием», и на конференции в Квебеке было решено, что в настоящем следует просить Турцию лишь о том, чтобы она строже истолковывала и применяла конвенцию в Монтре, разрешила англичанам приступить к необходимым подготовительным мероприятиям по плану «Хардихуд» и прекратила поставки хромовой руды в Германию. Союзники подтвердили свою решимость «продолжать поставки в Турцию такого снаряжения, которое они смогут выделить и которое турки в состоянии использовать». ⁵⁴

Сообщение о капитуляции Италии, сделанное 8 сентября, было встречено в Анкаре с большим удовлетворением. Турецкое правительство даже сообщило германскому послу, что существовавшее в отношении держав оси недоверие теперь полностью устранено, так как Италия со своими территориальными претензиями на часть Анатолии выбывала из числа великих держав. ⁵⁵ Ход военных действий в Италии тоже вполне устраивал турецких политических деятелей, но уже по другой причине: он связывал большие союзнические силы, что, по мнению турецкого правительства, могло в случае успеха немецких войск побудить западных союзников к компромиссному миру с Германией. ⁵⁶

Исключительно показательными для турецкой внешнеполитической концепции являются неожиданные и откровенные территориальные претензии Турции, высказанные Иненю и Сараджоглу. В самый канун высадки английских войск на некоторые острова Эгейского моря турецкое правительство высказало Германии при посредничестве турецкой тайной полиции свое желание получить от нее Додеканезские острова. ⁵⁷ аргументируя свое предложение-просьбу тем обстоятельством, что после занятия англичанами острова будут переданы Греции. Соблазн вбить клин между Турцией и Англией

⁵⁴ Там же, стр. 120.

⁵⁵ См. *J. Glasneck*, *op. cit.* I, S. 139.

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *W. Schellenberg*, *The Schellenberg Memoirs*, p. 380.

в тяжелой для Германии обстановке осени 1943 г. был очень велик, но правительство рейха все же воздержалось от этого шага, полагая, что слишком много шансов на то, что Англия, таким образом, получит эти острова без всякой борьбы.⁵⁸

В то время турецкое правительство оказывало Великобритании некоторую помощь: не препятствовало проходу английских военных кораблей в турецких территориальных водах, доставляло предметы снабжения для гарнизона на острове Самос, обеспечило поставки ammunition и продовольствия для британских войск, высадившихся на Косе и Леросе. Согласились турки и на транспортировку грузов из Сирии в турецкий порт, расположенный против Лероса. А позднее, когда встал вопрос об эвакуации с Самоса остатков английских войск и греческого гражданского населения, турецкое правительство разрешило им проход через свою территорию.⁵⁹

Но не только такого рода помощь была нужна англичанам от своего союзника. Осенью Англия сделала попытку получить в свое распоряжение некоторые

⁵⁸ С нашей точки зрения, это предположение Германии было очень близко к истине, а утверждение Гласнека, что «правительство в Анкаре, в особенности Иненю и Сараджоглу, полагало, что с капитуляцией Италии настало время, когда турецкое правительство может осуществить по меньшей мере часть своих территориальных претензий» (*J. Glasneck, op. cit. I, S. 140*), не представляется убедительным. Трудно поверить, что осенью 1943 года, когда победителем во всех случаях могла быть только антигитлеровская коалиция, более того, когда единственным финалом войны официально признавалась «безоговорочная капитуляция» Германии, осторожные и расчетливые турецкие политики вдруг решились установить с рейхом столь тесные связи. Единственным приемлемым объяснением представляется рассмотрение этого турецкого шага в свете совместных англо-турецких действий, что, собственно, и подозревала Германия. Получила ли бы Турция от Англии в качестве компенсации за помощь некоторые из островов—вопрос другого порядка, ответить на который на основании доступных на сегодняшний день документальных материалов не представляется возможным.

⁵⁹ Дж. Эрман, указ. соч., стр. 129—130.

воздушные базы Турции, чтобы удержаться на Леросе. С 5 по 8 ноября А. Иден вел с Менеменджиоглу переговоры в Каире от имени трех союзных держав. «Турки заявили, что предоставление баз в Анатолии было бы равносильно вступлению в войну, а если они вступят в войну, ничто не сможет помешать Германии принять ответные меры против Константинополя, Анкары и Смирны».⁶⁰

Турецкий премьер и министр иностранных дел Турции затем подробно информировали Германию по всем вопросам, обсуждавшимся на первой Каирской конференции, в том числе и о требовании союзников положить конец экономическим связям Турции с Германией.⁶¹

Во второй половине ноября операции английских войск в Эгейском море потерпели неудачу, и последнее полностью перешло под контроль Германии. К концу месяца англичане оставили и о. Кастелориццо. После этого поражения английских войск в непосредственной близости от Турции требования о ее скорейшем вступлении в войну стали еще менее убедительными.

Что же касается Германии, то она была недовольна и отклонениями Турции от позиции нейтралитета. В связи с турецкой помощью англичанам на островах Эгейского моря правительство рейха направило Турции ноту протеста, в которой турецкая позиция определялась как противоречащая статусу нейтрального государства.⁶² В течение октября осложнения в германо-турецких отношениях усугублялись. Турецкое правительство даже демонстрировало свой отход от прежних отношений с Германией. С конца октября дипломатические представители рейха уже не приглашались на большие приемы турецкого президента.⁶³

Неприятная для турецкого правительства ситуация сложилась в связи с вопросом о проходе германских быстроходных барж через проливы. Эти суда продолжали проходить через проливы в Черное море, несмотря

⁶⁰ *У. Черчилль*. Вторая мировая война, т. 5, стр. 334.

⁶¹ *F. von Papen*, op. cit., p. 506—507.

⁶² *J. Glasneck*, op. cit. I, S. 140.

⁶³ *Д. Мойшиш*, указ. соч., стр. 23.

на решительные протесты Советского и английского правительств, и использовались как для снабжения, так и для установки мин в районах боев на советском Черноморском побережье.⁶⁴ Турецкое правительство отклоняло эти протесты, ссылаясь на то, что это не те корабли, проход которых через проливы запрещался конвенцией в Монтре. Однако неожиданно для Турции немцы сами определили их как военные, что не могло не вызвать раздражения турецкого правительства. Мемменджюглу вынужден был официально уведомить правительства Советского Союза и Англии, что впредь подобные суда не будут пропускаться через проливы. Одновременно германскому послу было сообщено, что на том же основании будут отклонены и требования союзников о пропуске через проливы их кораблей такого же типа.⁶⁵

Содержание решений, принятых на длительных заседаниях турецкого правительственного кабинета и республиканской партии, где обсуждались вопросы дальнейшей политики Турции, и результаты первой Каирской конференции еще больше убедили Папена в том, что никаких решительных изменений в политике Турции в ближайшее время не произойдет. Кроме того, в распоряжении германского посла к этому времени оказались секретные материалы, похищенные из английского посольства в Турции.⁶⁶ Черновик доклада английского посла о взаимоотношениях между Анкарой и Лондоном «ясно показывал решимость турок воздержаться от участия в войне».⁶⁷ Поэтому у германского посла были все основания утверждать в своих докладах в Берлин, что «соблюдение нейтралитета—сама собой разумеющаяся турецкая программа».⁶⁸ Турецкая пресса

⁶⁴ «Правда», 28 сентября 1946 г.

⁶⁵ *J. Glasneck*, op. cit. I, S. 140; op. cit II, S. 267.

⁶⁶ Так называемая операция «Циперон» продолжалась с ноября 1943 г. по апрель 1944 г. В руках германской разведки оказался целый ряд важнейших и секретнейших сведений о деятельности и планах союзников.

⁶⁷ *Л. Мойзиси*, указ. соч., стр. 72.

⁶⁸ *H. A. Jacobsen*, op. cit., Dok. 104

тоже отмечала: «С начала войны внешние силы время от времени пытались направить наши действия в ту или иную сторону. Мы со своей стороны всегда придерживались линии, гармонирующей с нашим мнением /.../. Те, кто заинтересован в Каирских переговорах и в нашем решении, которое мы должны принять в будущем, могут быть уверены, что каждое новое решение и новые предпринятые меры не явятся следствием иностранного предпочтения или давления, но будут исходить из нашего собственного желания, мнения и опыта, и контроль за нашим будущим всегда будет в наших руках».⁶⁹ Этот и другие красноречивые выпады турецкой прессы в первую очередь относились к Англии и именно ей призваны были разъяснить бесперспективность попыток путем давления вовлечь Турцию в войну.

Черчилль, однако, не был обескуражен и на первом же заседании конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране поднял вопрос о вступлении Турции в войну и затем не раз возвращался к этому вопросу. Перечисляя известные преимущества, которые могли бы получить союзники в случае вступления Турции в войну,⁷⁰ Черчилль утверждал, что союзники потерпят «большое несчастье, если Турция не вступит в войну, с точки зрения того, что Германия будет господствовать в этом районе. Я хочу, чтобы войска и самолеты, бездействующие в Египте, были бы как можно быстрее использованы в случае вступления Турции в войну».⁷¹

Согласившись с тем, что следует «попытаться заставить Турцию воевать»,⁷² Сталин высказал точку зрения Советского правительства: «...я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали».⁷³ Отмечая, что вопрос о Турции—«это и политический, и военный вопрос», Сталин считал более необходимым и достижимым до-

⁶⁹ „Vatan“, 6. IX. 1943. Цит. по: *T. Ataöv*, *op. cit.*, p. 112—113.

⁷⁰ «Тегеран, Ялта, Потсдам», стр. 42—43, 67—68.

⁷¹ Там же, стр. 72.

⁷² Там же, стр. 47.

⁷³ Там же, стр. 44—45.

биться выполнения Турцией хотя бы части ее союзнических обязательств: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция больше не играла между нами и Германией».⁷⁴

Рузвельт не был расположен содействовать осуществлению целей английского правительства на Балканах и Ближнем Востоке. Основным аргументом президента США против развития операций в районе Балкан и в восточной части Средиземноморья было утверждение, что они приведут к отсрочке «Оверлорда». «Конечно, я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но, будь я на месте турецкого президента,—утверждал Рузвельт,—я запросил бы за это такую цену, что ее можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд».⁷⁵

Стараясь убедить своих собеседников и добиться их содействия в вовлечении Турции в войну, Черчилль упорно доказывал, что англичане не имеют «ни интересов на Балканах, ни честолюбивых устремлений».⁷⁶ «Мы, англичане, являемся союзниками Турции, и мы приняли на себя ответственность постараться убедить или заставить Турцию вступить в войну до рождества /.../. От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразиться на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл»,⁷⁷—говорил Черчилль, не скрывая в Тегеране своего раздражения турецкой политикой.⁷⁸

Вопрос о позиции турецкого правительства и перспективах развития взаимоотношений между союзниками и Турцией специально обсуждался 1 декабря.⁷⁹ Бы-

⁷⁴ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 46.

⁷⁵ Там же, стр. 46—47.

⁷⁶ Там же, стр. 67.

⁷⁷ Там же, стр. 68.

⁷⁸ Там же, стр. 85—89.

⁷⁹ Там же.

до решено сделать попытку убедить Турцию принять участие в войне.⁸⁰

1 декабря 1943 года Черчилль пригласил президента Иненю встретиться с ним и с президентом США в Каире 4 декабря. Если визит «обеспечит возможность в обстановке свободы, равноправия и объективности обменяться мнениями о том, каким образом Турция сможет лучше всего послужить общему делу»,—ответил турецкий президент,—приглашение будет принято. Комментируя это условие, английский посол разъяснял, что выдвинуто оно с целью предотвратить ослабление позиций президента Турции в Великом национальном собрании.⁸¹ Однако очевидной целью Иненю было сделать своего рода предупреждение английскому премьер-министру воздержаться от прямого давления. Тем самым турецкое правительство хотело выторговать для себя наиболее выгодные условия переговоров. Один из видных членов турецкого правительства несколько позднее рассказал английскому послу, что, уезжая в Каир, турецкий президент уже располагал согласием правительства и партии на вступление Турции в войну.⁸² Атаёв в своем исследовании признает этот факт.⁸³

Во время встречи в Каире была достигнута договоренность о том, что подготовительные мероприятия для этого акта будут осуществлены в два этапа. Сперва в Турцию будут направлены технические специалисты—около 2 тыс. человек—и поставлены военные материалы, а в момент объявления Турцией войны туда придут 17 английских эскадрилий. Дальше, однако, дело не продвинулось, так как турецкие представители утверждали, что появление на территории Турции английского персонала спровоцирует войну до того, как придут авиация. Англичане же не могли уступить, так как были убеждены, что до тех пор, пока не придут технический персонал, нельзя перебрасывать в Турцию самолеты. В конце концов было решено, что переговоры бу-

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Дж. Эрман, указ соч., стр. 214.

⁸² H. Knatchbull-Hugessen, op. cit., p. 197.

⁸³ Т. Атаёв, op. cit., p. 116.

дут продолжены, англичане немедленно направят в Анкару экспертов, а президент Иненю представит Великому национальному собранию подробный секретный доклад о программе совместных действий, разработанной английским Комитетом начальников штабов и премьер-министром.⁸⁴

То обстоятельство, что Иненю после бесплодных попыток добиться от Рузвельта увеличения поставок, а от Черчилля—удлинения подготовительного периода в принципе согласился на предоставление союзникам военно-воздушных баз, было расценено Черчиллем как весьма обнадеживающее. Сталин и Рузвельт отнеслись к нему спокойно. Последний, хотя и поддержал во время переговоров требование о вступлении Турции в войну, видимо, сочувствовал туркам и оправдывал их колебания.⁸⁵

О том, что глава турецкого государства отправился в Каир для встречи с Рузвельтом и Черчиллем, германское посольство узнало через «Цицерона».⁸⁶ Как только президент и министр вернулись в Анкару, Папен предупредил Менеменджиоглу, что согласие турецкого правительства на требование союзников «неизбежно приведет к германским репрессиям» с «полным разрушением» Стамбула и Измира.⁸⁷ В ответ турецкий министр выдвинул контртезис: сохранение Турцией существующей позиции (иными словами, отказ турецкого правительства вступить в войну) полностью зависит от удержания Германией Восточного фронта и Эгейских островов. Кроме того, Турции было сообщено, что расчеты на то, что предоставление союзникам турецких баз не повлечет за собой объявления войны со стороны Германии, совершенно ошибочны, а надежды на отход Болгарии от оси необоснованы.⁸⁸

Немцы, во всяком случае посольство в Анкаре, получившие копии материалов Тегеранской конферен-

⁸⁴ Дж. Эрман, указ. соч., стр. 215.

⁸⁵ Там же, стр. 216.

⁸⁶ Л. Мойшиш, указ. соч., стр. 80.

⁸⁷ F. von Papen, op. cit., p. 516.

⁸⁸ Дж. Эрман, указ. соч., стр. 232.

ции, опасались, что максимальное давление, согласованное в Тегеране может вовлечь Турцию в войну.⁸⁹ Посольству стало известно что «ввиду ухудшившегося военного положения Германии Анкара, уступая требованиям англичан, готова допустить все возрастающее «просачивание» в Турцию личного состава английских сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил».⁹⁰ Немедленно потребовав приема у Менеменджюглу, германский посол еще раз предупредил турецкое правительство о серьезности последствий отклонения Турции от политики нейтралитета. Министр, как всегда, заверил Папена, что Турция не собирается нарушить нейтралитет. Папену пришлось сообщить о сведениях, которыми располагала Германия. Не цитируя документов, он был вынужден дать понять, что знает много больше, чем предполагает правительство Турции. В ответ Менеменджюглу заявил, что Папена «должно быть неправильно информировали... В Анкаре или Лондоне действительно могло состояться несколько бесед между военными специалистами... но... было бы неправильно придавать этим переговорам такое большое значение».⁹¹

Следует отметить, что Менеменджюглу не слишком отступал от истины, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что англичане переоценивали результаты второй Каирской конференции. Не прошло и недели после встречи в Каире, как турецкое правительство заявило, что, хотя и не отказывается в принципе от предложения союзников, по-прежнему считает, что угроза германских контрмер очень велика, и потому вынуждено настаивать на значительном увеличении предложенной помощи.⁹² Изменение турецкой позиции проявилось и в критических высказываниях относительно переговоров в Каире, которые позволил себе турецкий министр иностранных дел. Речь, собственно, может идти не об изменении турецкой позиции, а лишь о более откровенном проявлении известной турецкой концепции,

⁸⁹ Л. Мойшиш, указ. соч., стр. 78—80.

⁹⁰ Там же, стр. 90.

⁹¹ Там же, стр. 90—91.

⁹² Дж. Эрмач, указ. соч., стр. 232.

которая по вполне понятным соображениям приняла в Каире осторожно-податливую форму. Теперь турецкие государственные деятели выражали недовольство тактикой нажима, примененной англичанами во время переговоров.⁹³ Передислокация германских войск в Болгарии тоже использовалась правительством Турции как доказательство подготовки Германией серьезных ответных операций.⁹⁴ Английское правительство решило сделать еще одну уступку и предложило Турции дополнительные поставки артиллерии, танков, самолетов-истребителей «Спитфайер» и средних бомбардировщиков на условии, что Турция подтвердит свою готовность выполнить прежние обязательства. При этом турецкому правительству дали понять, что в случае отрицательного ответа поставки будут прекращены и Турция не сможет рассчитывать на дипломатическую поддержку Великобритании.⁹⁵

Поскольку переговоры затянулись, а к середине января 1944 года вообще зашли в тупик, английское правительство решило произвести на Турцию сильный нажим, но так, чтобы избежать предельного обострения отношений. Маршал авиации Ф. Линселл, находившийся с конца декабря в Турции, 31 января получил распоряжение немедленно выехать из страны и 3 февраля покинул Анкару. 4 февраля Англия прекратила военные поставки в Турцию, не сделав никаких разъяснений.⁹⁶ Однако реакция турецкого правительства не дала правительству Англии оснований надеяться, что Турция станет просить о возобновлении переговоров. Англичанам пришлось исключить из своих планов расчет на вступление Турции в войну в ближайшее время.⁹⁷

⁹³ Дж. Эрман, указ соч., стр. 232.

⁹⁴ Фактически верховное командование Германии 8 декабря 1943 г. оказалось в состоянии выделить для действий в Болгарии только 60-ый танково-гренадерский дивизион и вынуждено было признать, что на случай операции «Гертруда» «не готовы никакие германские силы» (КТВ ОКВ, Bd. III/2, S. 1346, 1350, 1372).

⁹⁵ Дж. Эрман, указ соч., стр. 233.

⁹⁶ Там же, стр. 241.

⁹⁷ Раздраженный Черчилль в марте 1944 г. заявил: «Нельзя

9 апреля министр иностранных дел США потребовал от правительств нейтральных государств прекратить торговые связи с Германией. Вслед за этим, 14 апреля, Англия и Соединенные Штаты направили турецкому правительству резкую ноту, в которой выражали недовольство турецкими поставками стратегических материалов в Германию и предупреждали правительство Турции, что возобновление поставок Германии может привести к блокаде Турции союзниками.⁹⁸

Эта угроза союзников и не в меньшей степени успешное наступление советских войск—освобождение Одессы, вступление советских армий в Крым⁹⁹—побудили турецкое правительство к некоторому пересмотру своей позиции. 20 апреля Менеменджюглу заявил в парламенте, что Турция немедленно прекращает поставки в Германию хромовой руды¹⁰⁰ (однако до 1 мая Германия вывозила из Турции хром в максимально возможном количестве).¹⁰¹ Кроме того, он подчеркнул: «Согласно нашему пакту с Британией мы не нейтральны, следовательно, поэтому нам необходимо рассматривать ноту союзников как адресованную не нейтральному государству, а союзнику Британии и ее союзников». Затем турецкий министр иностранных дел сделал еще один шаг: «Случись так, что жизненные интересы турецкой нации потребуют, чтобы однажды мы подняли оружие,—заявил Менеменджюглу,—это не должно быть сюрпризом для нас... Давайте всегда будем готовы и морально и материально».¹⁰²

давать оружие туркам, которые не хотят его использовать для борьбы, не умеют с ним обращаться, и даже возник вопрос, умеют ли они его чистить» (Цит. по: А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, стр. 207).

⁹⁸ Documents on American Foreign Relations (далее DAFR), vol. VI, p. 224; T. Ataöv, op. cit., p. 121.

⁹⁹ Германский генеральный штаб не без оснований считал изменение турецкой позиции следствием успеха советских войск в Крыму и на Черном море (КТВ ОКВ, Bd. IV/1, S. 810—811).

¹⁰⁰ „Ulus“, 21. IV. 1944.

¹⁰¹ DAFR, vol. VI, p. 224; A. Kilitic, op. cit., p. 108.

¹⁰² Цит. по: T. Ataöv, op. cit., p. 121—122.

Теперь в Берлине, видимо, сомневались, что Турцию удастся удержать от участия в войне на стороне союзников, и потому вернулись к пересмотру операций по плану «Гертруда».¹⁰³ Но Германия была бессильна предпринять сколько-нибудь решительные меры. Риббентроп направил турецкому правительству резкую ноту с угрозами, а над Стамбулом появились немецкие самолеты (что повлекло за собой распоряжение турецких властей о светомаскировке),¹⁰⁴ но тем дело и кончилось.

Наконец, в середине мая 1944 г. была достигнута договоренность между Англией и Турцией о разрыве последней дипломатических отношений с Германией в августе того же года. Турецкое правительство заявило Германии, что вся немецкая колония должна быть эвакуирована из Турции к концу лета, в противном случае все германские подданные будут интернированы.

Но и теперь Турция затягивала свое вступление в войну. Выступая в палате общин, английский премьер заявил, что турецкое правительство переоценивает опасности, связанные с вступлением Турции в войну, и требует от Англии такого количества военных поставок, что война, вероятно, закончится раньше, чем Великобритания сумеет эти поставки осуществить, принимая в расчет только возможности транспорта и коммуникаций.¹⁰⁵

Не желая воевать против Германии, правительство Турции, однако, проявляло теперь озабоченность состоянием своих взаимоотношений с Советским Союзом. В начале марта 1944 г. были освобождены советские граждане Павлов и Корнилов, осужденные на 20 лет тюремного заключения в июле 1942 г. за «покушение» на германского посла. К середине мая турецкое правительство приняло меры для частичного прекращения деятельности пантюркистских организаций,¹⁰⁶ которую длительное время поддерживало и поощряло. Антисоветская деятельность этих организаций, территориальные

¹⁰³ КТВ ОКВ, Bd. IV/1, S 119.

¹⁰⁴ *T. Ataöv*, op. cit., p. 122.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 119.

¹⁰⁶ *Ibid.*

претензии к Советскому Союзу, откровенно проповедовавшиеся ими, к лету 1944 г. стали обременительными для турецкой внешней политики. Советский Союз заканчивал войну сильным и несокрушимым. Не удивительно, что турецкий президент вновь заговорил о России «как о старом и изначальном друге (Турции) дней войны за независимость». «Турция не будет отравлена фашистскими и расистскими доктринами,—утверждал теперь Иненю.—Мы используем все средства, находящиеся в распоряжении республики, чтобы оградить страну от влияния неправильных и вредных проповедей недостойных лиц».¹⁰⁷

Одновременно Турция пропустила в мае и в начале июня 1944 г. через проливы из Черного в Эгейское море германские военные и военно-вспомогательные суда типа «Эмс»—8 судов и «Кригтранспорт»—5 судов¹⁰⁸. Такие нарушения конвенции о режиме проливов, как известно, делались, несмотря на протесты союзников,¹⁰⁹ но в отличие от прошлых лет правительство Турции теперь вынуждено было серьезнее реагировать на протесты Советского Союза и Англии (ноты от 4, 9 и 14 июля 1944 г.).¹¹⁰ Правда, министр иностранных дел продолжал настаивать на том, что не следует подчиняться давлению союзников. Это мнение, однако, не нашло достаточной поддержки. Президент и кабинет министров решили запретить проход через проливы таких судов. 15 июня Менеменджиоглу ушел в отставку. Что касается Германии, то здесь военно-морское руководство вопреки требованиям Риббентрона решило воздерживаться от новых попыток вывести суда из Черного моря, опасаясь вызвать дальнейшее углубление связей Турции с антигитлеровской коалицией.¹¹¹

В конце июня правительства Англии и Соединенных Штатов через своих послов обратились к Турции с

¹⁰⁷ Цит. по: *T. Atabeg*, *op. cit.*, p. 120.

¹⁰⁸ «Внешняя политика Советского Союза, 1946 г.», стр. 168.

¹⁰⁹ Там же, стр. 167—168.

¹¹⁰ См. *J. Glascock*, *op. cit.* I, S. 155.

¹¹¹ *Fuehrer Conferences on Naval Affairs 1931—1945*. „Brassey's, Naval Annual". 1945, p. 399—400.

требованием порвать дипломатические отношения с Германией. 12 июля 1944 года Черчилль обратился с письмом к Сталину, добываясь согласия Советского Союза признать достаточным этот турецкий шаг.¹¹² Касаясь вопроса «тех или иных полумер со стороны Турции», Сталин ответил, что не видит «пользы в этом для союзников». Отметив безрезультатность предыдущих попыток добиться участия Турции в войне против Германии, Сталин писал: «Ввиду занятой Турецким Правительством уклончивой и неясной позиции в отношении Германии лучше оставить Турцию в покое и предоставить ее своей воле, не делая новых нажимов на Турцию. Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут».¹¹³

Бесполезность намечаемого Турцией шага не могли не понимать и государственные деятели западных союзных держав. Их настойчивость основывалась на соображениях другого рода: Англия и Америка стремились сохранить свое влияние через Турцию в районе Балкан, Ближнего и Среднего Востока, для чего было необходимо создать видимость ее присоединения к антигитлеровской коалиции.

В течение следующего месяца закончились проходившие с конца апреля англо-американо-турецкие экономические переговоры, имевшие своей целью сократить турецкий экспорт в Германию на 50% по сравнению с 1943 г.¹¹⁴ Завершение этих переговоров, прерванных в связи с конфликтом из-за пропуска германских судов через проливы, определило направление экономических и политических связей Турции уже и на весь послевоенный период. Американский империализм решительно и без особого труда стал основным торговым партнером Турции. США заявили о своей готовно-

¹¹² «Переписка...», т. 1, док. 294, стр. 239. Черчилль—Сталину, 12 июля 1944 г.

¹¹³ Там же, док. 297, стр. 241. Сталин—Черчиллю, 15 июля 1944 г.

¹¹⁴ W. N. Medlicott, *op. cit.*, vol. 2, p. 544—545. Подробно об англо-американо-германской конкурентной борьбе в экономической области в 1943—1944 гг. см. J. Glasneck, *op. cit.* 1, S. 145—155.

сти поставлять Турции все без исключения товары, которые до последнего времени поступали из Германии.¹¹⁵ Американское правительство позаботилось и о турецком экспорте, распорядившись в соответствующих инстанциях выделить для этой цели 25 миллионов долларов.¹¹⁶ Соответственно доля США в турецком экспорте составила к 1945 г. 43,8%.¹¹⁷ Так Турция без ущерба для своей внешней торговли смогла отказаться от экономических связей с Германией.

Заявление о разрыве Турцией дипломатических отношений с Германией последовало 2 августа 1944 года. При этом турецкое правительство демонстративно придало этому шагу форму вынужденности, что на этот раз вполне соответствовало истинному положению вещей. Германия и Турция, что называется, «расстались друзьями». Турецкое правительство предоставило германским подданным более чем достаточно времени для эвакуации из Турции,¹¹⁸ а банки и страховые компании рейха продолжали свою деятельность еще длительное время.¹¹⁹ Германский посол, выехавший из Турции 5 августа, на прощальной аудиенции у президента Иненю еще раз получил заверения, что в случае необходимости Германия может рассчитывать для посредничества на услуги турецкого правительства в лице президента.¹²⁰ Пресса обеих стран в полном соответствии с правительственной политикой тоже последовательно придерживалась сдержанных тонов.¹²¹

Германское главнокомандование и командование юго-восточной зоны уже не предполагали возможность каких-либо военных действий со стороны Турции и использовали резервы этого района в борьбе с югославскими партизанами.¹²²

¹¹⁵ W. N. Medlicott, *op. cit.*, vol. 2, p. 545.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ *Ibid.*

¹¹⁸ «Правда», 30 августа 1944 г.

¹¹⁹ H. Knatchbull-Hugessen, *op. cit.*, p. 202; «Большевик», № 16, 1944 г.

¹²⁰ F. von Papen, *op. cit.*, p. 527.

¹²¹ H. Knatchbull-Hugessen, *op. cit.*, p. 202; «Большевик», № 16, 1944 г.

¹²² КТВ ОКВ, Bd. IV I, S. 679.

Но если Германия не имела причин для недовольства политикой Турции, то общественное мнение в странах антигитлеровской коалиции проявляло в оценках турецкой политики вообще и в отношении разрыва ею дипломатических отношений с Германией, в частности, холодную сдержанность.¹²³ А правительства западных союзников всю осень 1944 и зиму 1945 года продолжали оказывать нажим на Турцию, добиваясь с ее стороны дальнейшей демонстрации приверженности к антигитлеровской коалиции. Результатом этого давления явились разрыв взаимоотношений Турции с Японией, объявленный 5 января, и открытие 12 января проливов для прохода союзнических судов, перевозивших грузы для Советского Союза по поставкам ленд-лиза.¹²⁴ Однако от участия в войне турецкое правительство должно было уклоняться.

Вопрос об участии Турции в создававшейся Организации Объединенных Наций был решен на Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании, происходившей с 4 по 11 февраля 1945 г. Рассматривая вопрос о членстве в Организации Объединенных Наций, руководители трех союзных держав обсудили и «один важный практический вопрос», поставленный Рузвельтом: «Следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны», например Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Египет, Исландию, которые порвали отношения с Германией по не объявили ей войны?»¹²⁵ Сталин отметил, что следует «обратить внимание на то, что если на конференцию будут приглашены не только страны, объявившие войну, но и «присоединившиеся», то странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны».¹²⁶ В результате обсуждения было решено, что на конференцию¹²⁷

¹²³ *J. Glasneck*, *op. cit.* II, S. 297.

¹²⁴ *G. Jäschke*, *op. cit.*, S. 38; *A. Kilić*, *op. cit.*, p. 109.

¹²⁵ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 150.

¹²⁶ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 157.

¹²⁷ Речь шла о Конференции Объединенных Наций, открывшейся 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско.

будут приглашены все те державы, которые объявят Германии войну до 1 марта 1945 г.¹²⁸ Не удовлетворившись принципиальным решением относительно «присоединившихся стран», английский премьер-министр отдельно высказался за приглашение Турции. Убеждая своих собеседников, он заявил: «Турция заключила с Англией союз еще до начала войны, в очень опасное время. Когда началась война, турки считали, что их армия недостаточно хорошо вооружена для современного типа войны. Тем не менее позиция Турции была дружественной и полезной во многих отношениях. Турки даже предлагали англичанам помощь, хотя англичане не воспользовались этим предложением... не следует ли туркам дать возможность раскаться на смертном одре?». ¹²⁹ Стороны согласились, что «Турцию следует пригласить, если она объявит войну Германии до конца февраля». ¹³⁰

20 февраля 1945 г. английский и американский послы в Анкаре информировали турецкое правительство о принятом на Крымской конференции решении. 23 февраля турецкое правительство объявило войну Германии и Японии.¹³¹ То, что Турция пошла на этот шаг под давлением предложенного ей условия, было открыто признано и турецким правительством. «...Мы вступили в войну против немцев и японцев лишь по требованию союзников,—заявил турецкий президент.—Это должно быть имело для них какое-то значение, поэтому они и настаивали на этом». ¹³² И в этой части своего заявления президент был прав: Англия и Соединенные Штаты имели на Турцию значительные виды. И дело было не только в их желании обеспечить себе в лице Турции еще один голос в Организации Объединенных Наций, что имело, конечно, свое значение, но прежде всего они стремились сохранить Турцию как важнейший оплот, форпост своей политики на Балканах и Ближнем Востоке.

¹²⁸ «Тегеран. Ялта. Потсдам», стр. 158.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ DAFR, vol. VII, p. 297—298; G. Jäschke, op. cit., S. 40.

¹³² İnönü'nün Söylev ve Demeçleri, S. 394.

З а к л ю ч е н и е

Турецкая политика накануне второй мировой войны характеризуется отходом турецких правящих кругов от национальных интересов страны, постепенным сближением с империалистическими державами. Турция приняла участие в средиземноморской политике Англии и Франции и присоединилась к их мюнхенскому курсу на провоцирование германской агрессии против Советского Союза. Таким образом, уже накануне войны отчетливо проявились антисоветские тенденции турецкого внешнеполитического курса.

В годы второй мировой войны внешнеполитический курс турецкого правительства претерпевает эволюцию, в которой можно проследить четыре этапа.

Подписав 19 октября 1939 года договор о взаимопомощи с Англией и Францией, Турция занимает позицию невоюющего союзника западных держав (октябрь 1939 г.—июнь 1940 г.).

Отказавшись от исполнения договорных обязательств, Турция сохраняет нейтралитет, благожелательный относительно Англии (июнь 1940 г.—май 1941 г.).

Заклучив с Германией 18 июня 1941 года договор о дружбе и ненападении, турецкие правящие круги, балансируя на грани нейтралитета, оказывают содействие Германии в войне против Советского Союза в расчете на возможность аннексии Кавказа (июнь 1941 г.—лето 1943 г.).

После разгрома немцев под Сталинградом и коренного перелома на советско-германских фронтах Турция повторно сближается с Англией и США. В этот период турецкий нейтралитет служит средством извлечения выгоды из торговых отношений с Германией и переговоров

с Англией и США о вступлении в войну (лето 1943 г.— 1945 г.).

В течение всех военных лет турецкое правительство проводило политику балансирования, в зависимости от ситуации растягивая свой нейтралитет в пользу той или другой стороны, преследуя во внешней политике собственные цели. Турция последовательно избегала непосредственного участия в военных действиях на любой стороне, вероятно, опасаясь военного разгрома. При этом она откровенно стремилась быть к концу войны хорошо вооруженной обоюдными усилиями обеих лагерей. Пользуясь создавшейся возможностью страховать себя и перестраховываться, Турция в подавляющем большинстве случаев позволяла «вовлечь себя в орбиту» определенной политики только тогда, когда это обещало привести к осуществлению интересов турецких правящих кругов.

В конечном счете, Турция сумела уклониться от участия в военных действиях на стороне антигитлеровской коалиции и вообще от оказания ей реальной помощи, ибо символическое объявление войны Германии и Японии в феврале 1945 года никакого практического значения не имело. С помощью Англии и США Турция получила возможность принять участие на конференции в Сан-Франциско и доступ в Организацию Объединенных Наций, но изолировала себя от СССР, утратив тем самым наиболее важную для себя поддержку в международной политике.

Позиция Турции в течение всех военных лет свидетельствует о постоянной антисоветской направленности политики турецких правящих кругов, о приверженности турецких государственных деятелей идеям пантюркизма и корыстности турецкого политического курса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22.
- Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции, Соч., т. 23.
- Ленин В. И.* Крах II Интернационала, Соч., т. 21.
- Ленин В. И.* Тетради по империализму, Соч., т. 28.
- Ленин В. И.* Доклад о концессиях, Соч., т. 42.
- Ленин В. И.* Внешняя политика русской революции, Соч., т. 25.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы, Соч., т. 21.
- XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—III, Госполитиздат, 1956.
- XXI внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—II, Госполитиздат, 1959.
- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—III, Госполитиздат, 1962.
- XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—II, Политиздат, 1966.
- XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—II, Политиздат, 1972.
- XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—III, Политиздат, 1976.

Неопубликованные документы и материалы

ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 2, оп. 12, оп. 13, оп. 24, оп. 25, оп. 26, оп. 27/1, оп. 28/2, оп. 31/5.

Публикации документов и официальных материалов

- Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV (1935—июнь 1941 г.). М., 1946.
- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. I—III, Госполитиздат, 1944—1947.

- Внешняя политика Советского Союза. 1946 год, Госполитиздат, 1952.
- Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны, М., 1962.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1; т. 2. Архив Дирксена, М., 1948.
- Документы Министерства иностранных дел Германии, вып. 2. Германская политика в Турции (1941—1943), Госполитиздат, 1946.
- Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов, М., 1939.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в семи томах, М., 1957—1961.
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в трех томах, М. 1965—1966.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. т. 1—2, Госполитиздат, 1957.
- «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.
- «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.)». Документы и материалы, М., 1971.
- «Тегеран. Ялта. Потсдам». Сборник документов, М., 1971.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Ser. D:1937—1945, Bd. 5—8, Frankfurt/Main, 1956—1961.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945, Ser. E:1941—1945, Bd. 1—2, Göttingen, 1969—1972.
- Allianz Hitler—Horthy—Mussolini. Dokumente zur ungarischen Außenpolitik (1933—1944), Budapest, 1966.
- Dokumente der Deutschen Politik. Reihe: Das Reich Adolf Hitlers, Bd. 9, Berlin, 1944.
- Documents on American Foreign Relations, vol. 1—VII (1939—1945), Boston, 1940—1946.
- Documents on British Foreign Policy 1919—1939, Third ser., vol. IV—X, London, 1951—1961.
- Documents on German Foreign Policy 1918—1945, Ser. D:1937—1945, vol. IX—XIII, London—Washington, 1956—1964.
- Documents on International Affairs 1939—1946, vol. 1—2, London, 1951—1954.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939 vol. 4. The Far East, the Near East and Africa, Washington,

- 1955; 1940, vol. 1, General, 1959; vol. 3. The British Commonwealth. The Soviet Union. The Near East and Africa, 1958; 1941, vol. 3. British Commonwealth. The Near East and Africa, 1959; 1942, vol. 4. The Near East and Africa, 1963; 1943, vol. 4. The Near East and Africa, 1964.
- Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. Conference at Cairo and Teheran, 1943, Washington, 1961.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Conferences at Malta and Yalta, 1945, Washington, 1955.
- Fuehrer Conferences of Naval Affairs 1939—1945, „Brasse's Naval Annual 1948“, London/New York.
- Die Geheimakten des französischen Generalstabes (Auswärtiges Amt 1939/1941, №. 6), Berlin, 1941.
- Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942—1945, Stuttgart, 1962.
- Hitler's Secret Conversation 1941—1944, N. Y., 1953.
- Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht, Frankfurt/Main, 1962.
- Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record, vol. 2, New York, 1956.
- Jacobsen H.-A. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1961.
- Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht 1941—1945, Bd. I—IV, Frankfurt/Main, 1961—1965.
- Nazi-Soviet Relations 1939—1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office, Washington, 1948.
- Picker H., Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—1942, Bonn, 1951.
- Recent American Foreign Policy. Basic Documents 1941—1951, N. Y., 1952.
- Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über die Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, Teil 1—2, 1939—1944, Frankfurt/Main, 1967—1970.
- The Testament of Adolf Hitler. The Hitler-Borman Documents. February-April 1945, London, 1961.
- Treaty of Mutual Assistance between His Majesty in Respect of the United Kingdom, the President of the French Republic and the President of Turkish Republic. Angora, October 19, 1939.
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vol. I—XLII, Nuremberg, 1947—1951.

Пресса, периодические издания

«Известия», 1939—1945.

«Правда», 1939—1945.

Отдельные номера:

«Большевик»

«Военно-исторический журнал»

«Война и рабочий класс»

«Вопросы истории»

«Коммунистический Интернационал»

«Международная жизнь»

«Мировое хозяйство и мировая политика»

«Ученые записки Института востоковедения АН СССР».

„Economist“

„Etudes balkaniques“

Milliyet“

„Tan“

„Ulus“

„Völkischer Beobachter“

„Yeni Sabah“

„Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“, и др.

Дневники, мемуары, речи

Базна Э. Я был Цицероном, М., 1965.

Бережков В. М. Годы дипломатической службы, М., 1972.

Де Голль Ш. Военные мемуары, т. 1—2, М., 1957—1960.

Гречко А. А. Битва за Кавказ, М., 1967.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, М., 1969.

Караосманоглу Я. К. Дипломат поневоле (Воспоминания и наблюдения), М., 1966.

Майский И. М. Кто помогал Гитлеру, М., 1962.

Мойшиш Л. «Операция «Цицерон», М., 1965.

Рузвельт Э. Его глазами, М., 1947.

- Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца, т. т. 1—2, М., 1958.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, кн. I, М., 1968.
- Aras T. R.* Görüşlerim, İstanbul, 1945.
- Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri (1919—1937).* İkinci Baskı, I—III, Ankara, 1959—1961.
- Byrnes J. F.* Speaking Frankly, New York, 1947.
- Cretziana Al.* The Lost Opportunity, London, 1957.
- Ciano G.* The Ciano Diaries (1939—1943), New York, 1946.
- Churchill W.* The Second World War, vol. 1. Gathering Storm, London, 1948; vol. 2. Their Finest Hour, London, 1949; vol. 3., The Grand Alliance, London, 1950; vol. 4. The Hinge of Fate, London, 1950; vol. 5. Closing the Ring, London, 1951; vol. 6. Triumph and Tragedy, London, 1953.
- Dirksen H. von.* Moskau—Tokio—London. Erinnerungen und Betrachtungen zur 20 Jahren deutscher Aussenpolitik. 1919—1939, Stuttgart, 1949.
- Gafencu G.* Last Days of Europa. New York, 1948.
- Halder F.* Kriegstagebuch, Bd. 1—3. Stuttgart, 1962—1964.
- Hassel U. von.* Diaries 1938—1944. New York, 1949.
- Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull, vol. II, New York, 1947.
- İnönü'nün Söylev ve Demeçleri.* İstanbul, 1946.
- Jäschke G.* Die Türkei in den Jahren 1935—1941. Geschichtskalender. Leipzig, 1943.
- Jäschke G.* Die Türkei in den Jahren 1942—1951. Geschichtskalender, Wiesbaden, 1955.
- Kennedy J.* The Business of War, London, 1957.
- Knatchbull-Hugessen H.* Diplomat in Peace and War, London, 1949.
- Leasen J.* The Clock with Four Hands, London, 1958.
- Millî Şef'in Söylev, Demeç ve Mesajları,* İstanbul, 1945.
- Papen F. von.* Memoirs, London, 1952.
- Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich—New York, 1940.
- Ribbentrop J. von.* Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen, Leoni am Starnberger See, 1953.
- Rosenberg A.* Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs (1934/1935 und 1939/1940), München, 1956.
- Schellenberg W.* The Schellenberg Memoirs. A Record of the Nazi Secret Service, 1956.
- Schmidt P.* Statist auf diplomatischer Bühne: 1923—1945, Bonn, 1954
- Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference, New York, 1949.

Weizsäcker E. von. Erinnerungen, München-Tübingen, 1950.

Yalman A. E. Turkey in my Time, Universiti of Oklahoma Press: Norman, 1957.

Исследования, книги, статьи

Алексеев В. М., Керимов М. А. Внешняя политика Турции, М., 1961.
Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941 г., М., 1959.

Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941—август 1942. М., 1967.

Бекиев Б. Германо-турецкие отношения накануне и в годы второй мировой войны, М., 1963 (канд. дисс.)

Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г. Германия во второй мировой войне (1939—1945). М., 1971.

Большая ложь о войне, М. 1971.

Боцаров И. Н. О происхождении итальянского нейтралитета в начале второй мировой войны. Научные доклады высшей школы. Историч. науки, 1961, № 2.

Бэлтяну Б. Влияние Сталинградской битвы на политическое положение в Румынии. «Военно-исторический журнал», 1961, № 2.

Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма накануне и в начальный период второй мировой войны, М., 1964.

Васильев И. О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне, Госполитиздат, 1951.

Васильев Н. Новое во внешней политике Турции, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 6.

Васильев Н. Турция в орбите европейской войны. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 4—5.

Вдовиченко Д. И. Национальная буржуазия Турции, М., 1962.

Вдовиченко Д. И. Борьба политических партий в Турции (1944—1965), М., 1967.

«Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над Германией». Кн. 1. Общие проблемы, М., 1966.

«Вторая мировая война и современность». Сб. статей, М., 1972.

Ганюшкин Б. Нейтралитет и неприсоединение, М., 1965.

Гениш И. Экспансия германского фашизма на Ближнем Востоке. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939, № 2.

Грак В. И. Империалистические противоречия на Ближнем Востоке после капитуляции Франции (июнь—сентябрь 1940 г.), «Балка-

- ны и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны», Ученые записки Уральского университета № 74. Серия историч., вып. 12, Свердловск, 1968.
- Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933—1938, М., 1966.
- Данциг Б. М.* Турция, М., 1949.
- Данциг Б. М.* Турецкая Республика, М., 1956.
- Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. 1—2, М., 1973.
- Деборин Г. А.* Вторая мировая война, М., 1958.
- Деборин Г. А.* О характере второй мировой войны, М., 1960.
- Димитров И.* Итальянская агрессия против Греции и болгарская внешняя политика, „Etudes balkaniques“, 1974, № 2—3.
- Дранов Б. А.* Черноморские проливы (международно-правовой режим), М., 1948.
- Егоров Ю. А.* Некоторые факты из истории нейтральной политики Скандинавских стран. Скандинавский сборник (Тартусский ун-т), 1959, № 4.
- Ерусалимский А. С.* Колоннальные планы германского империализма, «Мировое хозяйство и мировая политика», 1935, № 8.
- Живкова Л.* Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг., М., 1975.
- Жуковский Н.* На дипломатическом посту, М., 1973.
- Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта, «Международная жизнь», 1961, № 8.
- Зуев Ф.* Балканы, Ближний и Средний Восток накануне и в первый период второй мировой войны, М., 1950.
- Иванов Л. Н.* Очерки международных отношений в период второй мировой войны. 1939—1945, М., 1958.
- Ивашин И. Ф.* Внешняя политика СССР, М., 1958.
- Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма, М., 1960.
- Ионг Л. Де.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне, М., 1951.
- Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны), М., 1964.
- Исраэлян В. Л.* Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., М., 1959.
- Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха, М., 1967.

- История Болгарии, т. II, М., 1955.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. т. I—VI, М., 1960—1965.
- История второй мировой войны 1939—1945, т. 1—3, М., 1973—1974.
- История дипломатии, т. III, М., 1965; т. IV, М., 1975.
- История международных отношений и внешней политики СССР, т. II, 1939—1945, М., 1962.
- Итоги второй мировой войны, М., 1957.
- Кондакчян Р. П.* Политика милитаризации Турции в годы второй мировой войны, «Вестник Ереванского университета», 1972, № 1.
- Корниенко Р. П.* Рабочее движение в Турции в 1918—1963 гг., М., 1965.
- Крымский В.* Пантюркисты—фашистская агентура в Турции, «Большевик», 1944, № 10—11.
- Кулиш В. М.* Раскрытая тайна, М., 1965.
- Лавров А.* Фашистская экспансия в страны Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, «Большевик», 1938, № 16.
- Лавров Н. М.* Турция в 1939—1951 годах, М., 1952.
- Лебедев Н. И.* Румыния в годы второй мировой войны, М., 1961.
- Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, т. 2, М., 1964.
- Манчев К.* Правительство Цветковича-Мачека и борьба народных масс против присоединения Югославии к трехстороннему пакту, «Etudes balkaniques», 1965, № 2—3.
- Мельников Ю. М.* США и европейский политический кризис 1939 года, «Новая и новейшая история», 1959, № 3.
- Мерцалов А. Н.* Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне, М., 1967.
- Миллер А. Ф.* Краткая история Турции, М., 1948.
- Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, М., 1948.
- Миллер А. Ф.* Пути развития Турции, «Коммунист», 1959, № 3.
- Миллер А. Ф.* Турция и проблема проливов, М., 1947.
- Минаев В.* Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке, М., 1942.
- Моисеев П. П.* Закон о национальной защите, «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XIV, М., 1956.
- Моисеев П. П.* Промышленность Турции в годы второй мировой войны (1939—1945), «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», т. XXVI, М., 1958.
- Моисеев П. П.* Финансы Турции и положение трудящихся в годы

- второй мировой войны, «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XVII, М., 1959.
- Мольтке К.* За кулисами второй мировой войны, М., 1952.
- Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война, М., 1972.
- Муратов Н.* Турция в тисках внутренней и внешней реакции, М., 1949.
- Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., М., 1955.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945. М., 1958.
- Некрич А. М.* Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны, 1939—1941 гг., М., 1963.
- Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938—сентябрь 1939), М., 1955.
- Новейшая история Турции, М., 1968.
- Петров В.* Дипломатия Даунинг-стрита, М., 1964.
- Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида (внешняя политика Испании в годы второй мировой войны), М., 1971.
- Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения на Ближнем и Среднем Востоке во время второй мировой войны, «Новая и новейшая история», 1968, № 1.
- Поцхверия Б. М.* О внешней политике Турции, Специальный бюллетень, № 71, ИВАН, 1966.
- Проблемы истории второй мировой войны, М., 1959.
- Против фальсификации истории второй мировой войны, М., 1964.
- Прозектор Д. М.* Война в Европе, 1939—1941 гг., М., 1962.
- Прозектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное командование Германии во второй мировой войне. 1939—1945, М., 1968.
- Пряхин Д.* Внешняя политика Испании. М., 1968.
- Пушкаш А. И.* Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии 1938—1944, М., 1963.
- Размеров В. В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии, М., 1958.
- Розалиев Ю. Н.* Классы и классовая борьба в Турции, М., 1966.
- Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции 1923—1960, М., 1962.
- Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939), М., 1964.
- Румянцев Ф. Я.* Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке, М., 1972.

- Рыжиков В. А.* Зигзаги дипломатии Лондона (Из истории советско-английских отношений), М., 1973.
- Саакян Р. Г.* Антинаучное освещение истории советско-турецких отношений в современной турецкой историографии, Ереван, 1964 (на арм. яз.).
- Салов В. Н.* О западногерманской реакционной историографии нового и новейшего времени, «Новая и новейшая история», 1960, № 4.
- Сахибов Ш.* Проблемы внешней политики Турции в годы второй мировой войны, М., 1963 (канд. дисс.)
- Секистов В. А.* «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.), М., 1958.
- Секретные миссии, М., 1964.
- Смирнова Н.* Балканская политика фашистской Италии (Очерк дипломатической истории), (1936—1941), М., 1969.
- Сэюли Р. П. Г.* Фарбениндустри, М., 1948.
- Тарасов П. К.* Подготовка и заключение франко-турецкого соглашения об Александретском санджакке, «Из новейшей истории зарубежных стран», сб. статей, Уральский университет, Свердловск, 1963.
- Тарасов П. К.* Присоединение Турции к англо-французскому блоку накануне второй мировой войны, Ученые записки Уральского университета, № 46, серия историческая, вып. 3, часть 1, Свердловск, 1966.
- Тарасов П. К.* Франко-турецкие отношения накануне второй мировой войны 1936—1939 гг. (Краткий обзор источников). Ученые записки Уральского университета, № 74, серия историческая, вып. 12, Свердловск, 1968.
- Телегин Ф. Е.* Военно-экономическая подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР, «Новая и новейшая история», 1961, № 3.
- Телегин Ф. П.* Использование фашистской Германией ресурсов оккупированных и зависимых стран Европы для войны против СССР, «Военно-исторический журнал», № 6, 1961.
- Тошкова В.* Антифашистская борьба в Болгарии и политические отношения с Германией (1941—1944 гг.), „Etudes Historiques“ t. VI, Sofia, 1973.
- Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945), М., 1965.
- Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. Политическая биография, М., 1968.

- Файнгар И. М. Очерк развития германского монолистического капитала, М., 1958.
- «Фальсификаторы истории» (Историческая справка), Госполитиздат, 1952.
- Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933—1939 гг., М., 1963.
- Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор, М., 1956.
- Хаков Дж. Политиката на Турция в Арабския изток 1940—1970, София, 1972.
- Хвостов В. М. Германская экспансия на Востоке, ее история и идеологические корни, «Новая и новейшая история», 1961, № 3.
- Чемпалов И. Н. Англо-французские планы нападения на СССР с юга и политика гитлеровской Германии на Балканах (март-май 1940 г.), Ученые записки Уральского гос. университета, № 46, серия историческая, вып. 3, Свердловск, 1966.
- Чемпалов И. Н. Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь-октябрь), Ученые записки Уральского гос. университета, № 46, серия историческая, вып. 3, часть II, Свердловск, 1966.
- Чемпалов И. Н. Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства Германии на Балканах (май—сентябрь 1940 г.), Ученые записки Уральского гос. университета, № 46, серия историческая, вып. 3, часть II, Свердловск, 1966.
- Чемпалов И. Н. Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г. Ученые записки Уральского гос. университета, № 63, серия историческая, вып. 6, Свердловск, 1968.
- Чемпалов И. Н. Присоединение Болгарии к тройственному пакту и позиция великих держав. Ученые записки Уральского университета, № 74. Серия историческая, вып. 12, Свердловск, 1968.
- Чжу Кэ-жоу. Внешняя политика Турции накануне второй мировой войны, Л., 1963 (канд. дисс.)
- Шамсуддинов А. М. Турецкая Республика (Краткий очерк истории 1923—1961), М., 1962.
- Шпирт А. Предварительные итоги экономической войны 1939—1945 гг., «Мировое хозяйство и мировая политика», 1945, № 8.
- Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943—сентябрь 1944, М., 1958.
- Эрман Дж. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945, М., 1958.
- Юрьев Р. Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с юга в 1939—1940 годах, «Вопросы истории», 1949, № 2.

- Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны, М., 1963.
- Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт—человек и политик, М., 1969.
- Açikalin C.* Turkey's International Relations. „International Affairs“, vol. XXIII, N. 4 (October, 1947).
- Armaoglu F. H.* İkinci Dünya Harbinde Türkiye. Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi, vol. XIII, N. 2 (1958).
- Ataöv T.* Turkish Foreign Policy 1939—1945. Ankara, 1965.
- Aydemir S. S.* İkinci Adam: İsmet İnönü, c. 2, İstanbul, 1967.
- Ben-Horin, E.* The Middle East Crossroads of History. N. Y., 1943.
- Edwards A. C.* The Impact of the War on Turkey. „International Affairs“, vol. XXII, №. 3 (July 1946).
- Esmer A. Ş.* Siyasi Tarih (1919—1939). Ankara, 1953.
- Esmer A. S.* The Straits: Crux of World Politics. „Foreign Affairs“, January 1947.
- Esmer A. Ş.* Türk Diplomasisi (1920—1955). Yeni Türkiye. İstanbul, 1959.
- European faschisme, L. Weidenfeld, 1968.
- Feridun A. J.* Turkey's Active Neutrality. „Free Europa“. September 11, 1942.
- Förster G., Helmert H., Otto H., Schnitter H.* Der preussisch-deutsche Generalstab. 1940—1945. Zu seine politische Rolle in der Geschichte, Berlin, 1966.
- Glasneck J.* Deutsch—faschistische Propaganda in der Türkei. Methoden der deutsch-faschistischen Propagandatätigkeit in der Türkei vor und während des zweiten Weltkrieges, Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther Universität, Halle-Wittenberg 12/1966.
- Glasneck J.* Die imperialistischen Grossmächte und die Türkei am Vorabend und während des zweiten Weltkrieges, Halle (Saale). 1964 (Gucc).
- Glasneck J.* Die Türkei im deutsch-anglo-amerikanischen Spannungsfeld, in: *J. Glasneck, I. Kircheisen.* Türkei und Afghanistan-Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg, Berlin, 1968.
- Halil A.* Atatürkçü Dış Politika ve NATO ve Türkiye, İstanbul, 1968
- Hartmann H. W.* Die auswärtige Politik der Türkei 1923—1940, Zürich, 1941.
- Hentig W. O.* Der Nahe Osten rückt näher, Leipzig, 1940.
- Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944, Wiesbaden, 1954.
- Hillgruber A.* Hitlers Strategie. Politik und Kriegerführung 1940—1941, Frankfurt/Main, 1965.
- Holldack H.* Was wirklich geschah. Diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik, München, 1949.

- Hostler Ch.* Turkism and the Soviets, London, 1957.
- Howard H. N.* Germany, the Soviet Union and the Turkey during World War II, „The Department of State Bulletin“, vol. XIX, N. 472. 18 July, 1948.
- Howard M.* Grand Strategy. August 1942—September 1943, L., 1972.
- Hüber R.* Es wetterleuchtet zwischen Nil und Tigris. Berlin, 1940.
- Kiltte A.* Turkey and the World, Washington, 1959.
- Kirk G.* The Middle East in the War (Survey of International Affairs 1939—1946), London, 1952.
- Krecker L.* Deutschland und die Türkei im zweiten Weltkrieg, Frankfurt/Main, 1964.
- Kühne H.* Faschistische Kolonialideologie und zweiter Weltkrieg, Berlin, 1962.
- Kurat Y. T.* İkinci dünya savaşında Türk-Alman ticaretindeki iktisadi siyaset. „Belleten“, C. XXV, № 97. Ankara, 1961.
- Langer W. L., Gleason S. E.* The Undeclared War 1940—1941. New York, 1941.
- Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs, New York, 1957.
- Lewis G.* The Emergence of Modern Turkey, London, 1965.
- Mc Neill W. H.* American, Britain and Russia: their Cooperation and Conflict 1941—1946 (Survey of International Affairs 1939—1946), London, 1953.
- Medlicott W. N.* The Economic Blockade, vol. 1—2, London, 1952—1959.
- Montgomery Hyde H.* Room 3603. The story of the British Intelligence Center in New York during World War II, New York, 1963.
- Snell J. L.* Illusion and Necessity. The Diplomacy of Global War 1939—1943. Boston, 1963.
- Survey of International Affairs 1939—1946. The Eve of War 1939. Ed by A. Toynbee and V. Toynbee, London, 1958; The War and the Neutrals. Ed. by A. Toynbee and V. Toynbee, London, 1956.
- Tillmann H.* Deutschlands Araberpolitik im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1965.
- Vere-Hodge E.* Turkish Foreign Policy 1918—1950. L., 1951.
- Weisband Ed.* Turkish Foreign Policy 1943—1945. Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton University Press, 1973.
- Wiskemann E.* The Rome-Berlin Axis. A Study of the Relations between Hitler and Mussolini, L., 1960.
- Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L. 1962; vol. 2, L., 1971.

Zhivkova L. The Economic Policy of Germany and Britain in South-Eastern Europe on the Eve of the Second World War. „Etudes Balkaniques“, № 1, 1969.

Zhivkova L. The Imperialist Contradictions between England and Fascist Germany in the Balkans on the Eve of World War II. „Etudes Historiques“, № 5, 1970.

КОРХМАЗЯН РИПСИМЭ СЕРГЕЕВНА

**Турецко-германские отношения в годы
второй мировой войны**

*Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения
АН Армянской ССР*

Редактор издательства Р. А. БАГДАСАРЯН
Художник Ю. А. АРАКЕЛЯН
Худож. редактор Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Технич. редактор С. К. ЗАКАРЯН
Корректор В. Т. СИМОНЯН

ВФ 06911

Изд. 4712

Заказ 63

Тираж 2000

Сдано в набор 25/1 1977 г. Подписано к печати 7/ХII 1977 г.
Печ. 11,75 л. Усл. печ. л. 9,87 изд. 9,78 л. Бумага № 1, 84×108^{1/32}.
Цена 1 р. 30 к.

Издательство Академии наук АрмССР. 375019, Ереван,
Барекамутян, 24-г.
Эчмиадзинская типография Издательства АН Армянской ССР.

Цена 1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
АРМЯНСКОЙ ССР

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0419430

ԵՐԵՎԱՆ 1977

405044